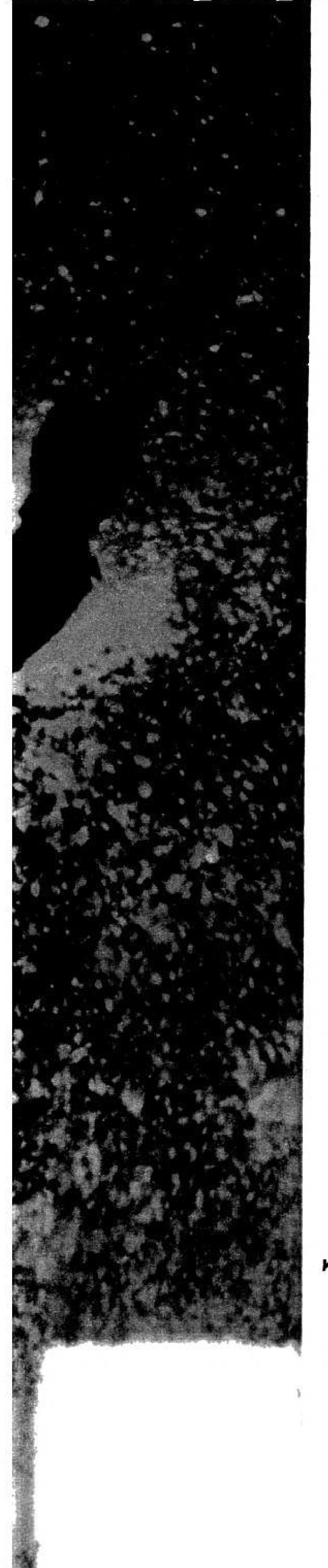

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Жив Мазай!

Памятник Макару Мазаю.

Максим Васильевич Махортов.

Идет металл.

А. КОЗЛОВСКИЙ

Фото К. КАСПИЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 51 (2164)

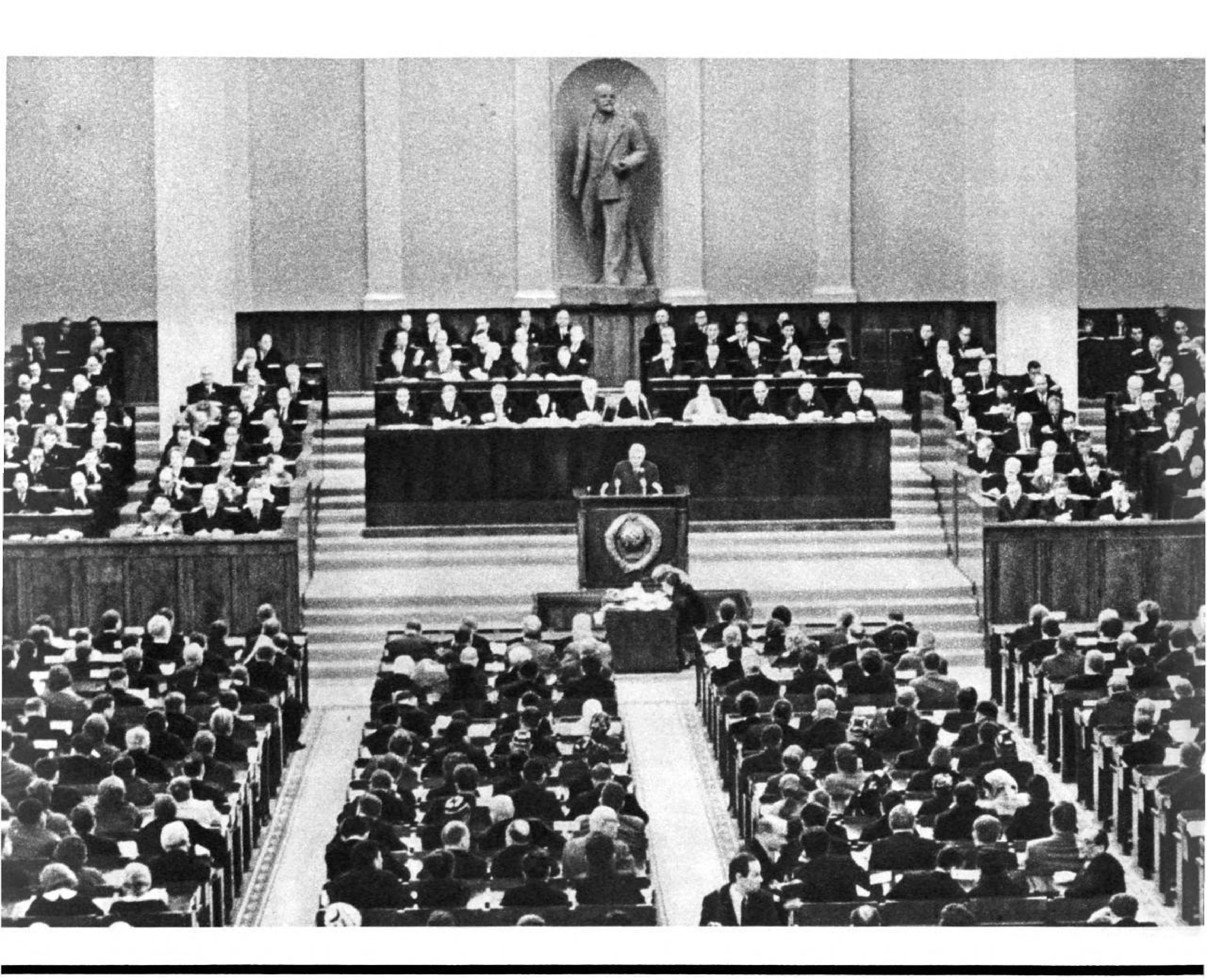
Основан 1 апреля 1923 года

14 ДЕКАБРЯ 1968

А Максим Васильевич Махортов знал Макара Мазая еще в те времена, когда тот не был знаменитостью. Махортов помнит, когда будущий рекордсмен сталеваров первый раз пришел в цех и Максим Васильевич начал обучать его, робкого мальчишку, металлургическим премудростям. Макар освоился в цехе быстро, обзавелся друзьями. Сложилась этакая троица, водой не разольешь — два Ивана и Макар. Один Иван — сын Махортова, другой — Ванюша Лут.

Мне захотелось еще раз навестить деда Махортова, которого в рабочем районе называют маршалом металлургии, родоначальником рабочей династии.

...На окраине Ильичевского района в маленьком домике живет Мак-

сим Васильевич. Скоро ему исполнится 80. Время выбелило волосы, перепахало морщинами худощавое лицо. Нет у него сейчас былых казацких усов, о которых писали журналисты еще в годы первых пятилеток. Дают себя знать и недуги. Но это по-прежнему энергичный, непоседливый человек. О Мазае он вспоминает с волнением. Такое не забывается.

Когда комсомолец Мазай заявил, что обязуется снимать с квадратного метра пода печи по двенадцать тонн стали, его посчитали фантазером, а иные — хвастуном. Шутка ли сказать, в несколько раз перекрыть тогдашние американские нормы! Махортов сказал: «Макар сумеет. Парень не промах».

И Макар сумел. Накануне 19-й годовщины Октября ошеломил небывалым рекордом, который был на грани фантастики. За шесть часов пятьдесят минут (само время было рекордное) сварил плавку и снял с каждого квадратного метра пода печи по 13,4 тонны стали. Правда, рекорд продержался недолго. Сам же Макар его и побил.

За стремительным восхождением Мазая пристально следил нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Он договорился с Мазаем, что тот ежедневно будет сообщать ему о результатах работы за каждую смену. Однажды, когда Макар Мазай не хотел ночью будить наркома, Серго позвонил ему сам и с упреком сказал: «Что ж ты молчал? Я не ложился спать, ждал звонка».

Максим Васильевич Махортов, узнав об этом, сиял от удовольствия. Вот, дескать, какого молодца выучил. Но и сам не отставал. Бывали дни, когда обгонял Макара. С трудовой наградой — медалью, которую вручил Махортову Михаил Иванович Калинин,— Максима Васильевича первым поздравил Мазай. Через несколько лет к медали прибавились ордена: Ленина и Трудового Красного Знамени. К тому времени и другие ученики Махортова оперились. Тот же Иван Лут. А начинал он необычно.

В 1928 году его отец пришел к Махортову и сказал:

— В сталевары просится хлопец... Поучи, Васильевич...

Паренек возрастом не вышел. В отделе кадров отказались оформить. Махортов потом смеялся: «Ваня у нас подпольщик. Нелегально огненное дело изучает». Потом сдались кадровики, уступили просьбе Махортова, настойчивости паренька, разрешили в виде исключения работать у печи. Начал он с должности мальчика на крышках. Вручную закрывал заслонки в мартене. Затем выдвинули в желобщики. Нынче такой специальности уже нет. Вышел из подпольщика отменный сталевар. Второй Иван из неразлучной троицы — Махортов — ушел с завода: выдвинули его на партийную работу.

Последний раз друзья встретились в 1941 году, когда Мазай вернулся на родной завод с учебы из Москвы. Иван Махортов в то время работал в райкоме партии. Встретились и договорились вместе идти на фронт. Но сбыться этому было не суждено, потому что фронту нужны были не только солдаты, но и сталь.

Фашисты нагрянули неожиданно. Они были уже на окраине города, когда местные активисты должны были собраться на последнее свое совещание. Но связь уже не работала. Иван Махортов торопился в райком и у моста, где сейчас стоит ему памятник, встретил немецких мотоциклистов. Они хотели взять Ивана Махортова живым. Он начал отстреливаться, убил одного, второго и упал у самого моста, прошитый автоматной очередью.

Макар тоже не успел выбраться из города, скрывался у друзей. Его искали. Оккупанты хотели заставить знаменитого советского сталевара работать на «великую Германию». Нашли. Но работать Мазай отказался наотрез. Его казнили. А завод пустить им так и не удалось.

Как только город был освобожден, первым, кто стал на трудовую вахту, был Максим Махортов. Через 90 дней после победы на его печи была выпущена первая мирная сталь.

— Вот так все это было,— вздыхает Максим Васильевич.

...Скрипнула калитка. Прямо от мартена, из того самого цеха, где начинал свою трудовую жизнь Макар Мазай, пришли внуки Махортова — Мстислав и Виктор,— рабочие парни, студенты металлургического института. Оба с женами. Жена Виктора — Светлана — нормировщица, жена Мстислава — Эвелина — знатный токарь-универсал. Потом калитка, кажется, и не закрывалась. В тот день был назначен семейный сбор, и мы оказались его невольными участниками.

Много народу в домике Махортовых. За столом — сын Федор, плавильщик завода имени Ильича; его жена Ольга — подручная; дочь Махортова Антонина — стерженщица литейного цеха; внучка Люба — комплектовщица. И, конечно, жена самого маршала металлургии Елена Михайловна.

Разговор за столом шел вроде бы семейный, но то и дело сворачивал на заводские новости и проблемы. Впрочем, ничего тут особенного нет, вся многочисленная династия Махортовых связана с заводом имени Ильича. И главные семейные новости были такие. Внук Максима Васильевича Мстислав со сталеваром Иваном Черня-

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

9 декабря 1968 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум рассмотрел вопросы:

«О проекте Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1969 год» — докладчик заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР тов. Н. К. Байбаков;

«О проекте Государственного бюджета СССР на 1969 год» — докладчик министр финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузов.

По этим вопросам Пленум принял соответствующее постановление.

На Пленуме с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил работу.

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС, принятое 9 декабря 1968 года

О ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА СССР НА 1969 ГОД

Одобрить в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета СССР на 1969 год.

ДОРОГОЙ НОВЫХ СВЕРШЕНИЙ

10 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась пятая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва. Депутаты, многочисленные гости тепло встретили появление в президиуме руководителей партии и правительства.

В повестке дня сессии:

О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1969 год.

О Государственном бюджете СССР на 1969 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1967 год.

О проекте Основ земельного законодательства СССР и союзных республик.

Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Об образовании Постоянных комиссий по делам молодежи Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

На первом совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР с докладом «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1969 год» выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.

Затем с докладом «О Государственном бюджете СССР на 1969 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1967 год» выступил министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

На снимке: общий вид зала заседания пятой сессии Верховного Совета СССР.

Фото Дм. Бальтерманца.

ком сварили плавку за 5 часов 45 минут. (Помните рекорд Мазая — 6 часов 50 минут?) А другой внук, Виктор, перед ноябрьскими праздниками был назначен сталеваром на девятую мазаевскую печь. Максим Васильевич узнает заводские новости не только за семейным столом. Сам бывает у печей. Год назад, когда праздновали полувековой юбилей Советской власти, пригласили ветерана в цех, рассказали о скоростных плавках внуков. Старик подошел к знаменитой мазаевской печи, попросил пику и очки, отбросил палку, долго стоял у сплошной стены огня, жестом показывая, что все идет хорошо.

Провожал его бывший подпольщик Ванюша Лут. Нет, теперь уже Иван Андреевич Лут — Герой Социалистического Труда, заместитель начальника цеха. Махортов очень гордится своим учеником.

И хотя Иван Лут лицом ничуть не похож на смуглого чубатого Мазая, дед Махортов про Ивана говорит:

— Вылитый Макар.

А сам Иван Андреевич утверждает, что его ученик Михаил Гонда, ставший известным на всю страну сталеваром, Героем Социалистического Труда и депутатом Верховного Совета Украины, тоже напоминает Мазая.

Жив Мазай!

Герой Социалистического Труда Михаил Степанович Гонда.

Герой Социалистического Труда Иван Андреевич Лут.

На мазаевской печи сталевар Виктор Махортов.

50 ЛЕТ СО ДНЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛИТВЕ

НАРОДУ НЕОБХОДИМАЯ

Феликсас ВАЙШНОРАС,
член КПСС с 1919 года

Декабрь 1918 года. Это время памятно потому, что принесло оно особое ощущение свободы. Рухнул кайзеровский режим в Германии, и вспыхнуло с новой силой освободительное революционное движение в оккупированных ею странах, в том числе в Литве. Лагерь принудительных работ, в который бросили меня оккупанты, развалился, узники уходили кто куда. Ушел и я.

Глубокой ночью мы с Паслаускасом, моим приятелем и единомышленником, окоченевшие от мороза, пришли в свой родной городок Пильвишкяй. На Антанавской улице возле одноэтажного домика остановились.

Я постучал в окно. И через несколько минут мы уже сидели в теплой комнате, окруженные обрадованными родственниками. Особенно радовался отец. Он надеялся, что я сразу стану помогать ему слесарить.

Но мои планы были иными. Свое будущее я связывал лишь с революционной работой. Иной путь был немыслим. И хоть мы с Паслаускасом молчали, отец догадался, о чем мы думаем. Он разжег потухшую трубку и сказал:

— То, что происходит сейчас в Литве, очень похоже на 1905 год. Митинги, свобода... Но вот налетят каратели, и все развеется как дым.

— А вы за какую власть, отец? — пошли мы с Паслаускасом в «наступление».

— Я за ту, которая облегчила бы положение рабочих, создала бы им человеческую жизнь. Вот за такую власть воевать надо всерьез.

В городе в эти дни уже работала коммунистическая ячейка. Ее пропагандисты несли народу идеи революции, и имя Владимира Ильича Ленина было хорошо известно литовским рабочим.

Помню один из митингов после нашего возвращения. На нем присутствовали представители буржуазных организаций. Выступает Стасис Кирвелайтис, секретарь местной коммунистической ячейки:

— Товарищи, единственно приемлемая для рабочих власть — это Советская, та, что создана великим Лениным в России. Призываю бороться только за нее!

Грохот аплодисментов. Кирвелайтиса качают, и мы видим: народ на нашей стороне. Через несколько дней в наш городок приехал от ЦК Компартии Литвы Стасис Эймутис. Вечером на партийном собрании он рассказал, что в Вильнюсе организовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Мицкявичюсом-Капсукасом. 16 декабря 1918 года своим манифестом правительство провозгласило в Литве Советскую власть. На этом же нашем собрании был утвержден Революционный комитет, который должен был организовать выборы в Совет рабочих депутатов и малоземельных крестьян.

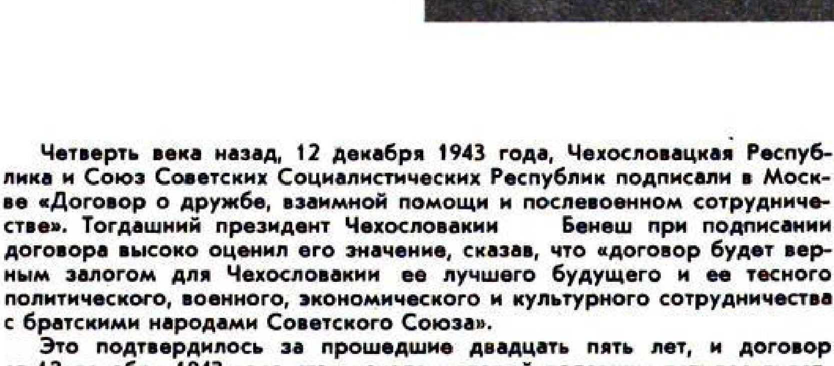
Выборы проходили в первые дни января 1919 года. Ранним зимним утром в Пильвишкяй собрались жители из окрестных селений. Прибыли и представители буржуазных партий. Они стремились попасть в президиум и направить ход собрания в выгодное для них русло. Однако народ по опыту предшествующих лет знал уже цену их обещаниям. Споры были горячие. Повестка собрания не исчерпалась за один раз, и оно было перенесено на другой день. По просьбе участников коммунисты рассказали о программе своей партии. Представителям буржуазии нечего было делать на таком собрании, и они на второй день уже не явились. В голосовании участвовали все присутствующие, и в Совет избрали товарищей, кан-

---

Специально для «Огонька»

К 25-ЛЕТИЮ ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ И ПОСЛЕВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Ян НЕМЕЦ,
Генеральный секретарь Общества Чехословацко-советской дружбы

ТОЛЬКО ПО ПУТИ СОЦИАЛИЗМА

Май 1945 года. Ликует освобожденная Прага.
Фото Ф. Левшина.

Четверть века назад, 12 декабря 1943 года, Чехословацкая Республика и Союз Советских Социалистических Республик подписали в Москве «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве». Тогдашний президент Чехословакии Бенеш при подписании договора высоко оценил его значение, сказав, что «договор будет верным залогом для Чехословакии ее лучшего будущего и ее тесного политического, военного, экономического и культурного сотрудничества с братскими народами Советского Союза».

Это подтвердилось за прошедшие двадцать пять лет, и договор от 12 декабря 1943 года стал началом второй половины пятидесятилетней истории чехословацкой государственности, той половины, когда не только национальные и демократические устремления народа, но и его социальные и классовые интересы нашли свое осуществление сначала в народно-демократическом, а после февраля 1948 года и социалистическом устройстве Чехословакии. Вершиной социалистического развития страны явился принятый в октябре 1968 года закон о федеративном устройстве Чехословацкой Социалистической Республики.

Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве был заключен в суровые годы войны, когда советские войска приступили к мощному наступлению, чтобы освободить не только советскую территорию, оккупированную фашистами, но и народы Европы и в том числе народы Чехословакии.

Договор, содержащий 6 статей, решил в основном три главных вопроса:

Стороны обязуются оказать друг другу помощь в войне против Германии, союзных с нею государств, участников агрессии в Европе, дове-

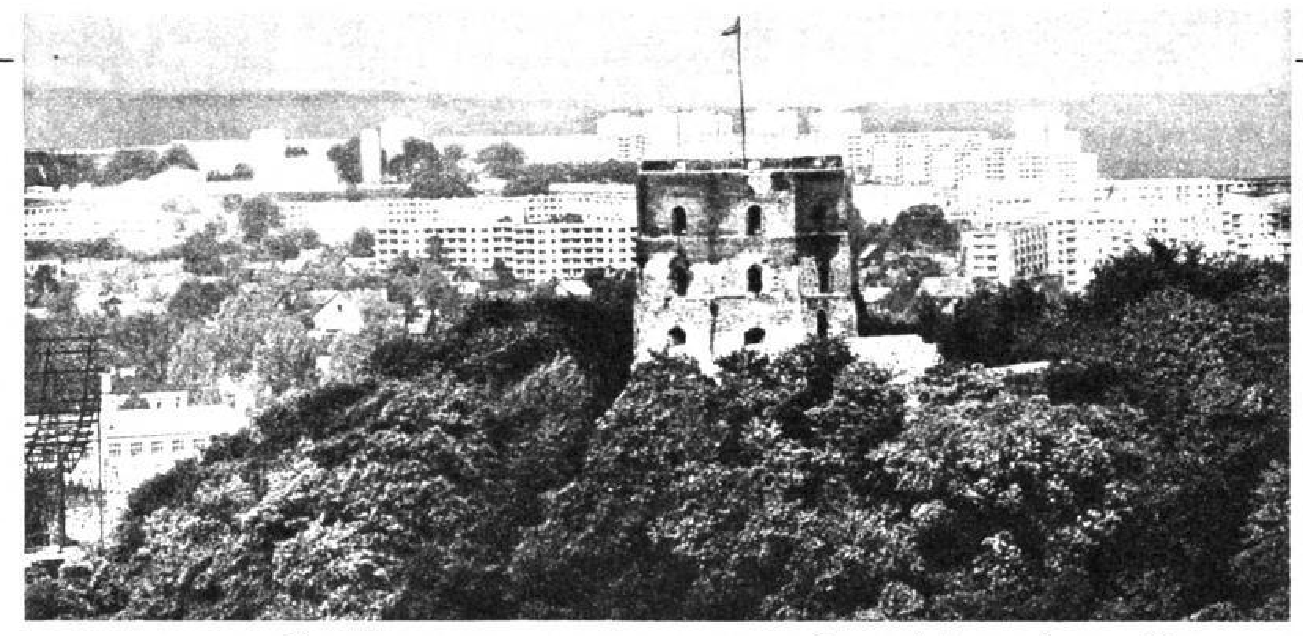
дидатуры которых предложили коммунисты.

Депутаты с красными знаменами и революционными песнями двинулись по улицам. Дошли до здания немецкой комендатуры и потребовали, чтобы немцы оставили городок, ибо с сегодняшнего дня вся власть принадлежит Советам. Через несколько дней немцы покинули Пильвишкяй.

Был я в это время избран секретарем Пильвишкяйского комитета КП Литвы, председателем профсоюза сельскохозяйственных рабочих. В мае 1921 года за революционную деятельность был арестован буржуазией и насиделся в Мариампольской и Каунасской тюрьмах, пока не удалось мне перебраться в Советский Союз.

Я и мои товарищи по борьбе знали, что первая наша победа не случайна, что наступит время окончательной победы Советской власти в Литве, потому что власть эта народная, народу необходимая. И это время наступило. В 1940 году в нашей республике была восстановлена Советская власть. 3 августа 1940 года Литва была принята в состав СССР.

Ныне орденоносная Советская Литва является краем высокоразвитой индустрии, высокоразвитого многоотраслевого сельского хозяйства, краем процветающей культуры и науки.

С каждым годом растет и хорошеет столица Советской Литвы — Вильнюс. На живописном берегу реки Нерис высятся нынче великолепные здания из стекла и бетона.

Фото М. Баранаускас (ТАСС).

сти войну до победного конца и не проводить никаких переговоров о перемирии или мире без взаимной договоренности.

В случае возобновления в будущем военной опасности в Европе, как следствия возрождения германской политики «дранг нах остен», оказать взаимную военную помощь и другую поддержку; стороны обязуются не принимать участия ни в каких коалициях и не заключать никаких союзов, направленных против одной из договаривающихся сторон.

Стороны договариваются продолжить политику крепкой дружбы и дружеского послевоенного сотрудничества, развивать самые широкие экономические связи и взаимно оказывать всестороннюю экономическую помощь после войны.

Двадцать пять лет спустя самое время поразмыслить о том, как выполнялись эти основы договора.

Что касается первой из них — оказать взаимную помощь в войне против Германии,— это было выполнено 9 мая 1945 года, когда освобождением Праги завершилось освобождение Чехословакии; в этот же день была достигнута безусловная капитуляция нацистской Германской империи. Основы договора выполнялись уже во время подписания договора, о чем прекрасно сказал Председатель Президиума Верховного Совета М. И. Калинин: «Важно отметить, что записанное в Договоре о взаимной поддержке в войне против гитлеровской Германии уже осуществляется на деле, это сотрудничество скреплено кровью сынов наших народов, сражающихся бок о бок за нашу общую победу, за общую победу дела союзников». Да, советские войска сражались на советской, а потом и чехословацкой земле, а с ними сражался чехословацкий корпус под командованием Людвика Свободы, участники Словацкого народного восстания, пражского восстания, сражались чехословацкие воины на других фронтах мировой войны, сражались вместе отряды партизан, и их кровь скрепляла этот договор. Многие из них отдали жизнь за общую победу.

Была ли обоснованной та часть договора, которая указывала на возможность новой военной опасности традиционного немецкого «дранг нах остен», или она основывалась на неверном прогнозе?

Лучше всего ответят нам те люди, которые представляют нынешнюю политику ФРГ — слова их ясны и недвусмысленны.

Западногерманский канцлер Кизингер пишет в журнале «Зюддойче фиртельяресблеттер» № 1 за 1966 год: «Поддерживать Запад, используя все политические возможности, вернуть отнятые германские, славянские, мадьярские и румынские земли — это и есть та истинная цель, к которой мы должны стремиться».

Вилли Брандт, вице-канцлер ФРГ: «Невыносимо положение, при котором Западная Германия вынуждена уже больше двадцати лет существовать без своих восточных областей, бывших некогда ее житницей». И тот же Вилли Брандт: «...что касается восточных границ Германии, не идет и речи о том, чтобы от них отказаться, скорее наоборот...»

В январе этого года Коммунистическая партия Чехословакии и ее Центральный Комитет приняли решение устранить деформации прошлых лет, возродить ленинские принципы социалистической демократии в партии и государстве. Это решение нашло полное понимание самой широкой общественности, полную поддержку истинно демократическому процессу возрождения в стране. Однако антисоветские и антисоциалистические силы, как отмечалось в резолюции ноябрьского пленума ЦК КПЧ, попытались использовать этот здоровый процесс для своих грязных целей. Кое на что рассчитывали и «друзья» Чехословакии за границей, о чем свидетельствует статья, помещенная в ноябрьском номере американского журнала «Форчун». В статье говорится о «чехословацком эксперименте». «Те,— пишет «Форчун»,— кто его проводят, хотели бы прежде всего проверить, удастся ли вырвать эту страну из социалистического лагеря и вернуть ее в лоно капитализма, а кроме того, проверить, как будут на это реагировать союзники Чехословакии по Варшавскому договору». Знаменательны выводы этой статьи: «ослабление Варшавского договора и одновременное усиление Западной Германии смогло бы в один прекрасный день закончиться нападением Западной Германии с помощью США на СССР».

Есть у нас в Чехии пословица: «Гусь, в которого попал охотник, сам откликнется». И тут видно, насколько мудрым шагом было заключение Договора 1943 года, который обратил внимание на возможность опасности нового «дранг нах остен», пусть ныне этих слов не произносят, а говорят всего лишь о так называемой «новой восточной политике».

Что же касается третьей части договора, сотрудничества экономического, то эта часть не только выполняется целую четверть столетия, но и будет продолжаться многие десятилетия. Чехословакия, страна традиционно бедная сырьем, но богатая умом и золотыми руками рабочих и техников, лишь в торговом партнерстве с Советским Союзом смогла получать нефть, железную руду, прокат, чугун, хлопок, медь, цинк, а также машины и оборудование в таком количестве, которое обеспечивает работу сотням тысяч граждан ЧССР и создает условия для развития народного хозяйства и роста жизненного уровня народа. При этом советский рынок предоставляет неограниченные возможности для продажи машин, оборудования и товаров широкого потребления, что обеспечивает стабильность, многосерийность и эффективность производства. Экономическое сотрудничество избавляет Чехословакию от конъюнктурности и сезонности, от которых страдает экономика монополистического капитала. Это сотрудничество избавляет нашу страну от зависимости — включая сюда политическую зависимость — от капиталистического мира.

Люди в ЧССР, которые могут понять всю сложность международных отношений, вполне сознают выгодность договора 1943 года и то его основополагающее значение, о котором так замечательно сказал 26 декабря 1943 года по московскому радио товарищ Клемент Готвальд: «Наши народы, которые на протяжении ряда столетий ведут борьбу за свое существование, смогут отдохнуть и спокойно пойти навстречу новому, более счастливому будущему... Этот договор избавляет наши народы от самого тяжелого бремени, которое они несли на протяжении столетий,— от страха за существование».

Документы Братиславского совещания от 3 августа 1968 года, августовские и октябрьские переговоры между представителями КПЧ и КПСС, все это позволяет с уверенностью сказать, что и те люди в Чехословакии, кто по тем или иным причинам недоволен Советским Союзом, со временем поймут то основное, на что указывала не раз и указала на ноябрьском пленуме Коммунистическая партия Чехословакии: дальнейшее развитие Чехословакии может осуществляться — как этого хочет подавляющее большинство чехословацкого народа — только по пути социализма; место социалистической Чехословакии только в социалистическом сообществе, только в сотрудничестве и дружбе с социалистическими странами, особенно с Советским Союзом.

Прийти к такому пониманию, значит понять историческое значение чехословацко-советского Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Понять это, значит честно и самоотверженно трудиться для выполнения этого договора.

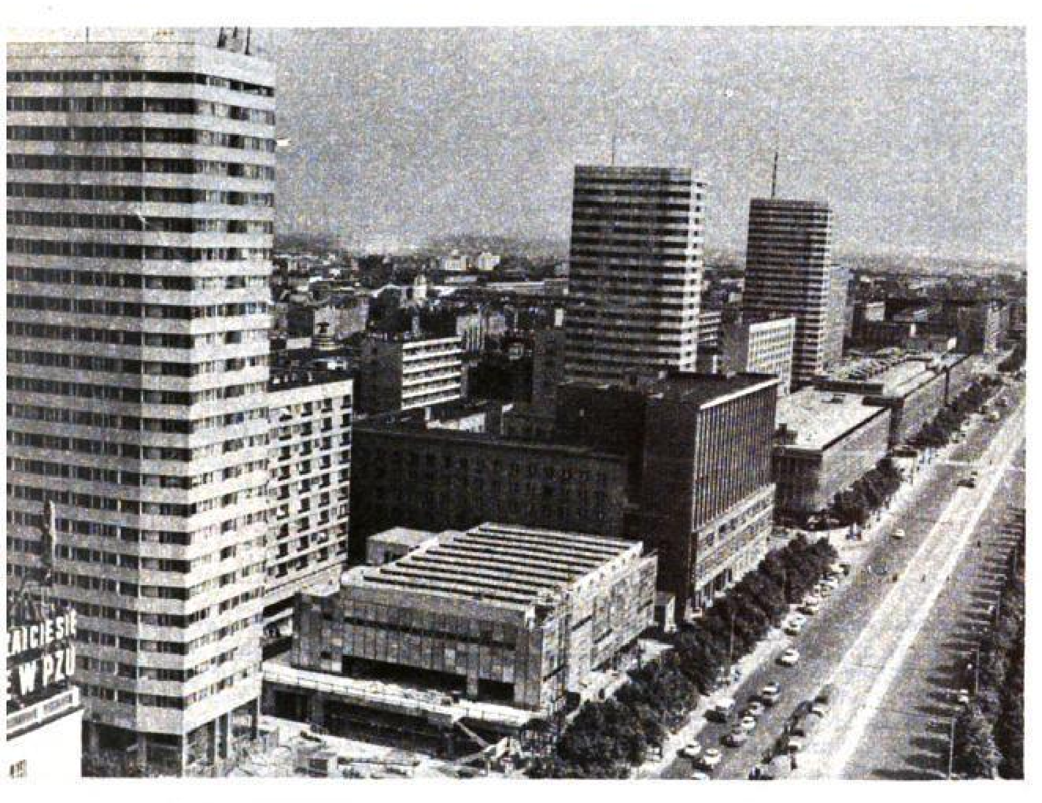
Получено через АПН

16 декабря исполняется 50 лет Коммунистической рабочей партии Польши.

В социалистической Польше дело польских коммунистов продолжает Польская объединенная рабочая партия, которая празднует ныне свое двадцатилетие.

На уроке в судостроительном техникуме Гданьска. Более пяти с половиной миллионов детей учатся в начальных школах Польши. Миллион шестьсот тысяч парней и девушек получают специальность в профессиональных школах различных типов.

Варшава сегодня.

Два поколения

Ежи КРАШЕВСКИ,
польский журналист

Пятьдесят лет назад, в декабрьское утро 1918 года, в Варшаве произошло, казалось бы, не очень заметное событие. Встреча нескольких десятков человек длилась недолго. Эти люди знали друг друга — они входили в Межпартийный совет, образованный двумя левыми партиями: СДКП и Л — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и ППС-левицы — левой Польской социалистической партии. Они знали, что только крепкая и единая политическая организация сможет принести польскому народу освобождение от чужеземного гнета, а польским трудящимся — свободу от эксплуатации. Межпартийный совет утвердил решение об объединении двух организаций в одну. В тот же день вечером двести делегатов объединительного съезда двух рабочих партий единогласно проголосовали за создание Коммунистической рабочей партии Польши.

Так родилась политическая сила, которой суждено было бороться за новую Польшу, а потом строить ее и вести за собой польский народ в новую жизнь.

...Стать коммунистом в Польше Пилсудского — значило выбрать себе домом тюрьму. Чеслав это понимал. Его отец, рабочий, член СДКП и Л, принимал участие в революции 1905 года, организовывал стачки. Мать тоже работала на фабрике. Когда Чеславу исполнилось шестнадцать, он перешагнул порог той же фабрики, где трудился отец. И так же, как он, Чеслав начал борьбу за рабочее дело. Сколько раз он сидел в тюрьме? Кто знает. Его арестовывали в родной Лодзи и в Домбровском угольном бассейне, били в полиции, в тюрьмах и в концлагере Береза Картузская, заковывали в кандалы в 1928 году, и в 1933-м, и в 1936-м Но каждый раз, когда он выходил на свободу — если можно

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Двадцать шестого ноября состоялась очередная встреча «Огонька» с читателями. Встреча как встреча. Только место не совсем обычное — ГДР, Дом офицеров гарнизона советских войск. И соответственно читатели, которые пришли на эту встречу,— воины. Те самые советские солдаты и офицеры, которые несут свою нелегкую службу на западной окраине великого лагеря социализма...

Потому-то каждое слово, услышанное огоньковцами здесь, было для нас особенно дорогим и весомым.

Читательскую конференцию открыли начальник Дома офицеров Герой Советского Союза подполковник А. И. Беспалов и работник политотдела соединения майор В. С. Басалин.

О работе журнала, о планах на будущее рассказали главный редактор «Огонька» А. В. Софронов, журналисты Д. Н. Бальтерманц, В. В. Павлов.

Своим мнением о нашем журнале поделились с присутствующими старший сержант В. П. Демин, майор И. Г. Моськин, сотрудница библиотеки Л. Г. Титова, рядовой А. М. Мартынов, жена военнослужащего Л. А. Свирид.

Коллектив редакции выражает свою признательность советским воинам — участникам этой зарубежной читательской конференции «Огонька» — за их глубокую заинтересованность в нашем труде, за добрые слова и критические замечания.

Фото Д. Бальтерманца

Майор И. Г. Моськин.

Л. А. Свирид.

Рядовой А. М. Мартынов.

назвать свободной панскую Польшу,— он снова говорил партии: «Я готов». И снова шел агитировать, устраивать стачки, митинговать. Шел бороться.

Когда Польшу оккупировали фашисты, Чеслав был среди тех, кто создавал первые ячейки подпольной Польской рабочей партии, кто руководил боевыми отрядами партизан. Он погиб, как и жил, в бою.

За жизнь одного поколения поляков русские коммунисты дважды приносили свободу польскому народу. Первый раз, когда Октябрьская революция позволила польскому народу обрести свою государственность после более чем столетнего иностранного владычества. Второй раз, когда мощный вал советских армий, вместе с которыми героически сражались польские патриоты, разгромил фашизм. Для польских коммунистов пришла новая, еще более ответственная пора — пора строительства. И перед ними снова стала важнейшей задачей консолидация всех сил страны, объединение всех трудящихся.

Так в декабре 1948 года родилась плоть от плоти первых польских коммунистов Польская объединенная рабочая партия. Из разоренной, разграбленной Польши надо было создавать Польшу социалистическую. Это стало делом нового поколения польских коммунистов.

...Щепан родился в деревне. В 1950 году, когда объявили набор на строительство Новой Гуты — города и сталелитейного комбината под Краковом, он сел в поезд и поехал на стройку. На вокзале спросил случайного прохожего: «Как доехать до Новой Гуты?» Тот показал дорогу. Щепан пошел пешком. Он шел мимо старого форта, его обгоняли машины со строительным материалом. Он изрядно устал, а города все не было видно. «Где же строят эту Новую Гуту?— подумал он.— Ведь здесь ничего не видно, всюду пусто!» Пройдя еще добрый километр, он внезапно увидел какое-то колесо, висящее поперек дороги на проволоке, растянутой между двумя деревьями. На колесе большими буквами было написано «Новая Гута». Прошел еще двести метров и снова встал, не зная, куда идти. Дороги расходились, а зданий все не было. Щепан решил идти прямо. Тут-то он и заметил над дверью какого-то барака табличку «Управление строительства Новой Гуты».

Он работал на стройке сначала подсобником, потом слесарем. О будущем комбината рассказывали удивительные вещи. И Щепан решил остаться. В феврале 1952 года он пришел на бетонный завод. Одновременно учился и много читал. Если книжек не хватало, вместе с ребятами ездил в Краков, в книжные магазины.

22 июля 1952 года, значительно раньше срока, из первой электропечи хлынула сталь. Первая сталь Новой Гуты. Щепан стоял рядом с печью. Никогда не забудет он той минуты, когда под звуки «Интернационала» из печи потек металл.

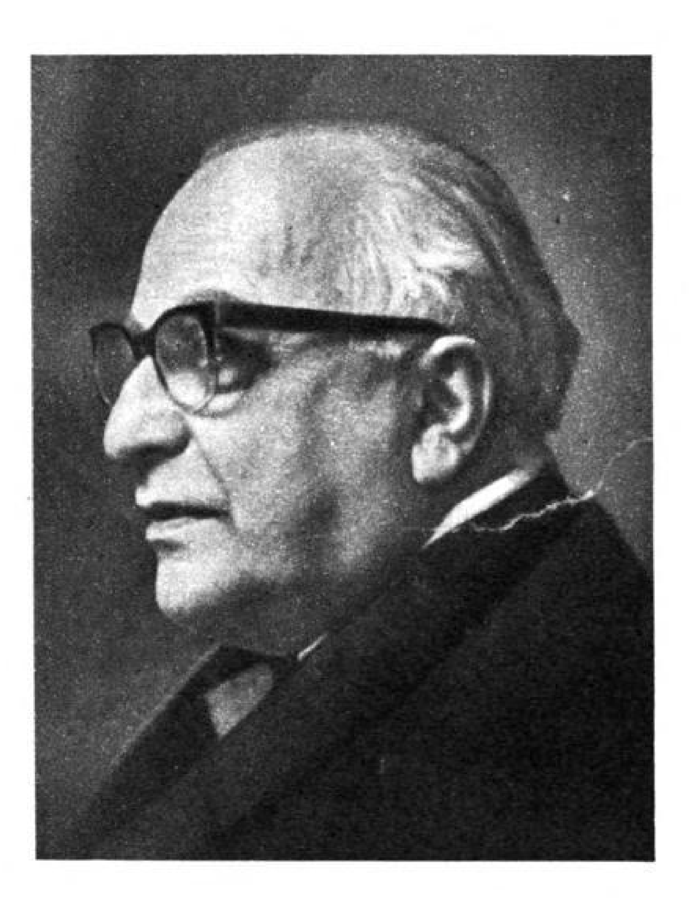
В тот день Щепан подал заявление о приеме в Польскую объединенную рабочую партию.

Сколько раз с тех пор рассказывал он молодым рабочим Гуты о строительстве первых жилых домов, о рождении каждой дороги, о своем пешем путешествии из Кракова в Новую Гуту!

Чеслав и Щепан — два простых польских парня, один рабочий, другой из крестьян. Два поколения Польши, одно — сражавшееся за свободу, другое — строящее в свободной стране счастливую жизнь. Две разные судьбы, две короткие биографии. Эти люди никогда не знали друг друга. Но они — члены одной, коммунистической семьи. И сегодня, в день пятидесятилетия первых коммунистов страны, в день двадцатилетия ПОРП, мы, поляки, говорим нашей партии: «Нех жие!» — что означает — «Пусть здравствует!»

В зале.

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ РУБЕНА СИМОНОВА

Мы говорим: для великого художника, творца, таланта смерти нет.

Увы, в час непоправимой беды мы просто хотим, пусть немного, утешить себя... Смерть есть.

Смерть есть, хотя бы уже потому, что на полдороге обрываются не завершенные художником дела. Необратимо рушатся, а иногда остаются вовсе неведомы людям те удивительные планы, те чудесные замыслы, те образы, которые сперва лишь робко возникают в могучем воображении Мастера, а потом уже обретают и его плоть и его кровь. Готовые к рождению, они настойчиво требуют выхода на свет, к людям, но вместе с художником смерть гасит свет его неистощимой фантазии, не давая мечте осуществиться, стать сбывшимся, завершенным делом.

А ведь в этих замыслах, в этих задумках все актеры вахтанговского театра — ансамбль звезд, именно им, Р. Н. Симоновым выпестованный за многие годы его поистине рыцарского служения искусству,— должны были бы раскрыться еще глубже, еще ярче и звонче...

На годы вперед Мастер видел Будущее своего театра.

Видел свои новые постановки — масштабные, неповторимые. Задорные, романтические, яростно-наступательные; либо преисполненные той ясной эпической мудрости, где величие и зрелость народа совпадали бы с величием и зрелостью свершенной народом революции...

Не очень-то любил Рубен Николаевич впускать кого бы то ни было в этот мир Будущего — всегда таинственный мир «не родившихся еще душ». Но зато уж если впускал, то был на редкость щедр и доверчив, раскрывая свое заветное творческое провидение. Таким вот Провидцем народной жизни, за внешним спокойствием которого таится неистовое, горячее биение художнического пульса, Симонова изобразил Мартирос Сарьян...

То, что сделал Симонов за годы своей жизни, осуществляя вахтанговский, а главное, ленинский завет служения родному народу, кажется по силам только титану. Неистощимость перевоплощения. Радость актерского, а затем и зрительского откровения. Душевное, сердечное постижение чьей-то чужой, ранее для тебя неизвестной и даже будто бы вовсе посторонней жизни, как жизни чрезвычайно нужной и интересной, отныне становящейся жизнью большой, важной, своей. Праздничная масштабность, народность этих жизней, таких непохожих в «Аристократах» и «Фронте», «Олеко Дундиче» и «Виринее», «Правде и Кривде» и «Конармии»...

Народная, реалистическая, революционная сущность, она-то и составляет единственную, быть может, «похожесть» каждой симоновской роли. Каждого симоновского спектакля. Каждой большой постановки вахтанговцев, строивших сначала по-вахтанговски, а потом уже и по-симоновски упорно, неотступно, окрыленно Театр революции...

Рубен Симонов выстроил этот театр. Отдал ему всю свою жизнь.

Силу этого театра теперь воспринимаешь как силу могучего дерева. Корни его кажутся неистребимыми. Они так глубоко ушли в почву, их питают такие плодотворные и неистощимые соки родной земли, что Смерть уже не властна над ними.

Н. ТОЛЧЕНОВА

В гостях у Михаила Шолохова

Сорок три года назад в редакцию «ЖКМ» (Журнал крестьянской молодежи), как тогда называлась «Сельская молодежь», вошел невысокий светловолосый паренек и положил на стол редактора свой рассказ. Рассказ был напечатан, а автору предложили сотрудничать в журнале.

Это был Михаил Александрович Шолохов.

Журнал «Сельская молодежь» в связи с 50-летием ВЛКСМ учредил памятную медаль «Родная земля». Этой награды, по решению редколлегии, первым был удостоен почетный автор журнала — М. А. Шолохов.

Фото В. Чумакова.

НА ПОДВОДНЫХ КРЫЛЬЯХ... ПО АСФАЛЬТУ

Такого маршрута в расписании движения судов нет и пока не может быть. Однако теплоход на подводных крыльях «Беларусь» за три дня проделал путь из Гомеля в Минск... по асфальту с помощью автотягача «КРАЗ-221». Команды «Полный вперед!», «Стоп!» имели право отдавать только шоферы одиннадцатой минской автобазы Ю. Корбут, П. Крот и М. Гуревич. Они доставили теплоход в необычную гавань — к красавцу павильону, где в дни празднования 50-летия БССР и Компартии Белоруссии откроется выставка достижений народного хозяйства республики.

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

Среди старейших литературно-художественных и общественно-политических журналов «Дружба народов» занимает особое место. Это журнал, на страницах которого вот уже тридцать лет встречались и встречаются писатели многонациональной советской литературы.

Его появление в журнальном мире связано с великим именем Максима Горького, который всегда уделял развитию литератур Советского Союза самое пристальное внимание.

Журнал «Дружба народов» позволил многомиллионному русскому читателю познакомиться и с классикой братских литератур и с лучшими произведениями наших современников.

Сейчас, когда прошло тридцать лет, этот журнал особенно окреп, увеличился его тираж, и на книжных полках любителей литературы он занял свое постоянное место.

Трудно переоценить роль «Дружбы народов» в развитии социалистического реализма. Лучшие его публикации весомо говорят об успехах советской литературы, действительно социалистической по содержанию и национальной по форме.

Н. МИХАЙЛОВ

Профессор М. С. Туполев просматривает поступившую к нему почту.

Фото М. Савина.

РАДЕТЕЛИ ПИЗАНСКОЙ СТАРИНЫ

В 1174 году архитектор Бонанно совершил ошибку, которую следует признать гениальной. Во всяком случае, с той поры не было, думаю, года, когда бы имя Бонанно не вспоминалось. Поэмы, научные исследования, романы посвящены его творению — башне, которая вот уже много столетий нависла над пизанской площадью Чудес и сама стала одним из чудес света.

Итальянец Бонанно начинал строить башню, а его сегодняшний коллега, профессор Московского архитектурного института Михаил Сергеевич Туполев озабочен ее спасением. Поэтому, когда в общество «СССР — Италия» из разных городов страны стали поступать эскизы и проекты выпрямления башни, московский профессор был поставлен во главе наших радетелей пизанской старины. ...Несколько лет в адрес доктора архитектуры Туполева шли пакеты с чертежами, рисунками, схемами, расчетами, предложениями — профессиональными и дилетантскими, «единоличными» и коллективными. В одном из институтов даже дипломный проект защищался — «Прекращение падения Пизанской башни». Высказывали свои соображения сотрудники уральского и киевского проектных институтов...

Перебираю конверты. «Все очень просто,— пишет один из одесских корреспондентов профессора.— Все очень просто! Ройте котлован под фундаментом. И башня осядет, выпрямится. Из котлована делается подвал... В нем остаются все буровые механизмы. Через пару веков, когда башня снова наклонится, все инструменты окажутся под рукой — и порядок».

— Но, конечно, таких «прожектов» меньшинство,— улыбается Михаил Сергеевич.— Многие работы отличают глубина, серьезность. Сейчас отобраны, проанализированы самые лучшие. Из этой «элиты» мы отобрали наиболее перспективные и оформили альбом, собравший очень дельные, высокопрофессиональные предложения. Их-то и предполагается послать в Пизу.

Лучшие проекты отмечены дерзостью инженерной мысли. У советских архитекторов и инженеров есть практика по передвижению домов; задача эта в существенных деталях родственна пизанской. Есть опыт выпрямления самаркандского минарета, одного из московских высотных зданий, домов...

...Настанет, наверное, день, когда башня остановит свое длящееся веками падение. И, может, этому будет способствовать одно из тех предложений, с которыми я познакомился в рабочем кабинете профессора М. С. Туполева.

К. БАРЫКИН

РУКАМИ ДОЧЕРЕЙ РАЗНЫХ НАРОДОВ

В немировский дом отдыха «Авангард», что в Винницкой области, как-то приехал харьковский художник Л. П. Роженко. Узнав, что среди отдыхающих много рукодельниц, он предложил им вышить по его рисунку портрет Ленина. Предложение очень понравилось. Первый стежок положила на холст украинка Нина Сергиенко. Потом нитка и наперсток перешли к отдыхавшей здесь узбечке Мансуде Мухрумбаевой, потом — к вьетнамке Тхи Тьи. Присоединились к работе негритянка Гойя Мария Санто, русская девушка Наташа Афонская, чешка Елена Баланова, монголка Батдарам Ханди, гостья из Коми АССР Прасковия Попова...

Так в немировском доме отдыха на Винничине был создан «интернациональный» портрет вождя.

Л. ШАМИС

ДОМ, ГДЕ ПРОПИСАНА МУЗЫКА

В новом районе Душанбе в большом саду стоят несколько корпусов. Это школа.

Когда идешь по коридору одного из корпусов, чудится, будто попал ты за кулисы концертного зала. За каждой дверью — своя мелодия, сложная или совсем простая. В каждой комнате — музыкант. За этой дверью, за которой звучит элементарная гамма, старательно трудится пианист, которому от роду всего семь лет. А за другой дверью звуки рояля сливаются с дробным легким перестуком. Конечно, это класс хореографии!

Полное название школы, в которой сделаны фотографии, помещенные на цветной вкладке, звучит так: Республиканская музыкально - хореографическая школа-интернат. Она пока единственная в Таджикистане. Ее построили в 1963 году.

Четыреста мальчишек и девчонок из разных уголков республики начали тут нелегкий путь к высотам искусства. У них отличные наставники. К ним приезжают известные артисты, несколько раз гостем ребят был целый симфонический оркестр. Короче говоря, необычная это школа. И в сочинениях, которые пишут ребята на уроках, можно встретить признания, каких не напишут в любой иной школе. «Музыка — это очень красиво. Когда ее слушаешь, то боишься громко дышать»; «Самым радостным днем в моей жизни было 15 декабря 1966 года. В тот день я дала свой первый самостоятельный концерт»; «Балет — это труд. А трудиться по-настоящему я научилась здесь».

Впрочем, будущие Улановы и Рихтеры — люди весьма разносторонних интересов. Круг их занятий и увлечений вовсе не замыкается вокруг искусства. Сад, что окружает их школу, посадили они. Сначала расчистили площадку от обычного строительного мусора, потом посадили. Теперь ухаживают за деревьями и «пожинают» плоды своего труда в столовой: осенью на каждом столе — свежие фрукты, зимой — компот из яблок тоже своего сада.

Ребята — даже «музыкально одаренные», как выражаются педагоги,— остаются ребятами, всем интересующимися, озорными, веселыми. И ЧП тут бывают точно такие же, как в любой школе-интернате: окно, разбитое футбольным мячом, нос, расквашенный в мальчишеской драке, девичьи слезы по поводу того, что самый обычный шалун самым обычным образом дернул за косу...

Бывают, разумеется, в школе и очень важные и приятные события: торжественный прием в комсомол, победа в пионерском соревновании, за которую отряды «Чайка» и «Ракета» были награждены поездками в Самарканд и Ленинабад.

С. БОРИСОВ

Урок хореографии. Педагог — солистка балета Земфира Казакова.

Пятиклассница Мира Дододжанова — пианистка.

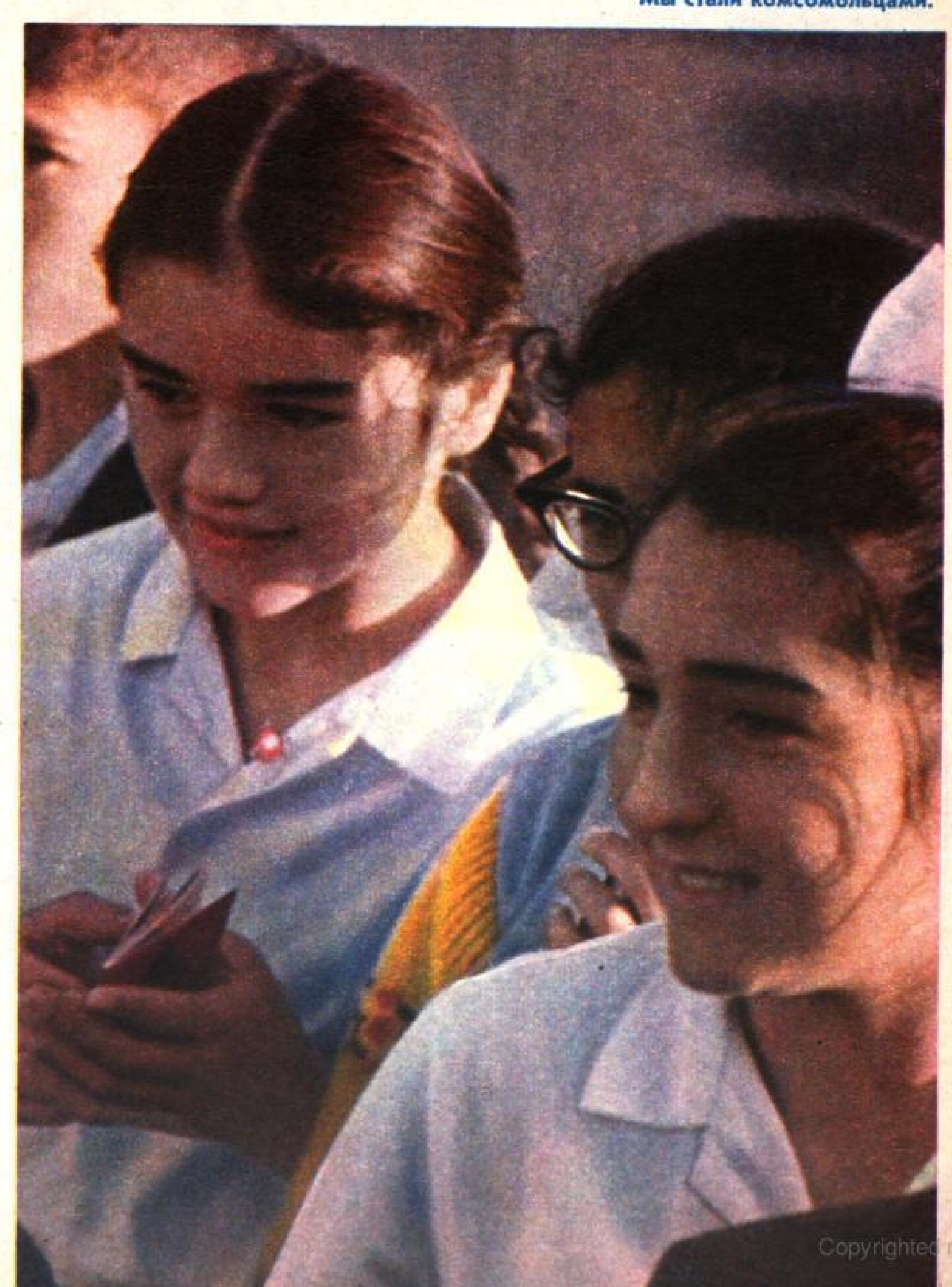
Фото А. Награльяна.

После урока.

Учительница таджикского языка Адолат Назарова работает в школе-интернате со дня ее основания.

Мы стали комсомольцами.

Иван ШЕВЦОВ

Н. И. Слугачев в тылу врага.

Фашистского прислужника, выдававшего в лапы гестапо польских патриотов, вывели на площадь деревни Средние Ланы. Собрался народ. С любопытством смотрели крестьяне на пятерых невесть откуда появившихся вооруженных людей, осмелившихся связать гитлеровского палача. Ждали, что будет дальше. В толпе пробегал взволнованный шепоток: «Партизаны... Польские партизаны...» Невысокого роста, худенький, белобрысый юноша с парабеллумом за поясом вышел на средину и, глядя в толпу, представился:

— Я командир партизанского отряда Тадеуш Русский. Мы прибыли в вашу деревню, чтоб совершить праведный суд над палачом, над мерзавцем, кровавые преступления которого вам хорошо известны.— Он сделал паузу и обратился к своему товарищу:—Юзеф, зачитай приговор.

Приговор был краток и суров — расстрел. Приговор передали старосте. Предателя вывели за деревню. Прогремел выстрел. А на площади люди окружили плотной стеной старосту, который держал в дрожащих руках исписанный карандашом листок простой бумаги, заглядывали через плечо в этот грозный документ, точно в нем скрывалось что-то еще неведомое, чего не сказал партизанский командир. Староста вслух читал последнюю фразу: «Так будет со всеми, кто служит фашистам. Командир партизанского отряда Тадеуш Русский».

И полетела по залитым слезами и кровью селам Краковской земли обнадеживающая весть о первых польских партизанах. Об их смелых и дерзких налетах на гарнизоны гитлеровцев.

Было на исходе лето 1942 года. На оккупированной фашистами земле разгоралось пламя священной партизанской войны. В отряд Тадеуша Русского вливались новые бойцы. Их направляли подпольные комитеты Польской рабочей партии. В конце лета начали думать о предстоящей первой партизанской зиме. В глубине Олькушских лесов соорудили землянки, поверх их посадили молодые елочки. Словом, оборудовали надежный лагерь и снова ушли в Тоннельские леса, только что прочесанные вдоль и поперек гитлеровскими карателями. Партизаны были неуловимы. О них уже ходили в народе легенды, к ним прибывали новые люди, поклявшиеся мстить фашистам за поруганную честь, за растерзанную родину. Среди прибывших выделялся неиссякаемой силой и энергией высокий, статный юноша, такой же светловолосый, голубоглазый, как и командир. Звали его Тадеуш Грохаль. Партийный комитет рекомендовал его на должность заместителя командира отряда.

— Два Тадека — это неплохо, совсем неплохо,— сказал представитель партийного руководства Юлиан Топольницкий, поздравляя заместителя командира с назначением, и добавил: — Тадек Русский и Тадек... Какую возьмешь партизанскую фамилию? — Юлик вопросительно смотрел на Грохаля, который понимал, что Русский — это тоже не настоящая фамилия командира, а его псевдоним.

— Белый,— ответил Грохаль и, озорно сверкнув задорными глазами, тронул свои светлые, пшеничные усы.

У командира отряда был «однофамилец» — Владек Русский — здоровенный детина, очень решительный в действиях, бесстрашный в бою. Топольницкий передал директиву партийного комитета: все боевые операции временно прекратить. Отряду заняться боевой подготовкой, имея в виду, что в недалеком будущем, когда партизанское движение разольется по всей Польше, потребуются кадры опытных боевых командиров. Именно на подготовку этих кадров и нацеливало руководство рабочей партии партизанский отряд, которому было присвоено имя польского патриота, сподвижника Костюшки Бартоша Гловацкого.

Всю долгую осень, до первых заморозков на лесных полянах и в глухих чащобах партизаны отрабатывали тактику боевых действий.

Занимались днем, занимались ночью, не жалели сил, трудились до седьмого пота. Руководили занятиями Тадек Русский и Тадек Белый. Вечерами, расставив посты, отдыхали в шалашах, вспоминая родных, думали о друзьях.

Как-то Владек Русский сказал командиру:

— Тадек, где ты так ловко польскому языку выучился? Я ведь знаю, ты такой же Тадек, как я Владек. А поначалу тебя и не распознаешь — настоящий поляк.

Командир лежал на свежем лапнике и с чуть заметной ухмылкой смотрел на своего адъютанта. А Владек продолжал добродушно:

— Ты же знаешь, меня зовут Василием, а фамилия моя Бабаскин. Родом я из-под Курска. До войны в колхозе кузнецом работал. В плен раненым попал. Бежал. Да ты знаешь... что я рассказываю... А ты? Как твое настоящее имя?

Командир помолчал еще некоторое время, заговорил сиплым, простуженным голосом:

— Слугачев я. Николай Иванович Слугачев. Родился в Омске. Учился в Ташкенте. Из института с первого курса в армию призвали. Война застала на границе. Ранили в первом бою. Потом—концлагерь. Пытался бежать. Избили до полусмерти. Но, как видишь, выжил. Мать моя говорила, что я в сорочке родился. Значит, долго жить буду. Потом везли нас в эшелоне в Германию. Мы с товарищем взломали верхний люк вагона и ночью бежали. Скрывались у поляков. Связались с польскими коммунистами. И вот, как видишь, воюем вдали от Родины.

— Да-а,— вздохнул Василий-Владек.— Судьба, выходит, у нас с тобой одинаковая.

— У всех у нас общая судьба,— негромко проговорил Тадек.— У нас, у поляков. У России и у Польши общий враг — Гитлер.

...Шел зеленый апрель, лес оделся в листву. К этому времени численность отряда возросла во много раз. С приходом теплых дней партизаны активизировали свои действия. С волнением слушали сводки с Восточного фронта, где Советская Армия один на один сражалась с ордами фашизма.

Победными, праздничными подарками встречал отряд имени Гловацкого Первомай 1943 года. Накануне совершили одновременно три налета на гарнизоны врага. Солнечным днем Первого мая провели митинг. Затем всем отрядом под развевающимся алым полотнищем пели «Интернационал». Пели польские и русские песни. 12 мая совершили налет на город Жарновец, разгромили гарнизон и, захватив трофеи, главным образом оружие, возвратились на свою базу в Ланский лес, который гитлеровцы вскоре окружили кольцом карателей. Начался ожесточенный бой. Партизаны создали круговую оборону. Они были у себя дома, здесь каждый куст, каждое дерево — их друзья и союзники. Фашисты шли напролом, оглушая лес автоматной и пулеметной трескотней. Били наугад по деревьям разрывными пулями. Надеялись, что их психическая атака заставит партизан сложить оружие. Огненное кольцо постепенно сужалось. Партизаны вели прицельный огонь, и каждый метр захваченной земли стоил фашистам больших потерь. Оба Тадеуша находились на самых трудных участках, а Ян Пронобис со своими разведчиками отыскивал слабое звено во вражеской цепи. С нетерпением ждали вечера. Гитлеровцы поставили перед собой задачу — уничтожить отряд до темноты, партизанам нужно было во что бы то ни стало продержаться до ночи. У Тадека Русского и его товарищей созрел дерзкий план выхода из боя.

Ловко маневрируя резервами, партизаны растянули кольцо. Теперь линия обороны напоминала не круг, а длинный овал. Узкая его сторона была направлена в район намеченного прорыва. Врагу казалось, что партизаны зажаты в длинном и узком мешке. Еще одно усилие — и с отрядом Тадека Русского будет покончено.

Наступил вечер. Сумерки опустились на лес. После небольшой передышки фашисты возобновили атаку. А партизаны в это время всем отрядом нанесли массированный удар по наиболее уязвимому месту, вспороли «мешок» и буквально выскользнули из окружения. В потемках отряд двинулся в направлении Щекоцинских лесов, а позади, в Ланском лесу, все еще трещали автоматы, ухали гранаты. Это гитлеровцы в темноте сжимали теперь уже пустой «мешок», стреляя друг в друга. Основное ядро отряда составляли поляки. Поэтому было признано целесообразным назначить командиром отряда поляка — Тадеуша Белого. Тадеуш Русский стал его заместителем.

Все сильнее и ощутимее были удары партизан. Численность и вооружение отряда позволяли проводить более широкие по размаху боевые операции. Совершили налет на мастерскую, где ремонтировались танки и автомашины. Сожгли дотла. Захватили город Козле и полностью разрушили железнодорожную станцию. Отряд был живуч и неуловим для карателей. В народе говорили: это потому, что у отряда две головы — два Тадека. А пламя партизанской войны разгоралось все сильней и сильней, захватывая новые районы польской земли.

В Ченстоховских лесах концентрировались банды польской реакции НСЗ (народовы силы збройны). Там реакция имела свое влияние среди населения, держала его в страхе и покорности. Созданные там два партизанских отряда Лукаша и Горбатого подверглись подозрительно внезапному нападению врага и были разгромлены. Новое руководство областного комитета партии решило направить в Ченстоховские леса отряд имени Гловацкого, предупредив командование соблюдать особую бдительность.

Не успел отряд осмотреться на новом месте, как прибыл комендант Гвардии Людовой Ченстоховского воеводства Франек и сразу же приказал отряду произвести налет на местечко Влощова. «Почему именно на Влощову?» — спросил Тадек Белый. Франек не дал вразумительного ответа, лишь сказал, что данные о гарнизоне местечка он добудет сам.

— Сам пойду во Влощову и все разузнаю,— хвастливо заявил Франек.

Поведение коменданта насторожило командование отряда. Посоветовавшись, сообщили Франеку, что они не могут так безрассудно рисковать головой своего непосредственного начальника, и поэтому сопровождать его во Влощову будут пять человек партизан во главе с командиром разведки Яном Пронобисом и командиром роты Владеком Русским. Франек согласился. В местечке он вел себя беспечно, на некоторое время куда-то отлучался, якобы на явочную квартиру. А возвратясь, сказал, что познакомит сопровождающих его партизан с руководителями местного подполья. Встреча назначена в ресторане. В поведении Франека было много подозрительного. В ресторане он был «свой человек». Стол, за который они сели, обслуживался по-особому. Кроме официантов, возле стола извивался хозяин ресторана и как-то невзначай в порыве угодничества назвал одного из «представителей подполья» «паном комендантом». За обедом Пронобис шепнул Владеку Русскому:

— Будем начеку. Похоже, что нам тут устроена западня.

Однако все прошло благополучно: партизаны вместе с Франеком возвратились в расположение отряда. Доложили свои наблюдения.

— Тут что-то неладно,— решил Тадек Русский.

— Франек — предатель,— с убеждением сказал Тадек Белый.— Во Влощовой нам приготовлена засада. Это точно. Туда мы не пойдем.

Прибывший после полудня Франек, увидев партизан за сборами, насторожился.

— Что у вас происходит?—спросил начальническим тоном.

— Готовимся к налету на Влощову,—спокойно ответил Белый.— Часа через два будем выступать. Сюда больше не вернемся. А сейчас давай с нами пообедаем. Идя на большое дело, и подкрепиться не грех.

За обедом двое партизан по условному знаку Тадека Белого скрутили руки Франеку и связали его. Отряд немедленно покинул лагерь. Шли остаток дня, ночь и лишь к полудню остановились на большой привал. Только начали допрос Франека, как прискакал гонец от Горбатого. Бывший командир партизанского отряда сообщил, что Влощова переполнена немцами, на подступах к местечку выставлены посты и засады. Ночью гитлеровцы ожидали партизан. Франек понял, что отпираться бессмысленно, игра проиграна, и взмолился о пощаде.

Предатель был расстрелян.

Шла осень 1943 года.

* * *

Леса земель Краковской и Келецкой не так уж велики. Большому отряду трудней укрываться, чем малому, особенно в зимнюю пору. В конце 1943 года партийное руководство, сообразуясь с обстановкой, приняло решение разбить отряд имени Гловацкого на три группы. В течение всей зимы группы отряда действовали самостоятельно в разных районах, не давали покоя оккупантам. Тадек Белый и Тадек Русский руководили разными группами. Главная задача партизан — диверсии на железных дорогах. Эшелон за эшелоном гнали гитлеровцы на Восточный фронт. На платформах танки, автомашины, в вагонах солдаты. Спешили на помощь захлебнувшимся собственной кровью оккупантам, которых жестоко громила Советская Армия на всем протяжении огромного фронта. Зловеще и торопливо стучали колеса на студеных рельсах. И часто стук их обрывался гулким взрывом. Летели под откос составы, разбиваясь в щепки, падали в реки взорванные мосты. В мае 1944 года отряд был реорганизован в бригаду имени Гловацкого, входившую в состав Армии Людовой. Одновременно Тадеку Белому и Тадеку Русскому были присвоены воинские звания — капитан Войска Польского. Это было жаркое лето.

Как-то вечером в бригаду пришел шестнадцатилетний паренек Мечислав Пиндера — худенький, светлоголовый, с горячими глазками тигренка. Попросил принять его в отряд. Он поклялся мстить за своего старшего брата, Гураля, расстрелянного врагом.

— Ой, парень, что-то не верится в твои шестнадцать лет,— усомнился Тадек Белый.— Ты же еще совсем дите. А у нас несладко. И убить могут.

Паренек с открытым недружелюбием смотрел на командира бригады, которого принял за третьестепенное лицо. Сказал с непоколебимостью:

— Я хочу говорить с Тадеком Русским. Я прошу проводить меня до пана командира.

— Я Тадек Русский,— скромно отозвался худенький, совсем невидный юноша, щупая паренька проницательным взглядом. Прибавил, кивнув на франтоватого, щегольски одетого молодца: — А это командир Тадек Белый. Он тут самый главный. Как он решит, так и будет.

Тадек Белый решил:

— Бери, Ян.

Мечиславу дали псевдоним Рысек. И уже в первой крупной операции, когда партизаны разгромили немецкий аэродром, сожгли находившиеся на нем самолеты, взорвали взлетно-посадочные полосы, самый молодой в отряде боец Рысек показал себя смелым, находчивым, бесстрашным.

И так день за днем, месяц за месяцем, в зимнюю стужу и метель, в летний зной, в осеннюю распутицу, переходя из одного района в другой, бригада имени Бартоша Гловацкого наносила чувствительные удары по тылам гитлеровских войск. Летом 1944 года бригада влилась в 3-й округ Армии Людовой, которым командовал Мечислав Мочар, нынешний секретарь ЦК и кандидат в члены ЦК Политбюро ПОРП. Соединением, в состав которого входило две бригады, командовал советский офицер Т. Ф. Новак (Петр). Это было время, когда гитлеровцы бросили против партизан части регулярных войск с артиллерией, танками, авиацией. Армия Людова вела тяжелые, кровопролитные бои на территории, временно оккупированной врагом. Гестапо забрасывало в партизанские соединения свою агентуру. В этих сложных условиях товарищ Мочар рекомендовал Петру заместителем по разведке легендарного Тадека Русского, чье имя уже гремело на польской земле.

Советская Армия вела стремительное наступление. Осенью 1944 года фронт пришел на польскую землю. Форсировав Вислу, наши войска создали Сандомирский плацдарм. Все чаще Тадек Русский и его земляки-партизаны думали о своей Родине, которая теперь уже не казалась такой далекой. Не чужой была им и польская земля, за свободу которой они пролили кровь свою. Родными стали для них и польские товарищи, дружба с которыми скреплена совместной борьбой с фашистским чудовищем. Тадек Русский видел, как все чаще партизаны-поляки расспрашивают советских людей о жизни в СССР. Видно, решали для себя не простую, а может, самую главную в жизни задачу — завтрашний день своей страны. И было ясно, что эти закаленные в боях народные мстители не пойдут по пути, который предлагают им политиканы из лондонского эмигрантского правительства. К прошлому возврата не будет.

Откатывались гитлеровские орды на запад, и вскоре партизанские соединения оказались на линии фронта, насыщенной вражескими войсками. Теперь против них враг бросал регулярные части и соединения, перед численностью и техникой которых партизаны не могли выстоять. И тогда они с боем пошли на прорыв, на соединение с наступающими советскими войсками. Шли в последний, решающий, пока не оказались в крепких объятиях советских солдат.

...Передо мной документы, написанные почти четверть века тому назад. В одном из них говорится:

«Краковский областной комитет Польской рабочей партии подтверждает, что Слугачев Николай Иванович, по псевдониму Тадек Русский, находился в Армии Людовой с 15.10.42 по 20.IX.44. Товарищ Слугачев много принимал участия в боях с немцами, организовывал диверсионную работу на железной дороге, уничтожал немецкие предприятия и учреждения. В боях с немецкими оккупантами Слугачев был два раза ранен и всегда был отважен.

Секретарь Краковского областного комитета Польской рабочей партии подполковник Завадский».

А вот боевая характеристика, подписанная начальником отдела кадров Штаба польских партизан:

«Капитан Слугачев является одним из первых организаторов партизанского движения в Польше. Под его руководством после побега из германского плена в декабре 1941 г. начали организовываться небольшие диверсионные группы, к июню 1944 года выросшие в бригаду в составе до 300 человек. За время пребывания в партизанских отрядах капитан Слугачев зарекомендовал себя с положительной стороны, как настоящий патриот Советской Армии. Находясь в глубоком немецком тылу на территории Польши, капитан Слугачев объединил вокруг себя польских патриотов, которые под его руководством наносили чувствительные удары по немецким тылам. Пущено под откос 12 эшелонов противника, взорвано 4 железнодорожных и шоссейных моста, повреждено 15 км линии связи, убито около 5 000 немецких солдат и офицеров, уничтожено около 300 автомашин, сожжено большое количество немецких складов с продовольствием и боеприпасами. На его личном счету около 200 немецких солдат и офицеров. Капитан Слугачев пользовался большим авторитетом и любовью не только среди партизан, но и среди местного польского населения, которое знало его по псевдониму Тадек Русский. За проявленные мужество, отвагу и организаторские способности польское правительство наградило его орденом высшей награды «Грюнвальд» 3-го класса, орденом «Виртути-Милитари», орденом «Серебряный крест заслуги»...

Уже после войны, будучи студентом Института инженеров транспорта и затем работая на железных дорогах Советской державы, Николай Иванович Слугачев — сын потомственного железнодорожника и партизана гражданской войны — часто вспоминал былые бои и походы на польской земле, вспоминал своих боевых друзей и соратников. Помнили и его в новой, народной Польше. В конце 1957 года Николай Иванович получил письмо из Варшавы:

«Дорогой Николай Иванович! Наш друг и товарищ, Тадек! Вчера я встретился с Августом (Бродинским) и Бронеком (Павликом), которые сказали мне, что ты вместе с другими товарищами приедешь в Польшу... Мы очень рады и все хотим видеть тебя. Раньше мы думали написать тебе письмо, но не знали твоего адреса. Я в прошлом году был месяц в Советском Союзе (Москва, Ленинград, Киев) и пытался найти твой адрес, но это было трудно сделать, потому что я не знал твоего имени и отчества. Я пишу, а ты не знаешь, кто я такой. Мой партизанский псевдоним «Рысек» (брат Гураля и Ракочего). Наверно, помнишь? Я живу и работаю в Варшаве. У меня жена, двое детей. Мать живет в деревне Лобзув. Я в прошлом году окончил партийную школу. Вместе со мной были Вицек и Ромек Стахурка. Я хочу тебе сказать, что Ендрик Табарович уже помер. Горницкий работает в Познани, а Шах — в Бытгощи, Бронек, Вацек, Гутек, Калека живут в Варшаве, Лесняк, Август, Елень, Юрек, Гладкий — в Кракове. Я прошу тебя, когда будешь в Варшаве, загляни в мое жилище, хотя мы все равно встретимся, когда будешь ездить по го-

родам и селам, в которых партизанил. Скажи, жив ли Владек Русский и другие товарищи, которые боролись в Польше против немцев. Поздравляю тебя и всю семью с годовщиной Октябрьской революции.

Мечислав Пиндера».

А в следующем году польские друзья встречали Тадека Русского на землях, где когда-то вместе сражались за свободу и независимость своей отчизны. Были до слез трогательные встречи, воспоминания. На многолюдном митинге бывших партизан бригады имени Бартоша Гловацкого Франек Куцыбала говорил:

— Войсловице и Козубов — это бывший партизанский край. Эти земли обильно политы кровью наших людей в годы фашистской оккупации. Здесь пролита кровь и Тадека Русского, героя советского народа, который стал и нашим, польским, народным героем. Тадек! Мы вечно благодарны и признательны тебе. Предлагаю избрать почетным гражданином Козубова Тадека Русского — Николая Ивановича Слугачева.

С тех пор прошло еще десять лет. Жарким августовским днем я встретился с Николаем Ивановичем на станции Тихорецкая. Заместитель начальника станции Слугачев руководил погрузкой комбайнов, направляемых на уборку урожая в северные районы. А вечером, после работы, пошел показывать мне свой город, тихий, чистенький, окутанный ароматом спелых фруктов и роз. Николай Иванович прихрамывал: четыре осколка гранаты так и остались в кости и время от времени дают о себе знать.

На центральной площади — памятник Павшим героям. У вечного огня молча стоят люди. Ровно в десять куранты проиграли мелодию Чайковского. Лицо Слугачева было строгим, задумчивым и, как мне показалось, грустным. Что вспомнил он? Боевых друзей своих? Владека Русского — славного курского кузнеца Василия Бабаскина, след которого ищет и не может найти вот уже свыше двадцати лет?.. Или, может, вспомнил сибирского партизана гражданской войны стрелочника Ивана Александровича Слугачева, заветной мечтой которого было видеть сына Николая инженером-путейцем?

И вдруг он негромко, вполголоса, произнес:

— Мы часто сюда приходим с сыном Колькой. Постоим молча, потом пройдем по бульвару, поговорим. Любит парнишка слушать рассказы про польских партизан.

Он вдруг умолк. По строгому, освещенному пламенем вечного огня лицу пробежали тревожные тени. И вспомнилась мне картина, которая висит в квартире Слугачева. Называется она «Бой за Высочицу». Написанная художником-любителем, она висела в канцелярии сельского Совета в Высочицах. На картине за станковым пулеметом лежат двое: поляк и русский. Жители Высочицы говорили: это Тадек Белый и Тадек Русский. Они подарили эту картину Н. И. Слугачеву в 1958 году в знак глубокой признательности от польского народа.

Чемпион водителей Ааре Тамман

Фото В. Сальмре.

Водитель № 1

Утром Ааре Тамман садится в переполненный автобус и едет на другой конец Пярну. Получается не так уж мало — девять километров. Сразу за Рижским шоссе, за бетонированным двором автобазы дышит море. Иногда оно встречает Ааре тихой, с розовыми бликами лазурью. Иной раз бывает бурным, с белыми гребнями волн. Ааре любит его всяким, недаром же он сын рыбака. Только вот сам рыбаком не стал, а пошел после восьмого класса учиться в автошколу. Получилось это, в общем-то, случайно: послали — и пошел. Но однажды наступил такой день, когда он сам, без инструктора, не спеша нажал на стартер...

Ааре не особенно распространяется насчет своей профессии — нравится ездить, и все тут. Но достаточно взглянуть на тот самый «ГАЗ-51», который он водит уже семь лет и который, несмотря на солидный возраст и стаж, выглядит весьма моложавым, чтобы понять многое.

Ааре семь лет ездит по одному и тому же маршруту: развозит по магазинам маленького курортного городка товары: продукты, новые ткани и одежду, книги, игрушки, пластинки, обувь, посуду. Все, что надо человеку каждый день.

Как-то начальник автоколонны, в которой работает Ааре, энтузиаст автомобильного спорта Яак Нийне, решил устроить для своей шоферской молодежи соревнования — тут же, за автобазой, на пустырьке, почти у самой кромки прибоя. Победителем сразу же вышел Ааре Тамман. И Яак Нийне, заядлый гонщик и участник ралли, понял, почему машина у Таммана всегда в образцовом порядке, и почему у него нет никаких конфликтов с механиками, и почему он всегда готов отправиться в самую невыгодную, с шоферской точки зрения, поездку, и почему в двадцать четыре года получил права шофера первого класса.

Было еще несколько соревнований на пустырьке у моря, и каждый раз Ааре Тамман оказывался на голову выше остальных по мастерству езды. Потом было в республике соревнование передовых по профессии — там Ааре стал лучшим шофером республики. А еще некоторое время спустя был направлен на всесоюзные соревнования молодых шоферов в Ульяновск.

Условия соревнования в Ульяновске были обычные: 1. Экономия бензина. 2. Фигурная езда. 3. Викторина по правилам движения. 4. Технические испытания. Все участники соревнования — а их было двадцать восемь человек из разных концов страны — должны были ездить на старом приятеле и работяге — «ГАЗ-51», таком же, как и в Пярну, видавшем виды, но вполне бодром и боеспособном.

Залили в бак традиционные пятьсот граммов бензина — кто сколько на них протянет.

Ааре садится за руль. Очень осторожно нажимает на педаль. Скорость берет так, что, кажется, ровнее уж нельзя. На небольших спусках аккуратненько выключает мотор, едет «накатом». Ни одного выхлопа нет. Кончаются пятьсот граммов. На спидометре три километра. Ааре подсчитывает:

— Значит, если бы я так ездил всегда, то при норме расхода бензина двадцать три с половиной литра на сто километров расходовал бы чуть больше четырнадцати литров? Неплохо было бы!

В конце первого тура выясняется, что почти все проехали на этих пятистах граммах три километра.

Фигурная езда. Отмеченные флажками змейка, круг, тесные габаритные ворота — в общем, десять сложных фигур, и ты со своей баранкой перестаешь быть шофером и становишься чародеем.

Проехал. В конце второго тура выяснилось, что проехал лучше всех.

Ну, а викторина на правила движения и технические испытания пугала только одним: как бы северная медлительность не подвела — эти туры были на скорость. Но спасибо тебе, Яак Нийне, товарищ начальник колонны, за твой пустырек у моря! Опыт уже был таков, что все шло как бы автоматически, помимо сознания. Но вот этот-то давно осознанный автоматизм, эта давно привычная мгновенная шоферская реакция на разные неожиданности и делают обыкновенного парня блестящим водителем.

В Ульяновске Ааре Тамман стал лучшим водителем Советского Союза.

В Пярнуском горкоме комсомола мы спросили, как Ааре справляется со своими обязанностями члена горкома. Девушки с комсомольскими значками сказали нам:

— Видите ли, какое-то определенное поручение ему невозможно дать из-за его профессии: он ведь всегда на колесах, и поди знай, где Ааре находится в нужное время. Блестящим комсомольским организатором его тоже не назовешь. Но он выполняет у нас массу разных поручений. А с каким чувством товарищества, с какой исполнительностью делает это Ааре! Ох, были бы все наши ребята такие!

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

●

...Гора Славин высится над Братиславой. С ее вершины столица социалистической Словакии как на ладони. На юге — широкая лента Дуная, на севере — Малые Карпаты. Эта вершина — огромное братское кладбище, увенчанное памятником советским воинам — освободителям Братиславы. Принимал участие в сооружении мемориального кладбища лейтенант Советской Армии, словацкий партизан коммунист В. Савицкий.

КАВАЛЕР ТРЕХ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОРДЕНОВ

Долгим был путь сына Донбасса Василия Савицкого к горе Славин. Участник гражданской и Великой Отечественной войн, командир конной разведки 399-го полка, дравшегося с фашистами на подступах к Киеву, инженер Савицкий принял командование полком после гибели майора Дудченко. Несколько дней шел неравный бой с бронетанковой дивизией гитлеровцев. Тяжело контуженный, Савицкий попал в плен. После неудачного побега его заточили в концлагерь Тарнув под Краковом. Весной 1943 года он вместе с большой группой узников, истребивших охрану, убегает из лагеря. В районе реки Попрад беглецы влились в партизанскую бригаду. Инженеру Савицкому поручили здесь руководство диверсионным отрядом. Отряд Вацека — таким знали в Словакии Савицкого — взорвал десятки мостов, вывел из строя девять танков, поднял в воздух большой склад с боеприпасами. Правительство Чехословакии наградило его орденами «Золотой крест», «Партизан» и медалями.

В 1945 году по просьбе руководителей Словакии Василию Николаевичу Савицкому было разрешено остаться на время в Чехословакии для помощи в восстановительных работах. Человек, взрывавший мосты, теперь восстанавливал их.

В 1951 году Вацеку поручили организовать сооружение кладбища и памятника на Славине. За эту свою работу он был награжден третьим орденом — «Строителя социализма в Чехословакии».

В июне нынешнего года В. Савицкий гостил у своих боевых чехословацких друзей. Вместе с ними он поднялся на вершину горы Славин и застал там одну из многочисленных экскурсий. Люди переходили от могилы к могиле, где похоронены восемь тысяч советских воинов.

Сейчас инженер В. Савицкий, человек необыкновенной судьбы, живет в Одессе и разыскивает своих боевых товарищей по 399-му полку.

М. СТАВНИЦЕР

На снимке: памятник советским воинам — освободителям Братиславы.

Идет сульфат аммония.

И ДОХОДЫ, И КАРАВАЙ...

Хлеба будет больше.

Аппаратчица Людмила Пименова — хозяйка химической «кухни».

«Учитывая огромное значение применения химии в повышении продуктивности сельскохозяйственного производства, в ближайшие годы необходимо намного ускорить темпы роста производства минеральных удобрений...»

Из постановления октябрьского Пленума ЦК КПСС 1968 года.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Небольшое круглое оконце, похожее на корабельный иллюминатор. Через него можно заглянуть внутрь установки, в мир таинств химии и увидеть, как совершается обычное для наших дней волшебство — рождение кристаллов. Таких маленьких, серепьких, неприметных... Пройдет совсем немного времени, и они превратятся в мелкий сыпучий порошок, который уже через более длительный срок, исчисляемый месяцами, обернется для нас хлебом насущным...

Саратовский химический комбинат дает разнообразную продукцию. Как и во всяком производстве, есть тут и отходы. Вот с этих-то отходов все и началось.

— Сначала были одни неприятности,— рассказывает главный инженер комбината Евгений Андреевич Лисицын,— и даже прямые убытки. Выбросить эти отходы просто так нельзя. Отвезти на свалку — штрафует санэпидстанция. В Волгу сбросить — и того хуже: значит губить реку. Приходилось их нейтрализовать, а это стоило немалых денег. Скапливались они в резервуарах. А что дальше? Сколько можно копить? Решили мы эту проблему самым разумным способом — построили цех по производству из этих отходов сульфата аммония и 28 октября дали первую продукцию.

Если считать на голую копейку, прямой экономической выгоды комбинату вроде бы почти никакой: разница между себестоимостью сульфата аммония и его отпускной ценой — всего лишь около рубля за тонну. Но есть тут высший интерес — государственный. Во-первых, вместо бросовых отходов страна получает удобрения, во-вторых, средства, затрачиваемые прежде на обезвреживание, можно сказать, выброшенные деньги, идут теперь на производство нужной продукции, в-третьих, другие цехи могут работать в нормальном режиме. Ну и, кроме того, моральный фактор: приятно сознавать, что не выбрасывается народное добро, что не загрязняется Волга-матушка и хлеба в стране поприбавится. Так что новым цехом мы убиваем не одного зайца и не двух, а целую кучу. Что ни говорите, великая вещь — химия!..

Мы берем карандаш и считаем, занимаемся арифметикой. Получается такая картина: тонна сульфата аммония, затраченная на подкормку посевов, дает прибавку в урожае до трех тонн зерна.

За тонну пшеницы колхозы Саратовщины получают 86 рублей. Цех сульфата аммония будет давать ежегодно десятки тысяч тонн удобрения. Значит, доходы колхозов увеличатся на миллионы рублей.

А каждая тонна сульфата аммония в результате обернется семью с половиной тысячами батонов белого хлеба у нас на столе. И не хлебом единым обернется — сульфат аммония дает также эффективный прирост урожая картофеля, овса, конопли, а особенно риса и чая.

И все это из вчерашних отходов. Но, как говорится, лиха беда начало. На комбинате начинается строительство цеха по производству другого удобрения — аммиачной воды, и опять-таки из отходов газа, который пока сжигается.

Быть нашему завтрашнему караваю еще весомее!

Юрий ЯСНЕВ

Фото автора.

В центре Сингапура.

Сингапур: вр

— Простите, сэр, мы не можем вас взять на самолет. Сингапур не впускает граждан коммунистических стран.

— Но я же там буду только транзитом, во время заправки самолета.

— Все равно нельзя. Мы руководствуемся жесткими указаниями.

...Этот случай со мной произошел в ноябре 1963 года в отделении итальянской авиакомпании «Алиталия» в Бомбее.

Спустя три года, при очередном перелете из Москвы в Австралию, я уже смог не только сойти на землю Сингапура, но и стать участником первого в истории страны официального приема по случаю годовщины Октябрьской революции. Прием был устроен только что учрежденным торговым представительством СССР. Среди многочисленных гостей, представлявших правительственные, деловые, дипломатические круги Сингапура, приятно было встретить сотрудников торговых миссий социалистических стран, постоянного корреспондента ТАСС и оказавшегося здесь проездом коллегу из «Известий». Невдалеке на рейде сверкали праздничной иллюминацией два советских торговых корабля, один из которых был прямо-таки с символическим названием — «Красный Октябрь».

И вот я снова в Сингапуре, на сей раз не в качестве транзитного пассажира, а в роли журналиста.

Министру иностранных дел С. Раджаратнаму принадлежат слова: «Для того, чтобы независимость и свобода не стали пустым лозунгом, мы должны и впредь расходовать все, что можем, для ведения единственной войны, в которой заинтересован народ,— войны против бедности, невежества, болезней, безработицы, против всего, что стоит на пути достоинства и свободы наших соотечественников». Моя встреча с министром происходила с глазу на глаз, без секретарей и стенографов. Раджаратнам был одет в простую белую рубашку с отложным воротником, какими пестрит сингапурская уличная толпа в будничные дни.

— Природа обидела наш остров минеральными ресурсами,— начал беседу С. Раджаратнам.— У нас нет даже своей питьевой воды. Мы ее получаем по трубопроводу из соседней Малайзии. Рис тоже привозной. А между тем здесь проживает почти два миллиона человек, которых надо накормить, обуть, одеть, обеспечить работой. Это нелегкая задача.

Сингапур — Азия в миниатюре,— продолжал министр.— Здесь проживают китайцы, малайцы, индийцы, пакистанцы, цейлонцы, арабы. В нашем парламенте звучат речи на четырех языках. Глава нашего государства по происхождению малаец, премьер-министр — китаец, ваш собеседник — индиец. Как видите, в Сингапуре скрестилось множество языков, культур, обычаев. Прибавьте к этому еще многообразие религий: ислам, христианство, буддизм, индуизм, конфуцианство, даосизм и другие — и вы поймете, сколь запутан здесь клубок человеческих взаимоотношений. Сама структура населения Сингапура обязывает нас проявлять терпение и уважение к другим народам. Мы, как ни одна другая страна, зависим от торговли, а торговля может процветать только в условиях мира.

...В отличие от других государств Сингапур не может похвалиться древностями. Здесь нет чего-либо схожего по известности с египетскими пирамидами, римским Колизеем, афинским Акрополем или камбоджийским Ангкор — Ватом. И все-таки цивилизация испокон веков существовала на этом крошечном острове, наделенном ровным и довольно мягким для экватора климатом. Экспонаты Национального музея на Стамфорд-роуд свидетельствуют, что человек здесь был еще на заре своего становления.

В глубокую старину остров носил название Тумасик, что означает «морской город». Свое второе имя — Сингапур, или, точнее, Синга Пура, как произносят местные жители,—он обрел значительно позднее. Одна из малайских летописей рассказывает, что оно было присвоено принцем Санг Нила Уттамой, родословная которого якобы уходит к Александру Македонскому. Принц был загнан на остров морским штормом. Сойдя с корабля на берег, он увидел вдали странное животное, которое, по словам летописца, было «необыкновенной красоты, с ярко-красным туловищем, иссиня-черной головой, белой грудью и размером чуть больше козла». Принцу доложили, что это был лев. «Коль животные здесь обладают таким великолепием и силой,— восхищенно изрек принц,—то этот благодатный край создан поистине для того, чтобы стать моим королевством». И принц повелел величать свое новое владение Синга Пура — Городом льва.

Историки до сих пор не могут разгадать, какой из представителей островной фауны так глубоко поразил впечатлительного принца. Лев ни во времена Санг Нила Уттамы, ни раньше здесь не водился. Он появился в этих краях много веков спустя. Но это был особый лев.

Англичанину сэру Стамфорду Раффлзу нельзя было отказать в дальновидности, когда он в 1819 году от имени Ост-Индской компании добился у малайских султанов согласия на установление торговой фактории в устье реки Сингапур, а пятью годами позже заполучил в распоряжение компании весь остров вместе с другими мелкими островами в радиусе десяти миль. Имея за своими плечами опыт службы английского губернатора на Яве, Раффлз в полной мере оценил, какое важное значение может сыграть в будущем Сингапур для обеспечения стратегических и торговых интересов Британской империи в этом районе земного шара.

Выгодное географическое положение острова, отличная естественная гавань плюс провозглашение порта открытым привели к быстрому росту Сингапура. Через какой-нибудь десяток лет он уже оставил позади малайские порты Пенанг и Малакку. Развитие промышленной добычи олова в Малайе, а затем появление там плантаций каучука превратили Сингапур к началу XX века в крупный мировой центр по вывозу этих важных видов сырья. Одновременно с этим Сингапур стал главной базой всей английской обороны на Дальнем Востоке, прикрывавшей подступы к Бирме и Индии с Востока. Не случайно в годы второй мировой войны Япония расценивала захват Сингапура как свою крупнейшую победу.

Национально - освободительное движение, развернувшееся в Азии после окончания войны, не обошло стороной Сингапур. В 1959 году после 140 лет безраздельного господства Англия была вынуждена согласиться на предоставление Сингапуру внутреннего самоуправления. На выборах в законодательную ассамблею Народная партия действия одержала победу, получив 43 из 51 места. Сформированное партией первое правительство возглавил ее лидер Ли Куан Ю.

В 1963 году Сингапур вошел в Федерацию Малайзии на правах одного из штатов. Однако его «брак» с Малайзией продолжался недолго — всего два года. В выделении Сингапура из Малайзии главную, хотя и не единственную роль сыграл экономический фактор — столкновение интересов фи-

ЕМЯ И ЛЮДИ

нансово-промышленной буржуазии Сингапура с интересами феодальной знати Малайзии. Ни та, ни другая не захотели друг другу уступить, в результате чего было принято решение о «разводе». В 1965 году Сингапур был провозглашен республикой и принят в члены ООН.

Двадцать шесть миль с востока на запад, четырнадцать миль с юга на север — таковы размеры острова, на котором плотно разместилось его население. Одного этого факта, не говоря уже об отсутствии промышленного сырья и сельскохозяйственной базы, было достаточно для раздумий над тем, может ли новорожденная крошечная республика выжить как независимое государство.

Трезво оценивая обстановку, правительство молодой республики пришло к выводу, что Сингапур может и должен выжить, но при условии, если он будет проводить политику мира и нейтралитета, развивать торговые связи со всеми странами, независимо от их социально-экономических систем, максимально использовать возможности своего порта. Было также решено форсировать индустриализацию, которая должна изменить экономическую структуру страны и рассосать хроническую безработицу.

Торговля для Сингапура — это все. От нее он получает главные доходы, по ее результатам он измеряет все остальные свои показатели, свое благосостояние. Достаточно провести один день в Сингапуре, чтобы на всю жизнь сохранить впечатление о нем как о постоянной огромной суетливой международной ярмарке, где все пропитано духом коммерции, где чуть ли не каждый дом в центре города — лавчонка, магазин, фирма, компания. Сингапур является крупным перевалочным пунктом для всей Юго-Восточной Азии. Он ввозит из соседних стран каучук, копру, кофе, пряности, древесину, сырую нефть, обрабатывает, сортирует и дает им новое направление в самые дальние районы земного шара.

«Сингапур — это порт, а порт — это Сингапур»,— гласит местная поговорка. В 1966 году сюда зашло почти 25 тысяч судов из разных стран. Их регистровый нетто-тоннаж превысил 103 миллиона. Обработанные портом грузы составили свыше 26 миллионов тонн. В пересчете на население республики получается более 13 тонн на каждого сингапурца! Не много стран в мире с таким активным грузооборотом.

В порту мне рассказали: если в 1961 году в Сингапуре побывало 234 советских судна, то в 1965 году их число возросло почти в два раза и составило 460. При этом их нетто-тоннаж увеличился почти в три раза.

За три года независимости Сингапур изменил географию своей торговли, отказавшись от прежней однобокой ориентации на капиталистические страны. Были заключены торговые соглашения с СССР и другими социалистическими странами.

Осенью прошлого года крупная торговая делегация Сингапура посетила Советский Союз и ряд других социалистических стран. В феврале 1968 года было создано совместное советско-сингапурское пароходное агентство.

Расширение взаимовыгодного сотрудничества с социалистическими странами уже привело к соглашению между Болгарией и Сингапуром о совместном строительстве завода по производству копрового масла. Чехословацкие пассажирские самолеты получили право посадки в Сингапурском аэропорту на своем пути из Праги в Джакарту.

Развитие связей Сингапура с социалистическими странами идет и по другим направлениям. В Сингапуре с большим успехом прошли гастроли узбекского ансамбля «Бахор», побывало несколько групп советских туристов, на экранах не раз демонстрировались советские фильмы.

— Сингапурцы — молодая нация,— сказал мне министр социальных дел Отман Вок.— Половина нашего населения имеет возраст до 19 лет. Советский Союз заслужил высокое международное признание в спорте. Накопленный вами опыт мог бы быть очень полезен для нас. Мы хотели бы принять ваших тренеров.

Интерес к Советскому Союзу, его достижениям за полвека существования очевиден в самых широких кругах сингапурцев—от членов правительства и бизнесменов до студентов и рабочих. Делегация Сингапурского национального конгресса профсоюзов во главе с его председателем Хо Си Бенгом, посетившая впервые Советский Союз в 1966 году, была очень тронута оказанным гостеприимством и возможностью многое повидать. «Правительство вашей страны делает все возможное для обеспечения благосостояния граждан» — такой вывод сделал Хо Си Бенг, выразив надежду на укрепление и развитие контактов с рабочим классом Страны Советов.

Этот первый официальный контакт между рабочими двух стран получил дальнейшее развитие в дружественном визите советской профсоюзной делегации, которая посетила Сингапур в апреле 1968 года по приглашению Национального конгресса профсоюзов.

...Не побывать в Джуронге, промышленном районе, возникшем на месте джунглей и болот в юго-западной части острова,— это значило бы не увидеть самое главное в новом облике Сингапура. Джуронг — надежда и практическое воплощение планов индустриализации республики.

Хрупкая мисс Пун Соу Мей, окончившая год назад университет и работающая гидом в управлении экономического развития, повела меня к большому, прекрасно оформленному макету-плану, чтобы дать общее представление о замысле, а затем предложила выехать на местность.

С высокого холма, расположенного в самом центре района, открылась впечатляющая круговая панорама: корпуса заводов и мастерских, стройная сеть шоссейных дорог, жилой поселок, новый порт.

— Общая площадь Джуронга,— пояснила Пун Соу Мей,— составляет семнадцать тысяч акров, из которых примерно треть будет занята под промышленными объектами. К 1990 году здесь будет проживать полмиллиона человек. В настоящее время в Джуронге действует свыше 50 предприятий. На них занято около шести тысяч рабочих. Когда мощности этих предприятий будут полностью освоены, численность рабочих увеличится до восьми тысяч человек.

Сингапурцы умеют считать деньги, наверное, как никто в мире. Традиционная приверженность к торговле научила их все измерять категорией денег. Если они говорят о новой школе, о новом театре, о новой электростанции, то характеризуют их прежде всего не числом классов, зрителей и киловатт, а той стоимостью, во что обошлось их строительство. Пун Соу Мей не была исключением. Со скоростью пулемета она стреляла в меня многозначными цифрами долларов, сообщая о том, что Джуронг уже производит стальные заготовки, суда, автопокрышки, фанеру, конфеты, рыболовные сети из синтетического волокна, холодильники, электрокабель, чайную посуду и десятки других изделий и продуктов.

Новые промышленные предприятия появились и в других районах Сингапура — Танглин-Холте, Калланге, Кампонг-Ампате и Бендемире. Они меньше по значению и специализируются главным образом на выпуске изделий легкой промышленности. Для того, чтобы защитить отечественную промышленность от наплыва аналогичных товаров из Японии, Англии, США и других стран, правительство ввело пошлины.

Одно из самых тяжелых колониальных наследий Сингапура — это жилищная проблема. «В Сингапуре всегда были импозантные здания официальных учреждений вроде ратуши и верховного суда,— говорил Ли Куан Ю в одном из выступлений.— Повсюду в своей колониальной империи англичане воздвигали величественные монументы для того, чтобы демонстрировать свое превосходство над подвластными народами, держать их в благоговейном трепете и покорности». На приезжего город производит двоякое впечатление. С одной стороны, громады действительно импозантных зданий, убегающие вверх этажи банков и компаний, роскошные магазины, с другой — тут же, по соседству,— узкие коридоры прилепившихся друг к другу одноэтажных лачуг, страшных своим убожеством, антисанитарией, невероятной перенаселенностью.

Правительство республики впервые за всю историю Сингапура серьезно занялось жилищным строительством. Запланировано довести к 1970 году число новых квартир до 100 тысяч. В Квинстауне и других районах города появились целые кварталы жилых многоэтажных зданий со всеми коммунальными удобствами.

В Сингапуре мне была предоставлена возможность встретиться с премьер-министром Ли Куан Ю. До этого мне довелось повидать его в Австралии, куда он приезжал несколько лет назад. Своими выступлениями, подчас довольно резкими, он вызывал самые противоречивые отклики в австралийской прессе — от доброжелательства до злости. По профессии Ли Куан Ю — юрист. Вернувшись в 50-х годах в Сингапур после учебы в Кембриджском университете, он, к удивлению английских властей, стал юридическим советником профсоюзов и выступил на стороне забастовавших почтовиков. Забастовка прошла успешно, почтовики добились повышения зарплаты. Затем Ли Куан Ю целиком отдался политике.

Средних лет, невысокого роста, в легкой светлой рубашке, Ли Куан Ю выглядел немного усталым в день нашей встречи.

Я спросил премьер-министра, как он смотрит на отношения с Советским Союзом.

— Они развиваются успешно,— ответил Ли Куан Ю,— идут все к лучшему. У нас с вами нет спорных проблем. У обеих стран — общие заботы о мире, о предотвращении опасности мировой войны. Появление и развитие термоядерного оружия привело к тому, что то, что считалось раньше локальным конфликтом, теперь чревато превращением в мировую войну. Я прежде всего имею в виду нынешние события во Вьетнаме. У Сингапура и Советского Союза общий подход к необходимости установления прочного мира в Юго-Восточной Азии.

На вопрос о перспективе установления дипломатических отношений с СССР Ли Куан Ю уверенно заявил:

— Постепенно мы к этому придем.

Улыбнувшись, он добавил:

— Когда я в 1962 году посетил Москву, кое-кто называл мою поездку чуть ли не актом национального предательства. Теперь, вы знаете, обстановка существенно изменилась к лучшему. Дух покойного Даллеса повсюду выветривается.

Эти слова были сказаны в декабре 1966 года. С тех пор наши страны еще больше узнали друг друга. И вот с 1 июня 1968 года в отношениях между ними открылась новая историческая страница. Правительство СССР и правительство Сингапура, стремясь к дальнейшему укреплению тесных и дружественных связей, решили установить дипломатические отношения и обменяться дипломатическими представительствами на уровне посольств. Нет никакого сомнения в том, что этот важный официальный акт, явившийся логическим итогом непрерывного сближения двух стран за последние годы, послужит как на пользу народов СССР и Сингапура, так и делу взаимопонимания во всем мире.

Сингапур — Москва.

Н. ТОМСКИЙ,
народный художник СССР,
президент Академии художеств СССР

Щедрость таланта

Евгению Вучетичу, советскому художнику, исполнилось шестьдесят лет. Юбилейная дата. Наверное, самому юбиляру нет радости в том, что груз пробежавших лет его жизни достиг столь значительного рубежа. Он может искать и, наверное, найдет удовлетворение в том, что годы прожиты не впустую, что они были насыщены творчеством, работой, что общественность нашей страны, соратники его по искусству не могут не признать: немало сделано художником, не с пустыми стендами в своей мастерской пришел он к юбилейной дате.

Вучетич — наш современник. Его жизнь, творческая работа прошли на наших глазах, и все признаки нашего сложного времени нашли свое отражение в его искусстве.

Страна росла, мужал наш народ. Рос и приобретал высокое мастерство соответственно более высоким требованиям времени талант Вучетича. Ни одно крупное событие в жизни нашего народа с той поры, как наступила творческая зрелость художника, не ускользнуло от его внимания и нашло отражение в творчестве. Шире, шире и глубже брал он окружающую жизнь, а обращаясь к истории, искал и там ответы на вопросы, поставленные современностью.

Он начал со скульптурных портретов, отчасти еще работая под влиянием проходных временных течений в искусстве, но очень скоро освободился от них, обратившись к прекрасному в человеке, к извечному предмету всякого искусства.

Уже по тем первым портретам можно было судить, какой путь, какое направление избраны художником. От поисков характерности во внешних чертах портрета Вучетич ушел в глубину психологической разработки, он решился на самое трудное — распахнуть душу своего героя, раскрыть его внутренний мир, найти в нем характерные признаки времени.

Из старых его портретных работ я могу назвать портрет искусствоведа М. В. Бабенчикова. Эта скульптура в мраморе обнаруживает уже сформировавшегося мастера, мрамор дышит и живет, передает все черточки внешнего портрета, живые черточки, насыщенные человеческой мыслью. Такое овладение материалом обещало многое. Не пройдя этой школы создания портрета, Вучетич не пришел бы к решению задач монументальной скульптуры.

Война... Вучетич в армии, на фронте, он солдат и художник. Поэтому тема войны, тема жесточайшей борьбы против фашизма, тема героического подвига советского народа прозвучала с такой впечатляющей силой в его творчестве. Именно на военной героической теме с особенной силой раскрылся его талант, которому присуща масштабность решений, столкновение страстей, драматизма.

Однако отнюдь не значит, что Вучетич — художник военной темы. Мы иной раз так говорим. Даже термин появился «военный художник». О другом мы говорим: это художник сельской темы; этот — темы рабочего класса. Странное в общем-то сужение задачи искусства, ну а к Вучетичу подобные понятия совершенно неприменимы. Наша жизнь, образ советского человека, его духовный мир — вот тема Вучетича. И когда он обращается к войне, то ищет в ней прежде всего выражения героического характера своего современника, не боевой эпизод ведет его композицию, а народный образ, идеал народный. Ведь дело не только в портретном сходстве героя с современниками, скажем, в скульптуре воина с мечом в Трептов-парке. Нет! Воин с мечом в Трептов-парке — это прежде всего герой, каким его видят и хотели бы видеть современники художника. Он отразил в своем творчестве запрос современника, его духовный идеал, его понимание подвига и значение победы советского оружия в Великой Отечественной войне.

Солдат, герой, полководец — все прошли в портретной галерее художника, прежде чем он их поднял на постаменты монументальных памятников и памятников-ансамблей в Берлине и в Волгограде. Подготовительная работа шла годами, сооружались они почти в одно и то же время. Памятник генерал-лейтенанту М. Г. Ефремову, командующему 33-й армии, сооружен в Вязьме в 1946 году. В том же году началось сооружение памятника-ансамбля в Трептов-парке, а в 1948-м в Киеве устанавливается памятник генералу армии Н. Ф. Ватутину. Это были первые аккорды богатырской симфонии, которая формировалась в сознании художника многие годы, владела его воображением и до сих пор, несмотря на то, что отдано ей лучшее время творчества, еще не закончена. В ней и портреты и монументальные произведения, завершившиеся пока сооружением памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы в Волгограде, на Мамаевом кургане.

А впереди новые задачи: сооружение памятника Победы в Москве, тоже сложного ансамбля, и памятника героям Курской битвы в эпицентре танковых сражений лета 1943 года.

До сих пор в среде работников искусства еще идут споры о сооруженных Вучетичем памятниках-ансамблях, бродят разные суждения, но они потихоньку сходятся на главном. Нельзя, невозможно сегодня не признать: художник нашел эпическое решение темы подвига советского народа, не отступил и не оробел перед масштабностью и сложностью поставленных перед ним задач, он мужественно пошел навстречу трудностям немалым и многообразным и создал вещи, безусловно достойные эпохи, несмотря на те неровности, которые и могут быть подмечены профессиональным глазом. Что-то в этих сооружениях можно отвергать или не принимать по деталям, другой художник может видеть в чем-то и другие решения, но нельзя, не утрачивая ни объективности, ни совести художнической, не признать этих работ в целом, не поклониться художнику, воздавшему полной мерой от имени народа героям, отстоявшим Отчизну в тяжкие годы. Я больше скажу, я не знаю другого советского художника, которому было бы по силам на протяжении двух десятков творческих лет создать такую обширную галерею образов, воплотить это в бронзе и бетоне, преодолеть технические проблемы, преодолеть все споры и разноречия во мнениях.

В крайних географических точках минувшей войны, в Берлине и на Волге, высятся созданные Вучетичем памятники-ансамбли. Теперь, по прошествии стольких лет, в отдельных деталях эти памятники могут показаться и несколько упрощенными, но не надо забывать, что в это двадцатилетие рождались и отмирали взгляды и мнения на монументальную скульптуру, на понимание ее задач, мнения и взгляды, которые могли сбить с толку художника, дезориентировать его наспех высказанным суждением. Вучетич сумел пройти сквозь весь этот шум, сквозь нелепицы, навязываемые ему, и утвердить главное — эпическое в своих работах. Здесь дан простор чувствам, здесь и лирика, и могучие, взятые в басовых регистрах аккорды, и раздумье над судьбами народа.

Мне недавно довелось побывать на осмотре памятника-ансамбля в Волгограде.

Идут люди, идут и идут... Мы были у памятника днем, побывали и ночью. И ночью людно, как днем. Тысячи, многие тысячи людей приходят на Мамаев курган поклониться героям. Памятник принят, душевно принят...

На меня сильнейшее впечатление произвели «Руины Сталинграда». Здесь, на мой взгляд, талант монументалиста нашел наиболее яркое выражение. Это панорама, но она не звучит измельченным повествованием. Она переносит нас в то далекое время, и мы на стенах можем прочитать обобщенный образ Сталинградской битвы, ощутить ее дух, понять душевное состояние ее защитников.

Решено все сурово и просто, лаконично, с той художественной ме-

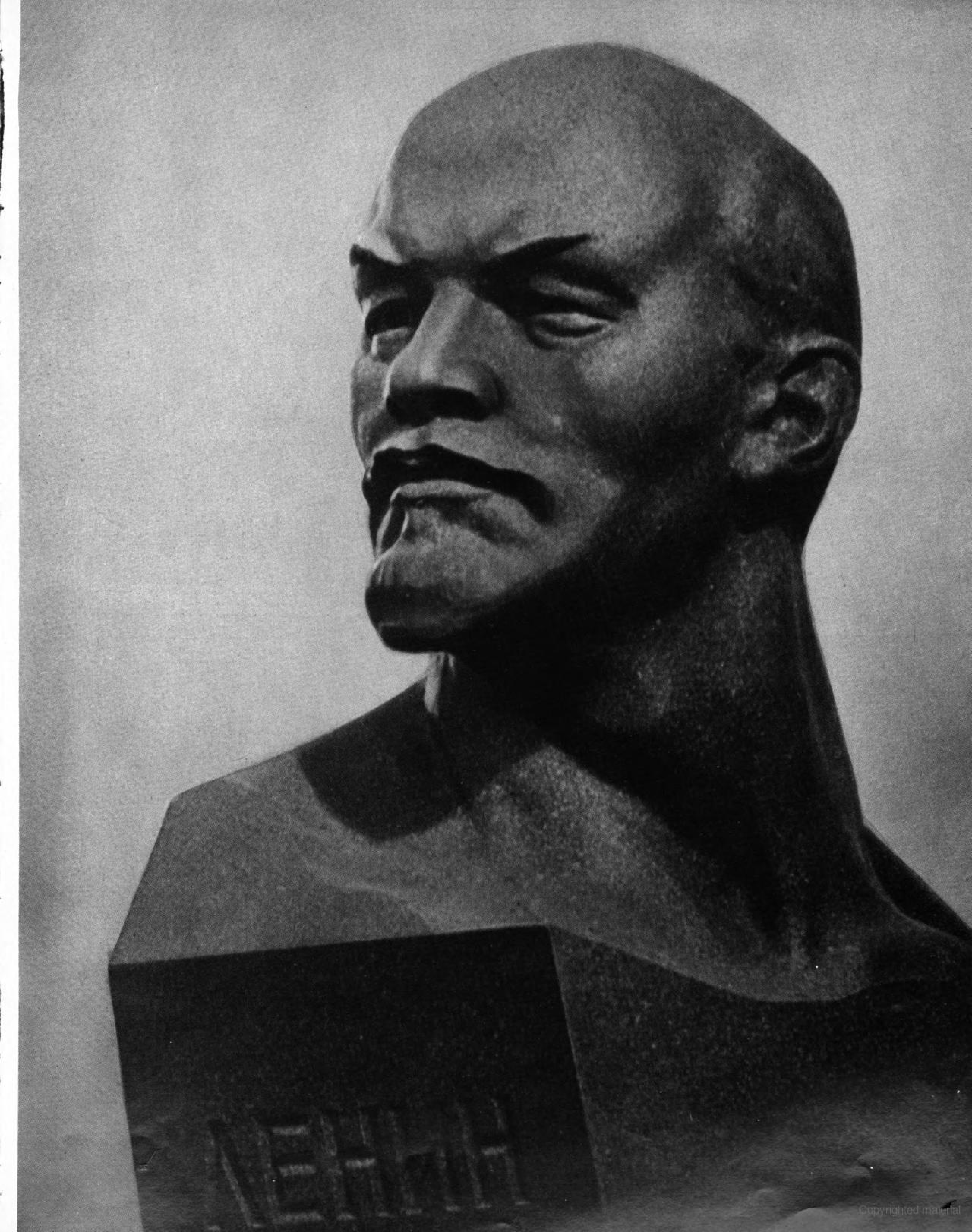

В. И. Ленин.

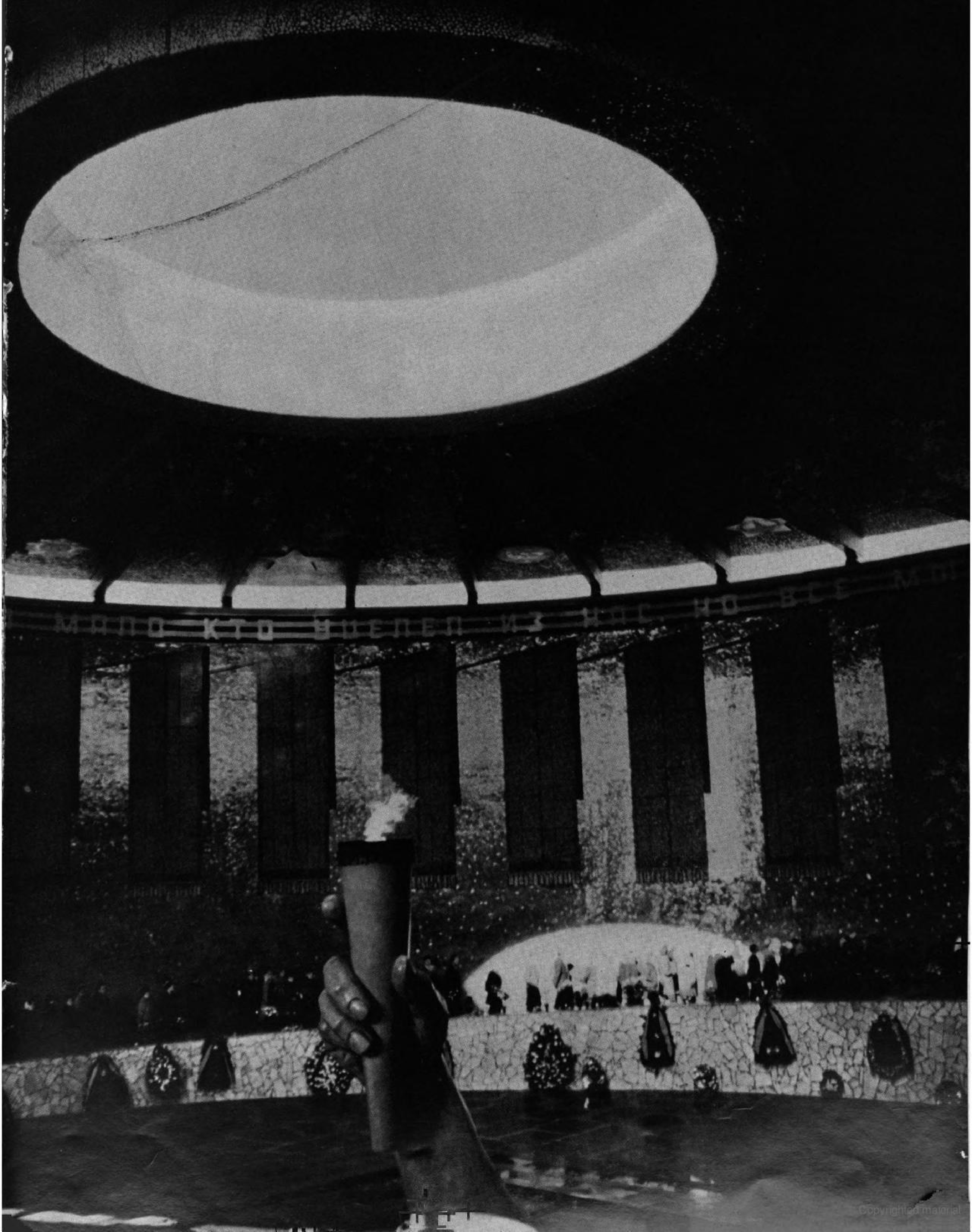
Скульптурный портрет работы Е. Вучетича.

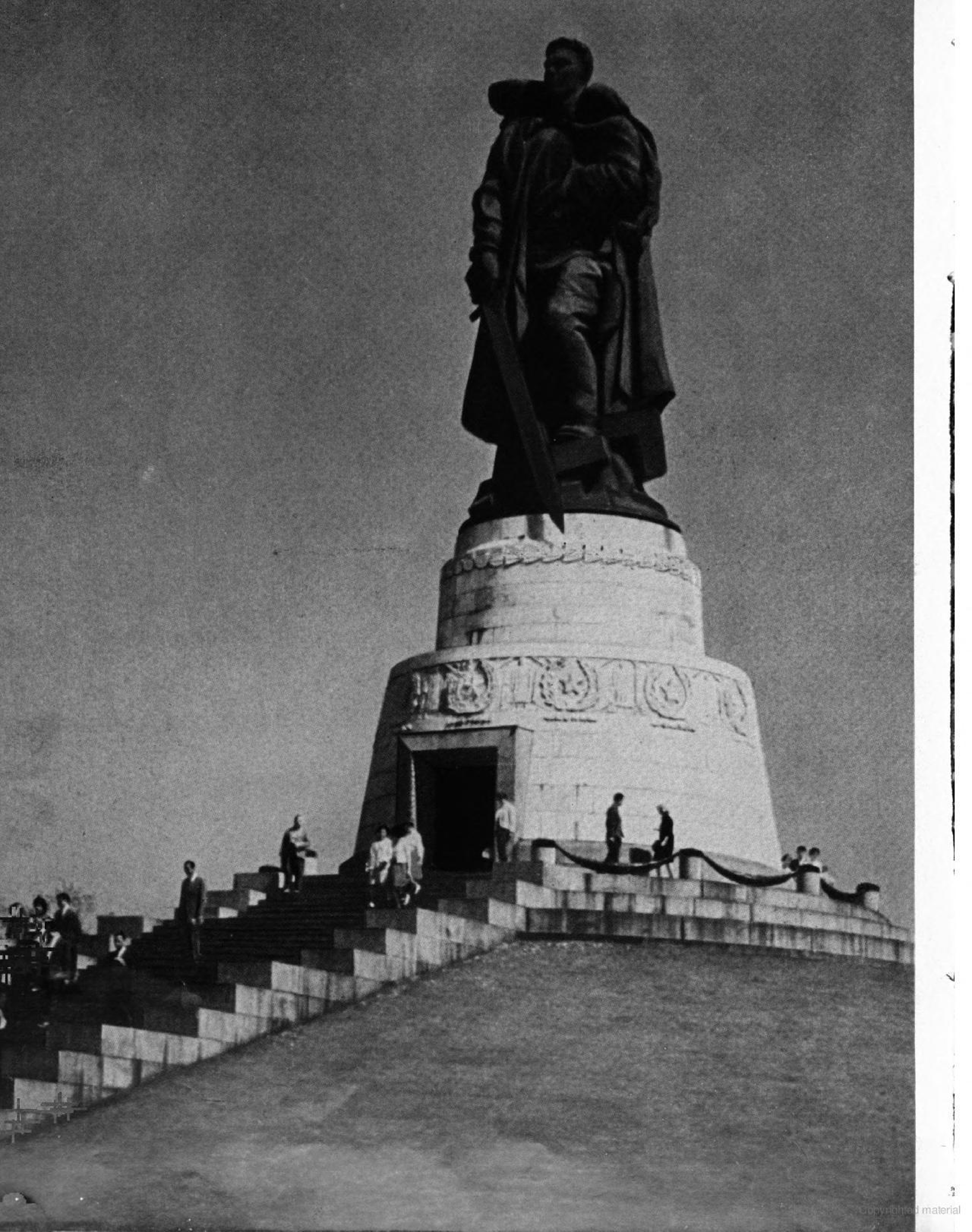
На развороте вкладки:
Памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы в Волгограде. Слева: главный монумент — Родины-матери. Справа: Зал воинской славы.

Фото Дм. Бальтерманца.

ЛЕНИН

МАЛО КТО УЦЕЛЕЛ ИЗ НАС НО ВСЕ

рой, с тем вкусом, который сопутствует каждому значительному произведению искусства.

Мы уже упоминали, что Вучетич — художник разнообразный.

В его портретной галерее звучат различные темы: и тема героического в характере современника, и тема ответственности политического и государственного деятеля перед временем и народом, и поиск неистового характера, отдающего себя служению идее.

История России знает несколько народных движений, одно из самых значительных — это крестьянское восстание под предводительством Степана Разина. Оно имеет свои характерные черты. Отсюда и сложность образа Степана Разина, народного вождя, а не только лихого атамана и вояки.

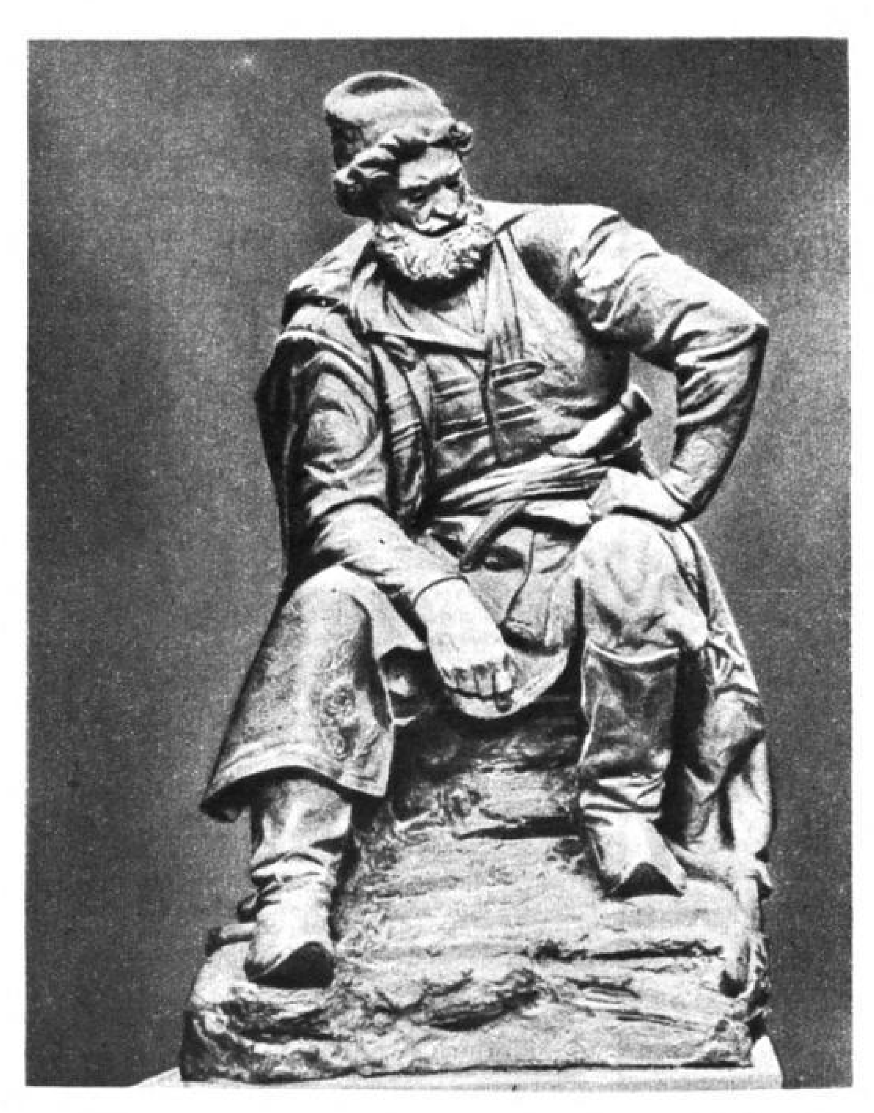
Много эффектных решений подстерегало художника при создании этого образа, но Вучетич отошел от них, он взял тему ответственности вождя перед народом. Он посадил Разина на утес и изобразил его в раздумье над судьбами народа. Отсюда и величие, монументальность этой его композиции.

Произведение «Перекуем мечи на орала» получило мировое признание, оно возвышается у входа в здание Организации Объединенных Наций, оно звучит, как набат, как ответ художника на требование эпохи — положить конец войне.

Есть у Вучетича в его творчестве и особая тема, к которой он подходил неторопливо и осторожно, к которой обратился в самое последнее время во всеоружии своего мастерства. Это ленинская тема.

Вучетич создал серию рисунков, оригинально решенных психологических портретов Ильича. Оттенки настроения, гамма чувств, может быть, и неполная, но она показывает нам Ленина и в минуты радости и в минуты гнева и размышления. Эта серия рисунков — как бы поиск скульптора для его новых произведений, подходы к решению ответственнейшей композиции «Ленин — наше знамя», которая завершена и ждет своего воплощения.

Художник щедрого таланта, остро воспринимающий современность и быстро на нее реагирующий, неутомимый, вечно ищущий; художник огромной, нечеловеческой работоспособности — вот что можно сказать о Евгении Вучетиче, оглядывая его творческий путь, его свершения, с которыми он пришел к своему шестидесятилетию и которые ныне составляют гордость советского искусства.

Степан Разин.

◀ Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке, Берлин.

Имя этого корабля, первым в русском флоте поднявшего красный флаг восстания, известно всем. А вот дальнейшая его судьба для многих оставалась загадочной. Куда же исчез мятежный опальный красный броненосец?

Большая Советская Энциклопедия считает его потопленным в 1918 году у Новороссийска во время гибели эскадры — затопления кораблей Черноморского флота.

Писатель Виктор Шкловский — уничтоженным вскоре после переименования. «Сам опальный броненосец был сперва переименован, потом уничтожен...»

В «Списке кораблей русского парового и броневого флота» С. П. Моисеева, в этом серьезном и точном труде, в графе «Примечательные события в истории корабля», ничего не сказано о последнем причале броненосца — таинственный прочерк.

Некоторые источники сообщают, что корабль был уведен бароном Врангелем в Бизерту в 1920 году.

Но он не был затоплен у Новороссийска. Не был уничтожен царем. Не был уведен. Он оставался в родной бухте. Он всего два года не дожил до своего второго рождения — на экране кино, но железо и сталь корабля продолжали служить Родине. В других местах. В других кораблях.

Арсений РЯБИКИН

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЧАЛ БРОНЕНОСЦА

Пятьдесят лет назад он стоял в Севастополе, почти в самом конце Южной бухты, старый, тяжелый, тупоносый линейный корабль. Бывший эскадренный броненосец, легендарный «Князь Потемкин-Таврический», корабль, который оставался, по словам Владимира Ильича Ленина, «непобежденной территорией революции». Ровесник века, спущенный на воду в 1900 году, он дожил до революции. Но теперь у него было новое имя — «Борец за свободу». Он стоял почти в самом уголке Южной бухты, и орудия его главного калибра смотрели на север так же грозно, как они смотрели когда-то с рейда на дворец одесского градоначальника. С севера надвигалась гроза. Кайзеровские войска топтали землю Украины. Враг приближался к Севастополю. Советское правительство предпринимало отчаянные усилия по спасению Черноморской эскадры. 18 апреля 1918 года Коллегия Народного комиссариата по морским делам направила Центральному комитету Черного моря директиву о приведении кораблей в боевую готовность. В этой директиве упоминается и «Борец за свободу». После выяснения степени его технической исправности он должен быть включен в список кораблей, которые в любом случае подлежали переводу в Новороссийск, «как только к тому явится по обстановке необходимость».

А такая необходимость уже назревала. Немецкие войска быстро продвигались к городу. Они намеревались захватить Черноморский флот руками своего украинского вассала — Рады.

24 апреля делегатское собрание моряков постановило организовать «Черноморский отряд для отправления на фронт из судов второй линии». С «Борца за свободу», как и с других кораблей «второй линии», революционные моряки ушли на фронт.

28 апреля флот узнал о немецком ультиматуме: немцы согласны прекратить наступление только в том случае, если на кораблях будут подняты флаги украинской Рады. Известно, какой ответ неприятелю дали черноморские моряки. Все боеспособные новейшие корабли ушли из Южной бухты в Новороссийск, последний советский порт на Черном море.

«Борец за свободу» вместе с несколькими другими старыми крейсерами и линейными кораблями остался в Южной бухте: он нуждался в капитальном ремонте, на нем почти не осталось команды.

Ровно через год, 26 апреля 1919 года, в севастопольской Южной бухте раздались несильные, глухие взрывы. На рейде маячили тяжелые контуры английских и французских дредноутов и крейсеров. Их орудия смотрели на город. Белогвардейцы и интервенты взрывали в Южной бухте русские корабли. Союзники спешили: партизанские отряды и части Красной Армии уже подошли к городу, и на кораблях, стоявших в гавани, белогвардейцы и интервенты успели взорвать в основном лишь цилиндры главных машин. «Борец за свободу», ржавый и запущенный, со взорванными машинами, цилиндрами, с ободранными каютами, стоял на своем прежнем месте. И еще четыре долгих года простоял он у стенки в Южной бухте. Его черные иллюминаторы видели поспешное отступление врангелевцев, флаги красных полков, входивших в Севастополь, первые митинги и субботники рабочих Морзавода.

Наступил 1923 год. Весной и летом по всей стране шли «Недели Военно-Морского Флота». На предприятиях и в учреждениях люди отдавали свои сбережения на восстановление кораблей. Страна Советов должна иметь свой могучий Военно-Морской Флот.

Рядом с «Борцом за свободу» стоял длинный трехтрубный крейсер «Память Меркурия». Белогвардейцы и на нем взорвали главные механизмы, сняли и испортили приводы орудийных башен. Но рабочие Морзавода буквально воскрешали его. Работы продвигались успешно, однако трудностей было немало. Как быть со взорванными цилиндрами главной машины? Самим их выточить нельзя: не оказалось под рукой нужных сортов стали, нужных станков. Работы приостановились. И тогда старший механик крейсера Вдовиченко вспомнил, что на Балтике есть крейсер, у которого поврежден корпус, но цела машина. Это был «Богатырь» — третий трехтрубный корабельный брат знаменитой «Авроры» и «Олега».

...1 мая 1923 года крейсер «Коминтерн» (так назвали «Меркурия») отошел от стенки Морзавода к Южной бухте. Его провожал весь город. Тысячи сева-

стопольцев стояли на Приморском бульваре, на ступеньках Графской пристани...

Местная газета сообщала, что перед выходом крейсера в море «старорежимные обыватели» пустили фантастический слух: «Коминтерн» будет везти на невидимом буксире подводная лодка.

Но, конечно, крейсер шел самостоятельно и вскоре развил такой ход, который не смогла бы дать ни одна подводная лодка того времени. Тот самый «серый «Коминтерн», трехтрубный крейсер», в который, если верить лирическому стихотворению Владимира Маяковского, «по мачты» была влюблена «десантница» «Красная Абхазия»...

А «Борец за свободу», так же как и другие ветераны русского флота, по-прежнему стоял в гавани. Но вскоре то на одном, то на другом зашипела газорезка, плавя тяжелую четырнадцатидюймовую сталь. Началась разборка боевых кораблей.

...Куда же пошло железо и сталь старых кораблей, в том числе и «Борца за свободу»?

ИЗ РАССКАЗА УЧАСТНИКА РАЗБОРКИ, БЫВШЕГО МАСТЕРА МОРЗАВОДА ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ШЕРСТЯКОВА

— Я хорошо помню начало разборки. Одним из первых разбирали «Потемкина». Другого выхода не было. Страна только-только вставала на ноги. Железо и сталь считали буквально на пуды.

Я руководил газорезной. Резали сразу целые секции и броневые бортовые листы. Один такой пятиметровый листик стали весил до пятнадцати тонн. Но резали мы с таким расчетом, чтобы после прокатки можно было получить броневую сталь, пригодную для новых кораблей...

* * *

...И сейчас еще на острове Березань, острове, где были казнены лейтенант Шмидт и его товарищи, можно увидеть старые, обвалившиеся форты и казематы. С 1911 года на острове находилась батарея береговой обороны.

Если по тропинке, мимо обелиска лейтенанту Шмидту, подняться на самую высшую точку острова, то недалеко от маяка увидишь большую воронку от авиабомбы. Зияет черный многометровый бетонный провал. Тянется из каменной земли низкорослое дикое деревцо, ржавеют под солнцем и дождем рыжие прутья арматуры. Виден поворотный круг башенного орудия.

В сентябре 1941 года фашисты заняли Очаков, подходили к Перекопу, а на острове Березань еще находилась наша батарея.

У моряков-артиллеристов было много снарядов и не было приказа об отступлении. Тогда они повернули орудия к Очакову и, оставив необходимый запас снарядов, остальные стали тратить даже на одиночные машины, подводы, рисковавшие появляться на берегу. Это была роскошь, но другого выхода не было. Все равно при отступлении боезапас пришлось бы взрывать.

...Наконец орудия умолкли. Моряки приготовили личное оружие. Они ждали десанта. Но враг медлил. Ночью к острову подошел тральщик из Одессы, который доставил приказ. Моряки взорвали все, что еще мог бы использовать враг, и отошли на яле к тральщику.

...С тех пор и зарастают травой старые форты и казематы, дрожит на ветру железный прут, ржавеет поворотный круг башенного орудия. Может быть, того самого, на котором стояла корабельная башня линейного корабля «Борец за свободу»?

Еще дольше жила передняя мачта броненосца. В 1924 году при установке створных знаков на острове Первомайском задним знаком створа была поставлена эта мачта. И тридцать три года корабли сверяли по створу Первомайского, по мачте броненосца «Потемкин» свой курс. В 1957 году мачта была снята. Ее разрезали и передали Центральному Военно-Морскому музею. Сейчас одна часть ее хранится в московском Центральном музее Вооруженных Сил, другая — в севастопольском музее Черноморского флота.

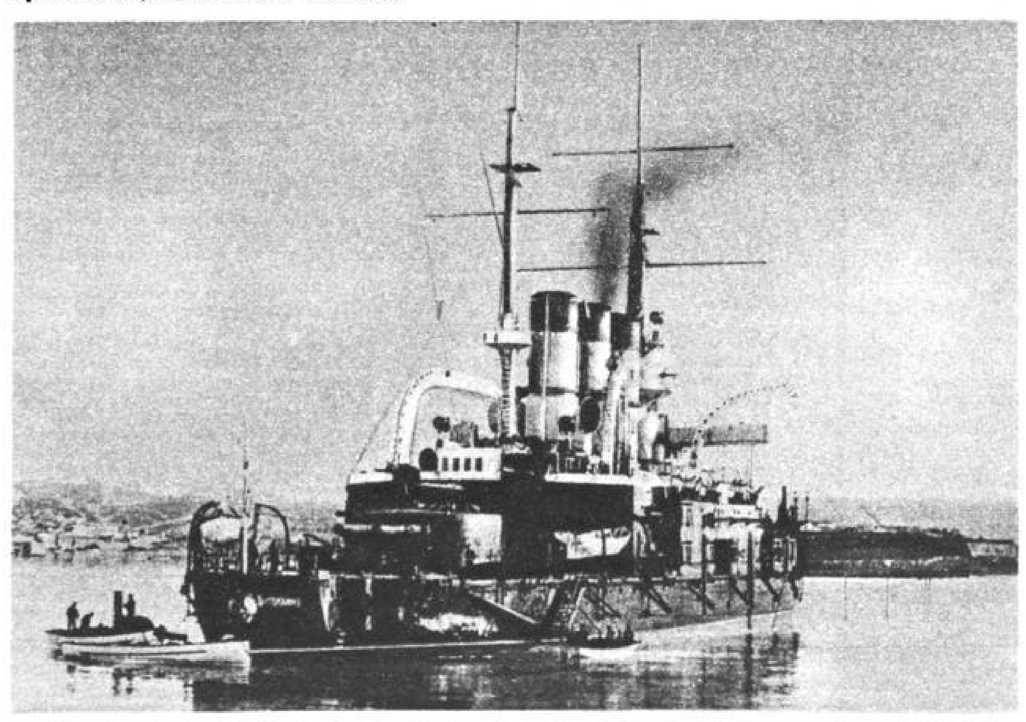
...Так заканчивали свою последнюю службу части боевого корабля. Но кто с точностью скажет, где, в каких машинах, в корпусах каких кораблей жила и живет поныне бессмертная сталь «Потемкина»?

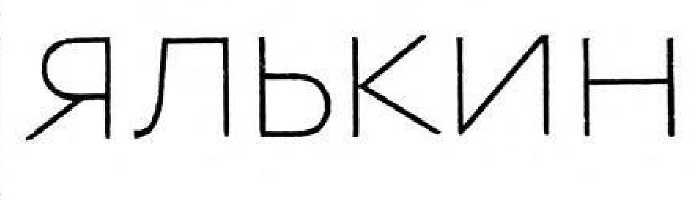
...Где же шли съемки всемирно известного фильма?

Осенью 1925 года в Севастополь приехала киносъемочная группа Сергея Эйзенштейна. Искали настоящий «Потемкин», но его уже не было. Командование флотом показало режиссеру бывший старый броненосец «Двенадцать апостолов». Внешне он несколько походил на «Потемкина». Но на нем давно уже не было ни орудийных башен, ни надстроек. Эйзенштейн снимал «Двенадцать апостолов» на фоне воды и неба, снизу — с носа. Но режиссеру нужны были сцены на палубе, у орудийных стволов. И они были сняты на крейсере «Коминтерн».

Так в знаменитой киноленте «Коминтерн» стал «Потемкиным».

Броненосец «Потемкин». 1905 год.

Лялькин

Вот уже год, как я просыпаюсь по ночам ровно в три. Не стоит зажигать свет, чтобы взглянуть на часы. Время моих пробуждений точное: в этот час умерла Лялька.

Над нашим подмосковным домом пролегает воздушная трасса. Самолеты летают и ночью, поближе к рассвету. Но в час, когда я просыпаюсь, над поселком стоит тишина. Даже сосны не скрипят, хотя снег их отягощает. Только на кухне время от времени с ритмическими интервалами включается холодильник. Но к этой неусыпной домашней технике я давно привыкла.

Значит, будит меня что-то другое. Тогда что же?

* * *

Для того, чтобы вспомнить начало нашей дружбы, надо мысленно превратиться в семнадцатилетнюю девчонку и налегке войти в довоенный Севастополь.

Я очень люблю этот город, люблю его имя — чуточку длинное, протяжное, как волны моря.

Новый Севастополь, может, и лучше старого, даже определенно лучше, но кто мне вернет Садовую улицу с покатым двором в сторону Ленинской? Кто возвратит мне шелковицу, на которую я лазила с азартом мальчишки, чтобы сорвать с нее пресную ягоду? Даже пня от дерева не осталось.

Да и меня нет. Время как река. Оно уносит наши прежние облики. Муж сказал недавно, что с годами я похорошела. Он поэт, как ему верить? Разве он знает, какой я была в те годы? Тогда мы с ним жили на разных концах земли.

А вот Лялька знала, какой я была в юности, и в последнее время присматривалась ко мне с затаенной грустью. Она не признавала всеобщей возрастной повинности.

Лялька выросла в городе, я — в деревне. Речь ее была правильной, хотя и с хохлацким придыханием, а я напропалую сорила раскольничье-двоеданскими словечками:

— Нынче месяц со днем?

И о мочалке:

— Какая чудесная вехотка!

А вот словечко из канцелярского обихода:

— Початая стопа бумаги.

— Начатая,— терпеливо поправляла Лялька.— Что за странные люди эти двоедане!

«Двоедане» по-сибирски и значило «раскольники». По глухим углам Сибири еще сохранились старики, стриженные в скобку, и старухи, молящиеся двуперстно. Когда-то эти двуперстники люто ненавидели Советскую власть и выступали заодно с кулаками. В моем роду двуперстников не было. Но они часто приезжали в наше большое село на базары и за обновками. Отсюда и вехотки...

В год нашего знакомства мы с Лялькой и еще одной вольнонаемной девушкой жили в тесной комнатенке татарской мазанки поблизости от штаба зенитчиков, где мы работали машинистками. Единственное окошечко смотрело в огород, заросший красным перцем и дынями. «Девчонки, десять лун в нашем огороде!» — кричала я по вечерам, любуясь матовым свечением дынь. «Сорви одну луну»,— попросила как-то Женька Клопатюк, третья жиличка нашей комнатки. И хотя дыни были дешевы и продавались в ларьке военторга, я все-таки вылезла в тесное окошечко и сорвала придуманную мною луну на всеобщее съедение.

А ширина окошечка была всего тридцать сантиметров! Теперь хоть золото лежи в том огороде — через окошечко не пролезть.

Никого знакомых из тех лет я так и не встре-

Рассказ

Лариса ФЕДОРОВА

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Ы ГОРОДА

тила. Никого, кроме Ляльки. Только нас выметнуло из той полосы жизни, потому что Севастополь вскоре стал местом гибели многих. Я никого и не разыскивала, хотя всякий раз, встречаясь с Лялькой, мы говорили: «А где же теперь Женька?»

Недавно я очень явственно увидела во сне Ляльку. Удивительно, как она нашла дорогу в наш подмосковный дом, ведь она так и не успела в нем побывать.

Странней всего, что на ней оказалось памятное мне по Севастополю платье цвета «вью-роз». Попросту—розовое. Но Лялька называла его «вью-роз» — она любила необычные слова. Платье и в самом деле по тем бедным временам было прекрасным: с большим вырезом и тремя воланами на подоле. Когда Лялька наряжалась в него (только по воскресеньям, к ужину, потому что наша столовка была рядом с командирской), она была похожа на Коломбину. И тогда вместе с платьем появлялась в ее жестах артистическая грация, высоко ценимая командирами-зенитчиками...

Но приснившаяся мне Лялька хотя и была в девичьем розовом платье, выглядела пожилой, бледной, как в последние свои дни. И губы ее, чтобы уменьшить рот, как обычно, были подкрашены небрежно, только наполовину.

— Ты знаешь, Георгий Иванович женился,— сказала я.— Через полтора года.

В бледном лице ее затрепетал каждый мускул. Не могу вспомнить, стояла она или сидела, а может быть, грелась возле теплой печи: она всегда зябла.

— Ну, что же, пускай... Это еще благородно, если через полтора года. Другие мужья сразу после поминок женятся...— Она потупилась, перебирая крупными белыми пальцами оборки своего любимого девичьего платья.— Он взял ее в дом? — спросила она после паузы.

— Наверное.

— Но она же грязнуля! — вдруг заволновалась Лялька, как будто уже успела вот сию минуту побывать в своем доме.— Во что она превратила мой буль?! Это же уникальная вещь. Я не хотела покупать ни хельгу, ни сервант, именно буль! Помнишь, я тебе писала, как нашла его. В Грозном на толкучке! Кругом стоят колченогие табуреты, кухонные столы — и вдруг это чудо красного дерева! Я так была рада, что писала тебе о нем в каждом письме. Такая вещь была только у Моцарта. И ты рассердилась. «Привет дядюшке булю!» Помнишь?

— Тебя не огорчает, что Георгий женился?

— Мне все равно. Я всегда знала, что в нем сто лошадиных сил, как во всех рыжих. Если ты поедешь к ним...— Она замялась и как-то жалко скривила неровно подкрашенные губы.— Ну к этим... молодоженам... так скажи ей, что буль не для селедки! В нем держат хрусталь!

О, эти Лялькины хрустали! Подозреваю, что пристрастие к ним началось после посещения родительского дома Женьки Клопатюк, где пили и ели как-то слишком уж церемонно, с многочисленными приборами. Женькин отец был профессором математики. Формулы застольного этикета были слишком сложны для таких простых девчонок, как мы с Лялькой. Я и до сих пор не знаю, какого назначения был кривой зубчатый, как пила, ножик, положенный возле моей тарелки с фруктами. Должна ли я была сначала распилить бедное яблоко? Я прекрасно обошлась и без ножика, чем весьма сконфузила Женьку. А Лялька вышла из положения, вообще не прикоснувшись к десерту. «Тебе не трудно с твоими интеллигентными родителями?» — как-то спросила она Женьку. «А я от них скоро уеду»,— ответила Женька и действительно вскоре уехала в Ленинград.

Как же она пережила блокаду с такой благородной худобою?

Так вот, в Лялькином доме всегда был культ хрусталя. Ни ножичками для десерта, ни подставками для вилок или яиц она не увлекалась, но хрусталем был уставлен весь буль. Мне кажется, ей нравилось его холодное излучение. Оно как бы призывало ее не слишком поддаваться будничности. Может, поэтому она всегда стеснялась есть селедку. И вообще жевать что-либо она предпочитала на кухне, а когда в доме бывали гости, Лялька совсем ничего не ела, как бы стыдясь этого действа. Теперь-то я понимаю, как просто ей было отказаться от десерта в Женькином доме.

И все-таки Лялькин дом не был гостевым домом. Скорее он был домом, где куются таланты. «Наковальней» служило коричневое пианино немецкой фирмы «Шульц». Это на нем обучали музыке Лялькиных племянниц. Сначала я долго недоумевала, зачем ей понадобился инструмент.

— Как зачем? — защищалась Лялька.— Пианино не роскошь, а необходимость. Когда-нибудь на нем будут играть дети Алика...

Дети Алика... Олегу сейчас тридцать, но он все еще не женат. В отца рыжий, в отца высокий, он отличался болезненной стеснительностью. К ужасу матери, он читал напролет все ночи. Когда я приезжала к ним, он разговаривал со мною толстым неповоротливым языком и при этом краснел, как девчонка. Единственное, что я запомнила из бесед с ним, так это то, что «многие классики остались холостыми».

Нерешительность его в житейских делах простиралась столь далеко, что, окончив техникум, он так и не отважился работать механиком. Пошел на завод слесарем. Лялька стирала его замасленную спецовку и плакала от обиды.

Вот тогда и начали появляться в ее доме музыкальные племянницы... Одна, другая, третья... Не сироты, нет. Ряды Лялькиных братьев еще не редели. Конечно, жили они не даром, и в Лялькин дом частенько приносили почтовые переводы, но какими рублями измерить терпение Георгия Ивановича?!

К Лялькиному мужу — обыкновенному снабженцу, а потом коммерческому директору при металлургических заводах — я относилась сложно. Меня угнетала его неразговорчивость. Приходилось самой поддерживать разговор, а это утомительно. Я знала, что он, как и сын, много читает, зажигая иногда свет посреди ночи. Но, странно, начитанности в нем не ощущалось. Все уходило в его молчание.

— Он очень добрый, на работе его все любят,— уверяла меня Лялька.— Ты его просто не знаешь.

А мне и знать не хотелось. Вокруг было столько веселых, разговорчивых людей, иногда вздорных, но все-таки понятных. Я не могла себе представить его ни в гневе, ни в радости. Самой большой своей удачей он считал женитьбу на Ляльке. Десять лет ждал ее согласия. Оказывается, когда мы встретились с нею в Крыму, он уже любил ее, но Лялька даже нам, подругам, не сказала о том, что он есть. А ведь девчонки обычно хвалятся своими кавалерами. Скорее всего она не успела сказать. Мы жили вместе всего одно лето. Потом, после окончания сборов, ее пригласили работать в одну из воинских частей в Киев, а я поехала в Москву, чтобы попробовать зацепиться там, к чему меня очень склоняла одна ветреная дамочка. Она, как и мы, тоже была вольнонаемной и приезжала на сбор со своим начальством, а точнее — понежиться на черноморских песках...

Ну и хлебнула же я в Москве! Из-за прописки меня гоняли, как зайца. А сманившая меня Клавдия, как звали ветреницу, сама жила в коридоре, потому что муж кое-что узнал и тут же развелся с нею.

Никаких таких волнений у Ляльки в Киеве не было. Ее полувоенный быт протекал, как и в Крыму, среди природы и армейских палаток. Но Ляльку постигло другое: любовь.

«Я встретила человека, которого полюбила, наверное, на всю жизнь,— писала она мне в Москву.— Он будет моей радостью и мукой, потому женат, да еще начальник, с ромбами в петличках. Такие не разводятся. Разве я захочу, чтобы его исключили из партии? Но встречаться с ним я встречаюсь... Вечерами сидим на берегу реки и смотрим, как текут в ней звезды».

Через год опять письмо. Все из того же Киева. «Завтра я уезжаю в Днепропетровск, к родным. Там ждет меня человек, который давно меня любит. Он некрасив, но честен и добр. Я полюблю его...»

Потом она не писала долго, и мне показалось, что мы никогда уже не встретимся. Ну что же! Я к тому времени и Женьку потеряла из виду. Когда мы молоды, нам не страшно терять друзей. Будут новые.

Лялька относилась к дружбе иначе. Где-то в душе у нее были свои «запасники», как в музеях. Там она и меня хранила не только в первые годы своего замужества, но и в тяжкие годы войны, эвакуации. Тогда мы с нею не переписывались года четыре. Ничего, нашла. Оказывается, у нее на всякий случай был записан адрес моей матери.

Так вот. Через два года после ее замужества они с Георгием Ивановичем впервые явились ко мне в Москве. Помню, раздался какой-то особенный звонок в передней. Нетерпеливый, радостный, словно принесли новогоднюю телеграмму. Я бросилась к дверям, запинаясь в коридоре о сундуки соседей. На пороге стояла Лялька с высоким сутуловатым мужчиной.

— Знакомься! — сказала она, как будто мы расстались с нею только вчера.— Это мой муж — Георгий.

Он больно стиснул мне руку.

— Только о вас и говорила.

Лялька была в красном платье и черных замшевых туфлях. Лицо ее за эти годы вытянулось, словно у обиженной, исчез ее яркий румянец. Она ждала ребенка.

— Ты счастлива? — спросила я потихоньку, когда мы с нею кипятили на кухне чай под жужжание примуса.

— Да, конечно. Он хороший человек. Правда, мои родные заедают его. Придется уехать на Урал... Он не очень рыжий? — вдруг спросила она как о чем-то больном.

— В меру. Бывает хуже.

— Скорее бронзовый, правда?

— Медный,— уточнила я безжалостно.

— Неужели ребенок будет в него?

— Но ты же сказала: он хороший человек.

Спрашивать ее о Сергее я не стала. Моя первая любовь тоже где-то бродила по свету. Не потому ли мы сохраняем ее на всю жизнь, что она сразу становится утратой?

Лялькина страсть менять города началась у нее с рождением сына. Сначала она ссылалась на климат, будто бы вредный для здоровья мальчика, потом на служебные неприятности мужа, потом уж и не помню, какие были к тому причины. Теперь-то я понимаю, что она пыталась заглушить в себе растущую неудовлетворенность. Другая бы женщина сосредоточилась на ребенке. Лялька любила сына, она восстала бы из гроба, чтобы заклеймить меня за это подозрение. Но любовь к сыну не

исчерпывала ее мятущейся натуры. Она поняла, что выпустила из рук счастье, что другого взамен ей не дано...

Я не успевала ездить к ней на новоселья. Меня поражала ее неутомимость, даже какая-то страстность в обменах.

— Чего ты ищешь? — спрашивала я иногда.— Так можно проездить всю жизнь.

— Я знаю, когда остановиться,— таинственно отвечала мне Лялька.

Сказать по правде, я ей завидовала. Почему перевелись на земле кочевники? Оседлый житель не любил их. Скорее всего за то, что кочевники не сеяли и вообще, кроме конского навоза, ничего за собою не оставляли. Но современный человек создает. Он умеет бросать якоря и умело выбирает их обратно. Хоть бы раз отважиться мне и переехать в другой город! Но, увы, я так и осталась лишь свидетелем Лялькиных переездов.

А у Ляльки был еще один дар: дар зазывалы в те города, куда она поселялась на свое временное жительство. Мне кажется иногда, что в ней пропал недюжинный писатель. Было раньше среди литераторов такое амплуа: бытописатель. Ах, как она описывала мне Луганск, его фонтаны, красочные тенты овощных палаток, новейшие магазины! Я помню также подробности красок базара в Грозном. «Ты пишешь, у вас дефицит с крупами, а у нас на базаре корейцы продают рис из пирамидок, высыпанных на прилавок. Я никогда не видела рис в пирамидках, а он, оказывается, когда его много, голубоватый... И когда поднесешь ладонь к этой пирамидке, то ладони холодно от множества зерен...» И о черемше: «Конечно, в Москве еще снег, а у нас столько зелени на рынке! Черемшу продают из мешков, как сено. Приезжай! Черемша придает силу и ясность уму. Так говорят чеченцы».

Потом в ее письма стали врываться музыкальные племянницы, и я поняла, что у Ляльки наступила новая пора жизни, хотя переезды все равно продолжались. Конечно, я понимала, что ей нужна в доме какая-то живинка. Молчащий муж, молчащий сын, молчащие хрустали... Не слишком ли много молчания?

Когда мы встречались с Лялькой и вспоминали Женьку Клопатюк, мне всегда казалось, что вот если бы не Лялька, а Женька была сейчас со мною, то я получила бы от этой дружбы больше удовольствия... Женька была натурой, которую принято называть «тонкой». Не потому, что она ела с этих зазубренных ножичков и пользовалась всякими там пирожковыми тарелками, а потому, что она с надрывом разочарованного человека говорила о жизни... Первый муж пытался приучить ее к вину, второй изменял...

— Лучше остаться одной,— говорила она, сидя на берегу моря в те времена, когда мы жили в лагерях зенитчиков.

Остаться одной Ляльке было противопоказано. Вот почему она вышла замуж за Георгия Ивановича и попыталась быть с ним счастливой. Вот почему она окружила себя племянницами. Перед праздниками она рассылала друзьям и знакомым до пятидесяти открыток, что сердило меня чрезвычайно. Я почему-то жалею почтальонов. Но я не понимала, что за всем этим многолюдьем для Ляльки скрывается единственный придуманный ею образ — образ Сергея.

Этого человека я никогда не видела и потому считала его мифическим. Но Лялька опровергла мои подозрения, показав как-то его карточку.

— Красивый, правда?

Я пожала плечами. Продолговатое лицо, аккуратная прическа. Но губы добрые, безвольные... Белая рубашка с мягким отложным воротничком.

— Он военный? — усомнилась я.— С ромбами?!

— Здесь он еще курсант. Другой карточки у него не нашлось. Сейчас он гораздо интереснее.

Этот разговор происходил как раз перед ее замужеством, когда она из Киева приезжала ко мне в Москву. Платье «вью-роз» все еще было в сохранности и по-прежнему очень шло к румяному лицу Ляльки с ее чуточку крупным носом. Больше всего ее красили глаза — зеленоватые, смеющиеся. Сергей, наверное, любил ее, но на развод так и не отважился.

Прошло еще несколько лет. Мне стало казаться, что Лялькин брак и в самом деле оказался счастливым (в прочности я не сомневалась, зная Лялькин характер), как вдруг я получила от нее взволнованное письмо. «Не знаю, где он сейчас,— писала она о Сергее,— но как бы хотелось узнать, где. Разыскать военного не так-то просто, да я и не буду. Интриги не для меня, как и письма «до востребования». В этом была бы какая-то нечестность. Но кто лишит меня воспоминаний? Они мои и только мои. Если б ты знала, что творилось в моей душе, когда я в последний раз шла к нему на свидание!.. Он назначил мне поздний час, сразу после окончания лагерных учений. Летний сбор окончился, и все разъезжались по зимним квартирам. Во мне плакало все, кроме глаз... Но я виду ему не подала. Пока я бежала к нему в сад за рекою, звезды уже побледнели, трава была мокрой, и ногам было скользко в туфлях. Когда мы сели возле реки на поваленное дерево, он снял с меня туфли и руками стал согревать мои ноги. А потом оказалось, что вода в речке теплее его рук, и мы оба разулись и так сидели на поваленном дереве, касаясь кончиками пальцев спящей реки... А когда звезды совсем погасли и поднялось комарье, мы пошли домой: я к себе в деревушку, где в сенях стояла моя кровать, он домой, к жене... Мы знали, что расстаемся навсегда. Сколько раз было сказано в тот вечер: «Не забывай меня!» Я и не забыла. Но помнит ли он?»

Между строк я словно почувствовала Лялькину боль и это ее упрямство — помнить во что бы то ни стало!

В таких случаях есть только одно средство: прикрикнуть на человека. И я сделала это.

«Мне не понравилось твое письмо. Чего тебе дают эти воспоминания? Лишнюю царапину, вот что. Пиши лучше о пирамидах риса и мешках с черемшою».

Она отмалчивалась месяца три. Но я не волновалась, зная, что из круга моей жизни Лялька не выпадет. Это звено было надежным. Следующее ее письмо, как и следовало ожидать, было о новом переезде. Кандидатуры новых адресов мы всегда обсуждали вместе. Я обращалась за помощью к Большой Советской Энциклопедии, чтобы посмотреть там, что представляет собою новый Лялькин город, а Лялька, получив мое «добро», тут же снаряжала в командировку мужа, чтобы уже на месте посмотреть, какую предлагают квартиру.

Увы, на этот раз переезд в Подмосковье оказался роковым. Лялька умерла, не успев даже посмотреть, что представляет собою ее новый город. По его красивым улицам мы провезли ее мертвой...

Через месяц после похорон приехал ко мне Георгий Иванович. Когда я открыла ему дверь, меня словно обдало тем холодом ослепительного январского дня, в который мы хоронили Ляльку. Хочу выгнать этот день из своей памяти и не могу. Все лезут и лезут новые подробности. Воспоминания прогрессируют, как болезнь.

Родственников набралось человек пятнадцать, в том числе и взрослые музыкальные племянницы. Когда они звонили в дом, казалось, сама Лялька встречала их в тесной передней, заставленной книжными полками. «Я рада, я очень рада, что не ошиблась в вас, спасибо вам за этот последний визит».

Своим грустным присутствием они как бы вознаграждали ее за многолетний подвиг терпения к их бравурным гаммам.

Была на похоронах и единственная сестра Ляльки. Она люто ненавидела Георгия Ивановича всю жизнь, а в тот день особенно... Миниатюрный диабетик в лиловом вдовствующем платье! Слава богу, что ее дочка, выпестованная Лялькой, совсем не похожа на свою злобствующую мать. У Риты от горя подкашивались ноги, а когда везли гроб на машине, Рита так плакала, что лицо ее на морозе все время покрывалось ледяной коркой...

Вот почему, увидев перед собою Георгия Ивановича, я прежде всего спросила, что пишет Рита, здорова ли она.

— Я сам отвез ее в Махачкалу,— сказал он.— Она была в таком состоянии, что я за нее боялся. Попутно и Олега проводил в Днепропетровск.

Значит, остаться с отцом Олег не захотел. Он и сразу не одобрял затею матери перебраться в этот многолюдный городок. Как видно, тетка взяла его под свое крыло.

Бедный Георгий Иванович! Как он похудел за этот месяц, что мы не виделись! Черный костюм болтался на нем, как на вешалке. Еще я заметила, что он перешел на серые рубашки, тогда как раньше признавал только белые.

Но главное было не в том, что он спал с тела, что с белых рубах перешел на серые. Главное было в том, что не стало рыжего человека. Голова его побурела от седины. Он стал той редкой масти, какая есть только у лошадей. Он стал буланым...

Я бережно взяла его под локоть и повела на кухню поить чаем.

Минут пять мы говорили о родственниках — кто из них приехал и кто нет. Еще о том, что как можно скорее надо поставить ей памятник — кладбище новое, неприметное, и если замешкаться с памятником, то, чего доброго, затеряешь и могилу...

Мы говорили об этом уже спокойно, хотя площадка этого спокойствия была мала и малейшая неосторожность словом ли, взглядом ли грозила близкими слезами.

И вдруг Георгий Иванович, глухо кашлянув, сказал:

— Я нашел ее дневник... Читал два вечера. Ничего особенного.

Я вся притаилась над своей чашкой. Как это ничего особенного? А Сергей?! Его именем наверняка пестрели все страницы.

— Эти военные пользовались ее доверчивостью,— продолжал мой гость.— Ей ведь лет восемнадцать тогда было.

Сергей не пользовался — это я знаю точно. Да и сам Георгий Иванович знает, зачем же он так?

— Все эти «ромбы», «шпалы» только голову девчонке морочили.

Сам он, кажется, застрял на «кубике», подумала я о военных доблестях гостя. Ну и пусть «кубик». «Кубик» гражданской войны стоит «ромба» мирных дней! Георгий-то Иванович революцию защищал!

— Где этот дневник? — негромко спросила я, не поднимая глаз от чашки.

— Я сжег его. И письма, какие были,— тоже. Ваши, правда, оставил. Она очень дорожила ими и часто перечитывала. Если хотите, я верну.

Я отрицательно покачала головой. Держать порох в доме? Я часто влюблялась и восторженно сообщала об этом Ляльке. Надо бы сообщать и о том, как кончались эти влюбленности. Тогда бы все было ясно. Мне долго не везло, я не умела сразу распознавать человека. Я бросала свою влюбленность в небо, как воздушный шар. Он никогда не прилетал обратно...

— Так вы не хотите получить свои письма?

— Нет. Можете сжечь их.

Он кротко и тоскливо посмотрел на меня.

— Тогда я оставлю их у себя. Буду перечитывать, если вы позволите. У вас веселый слог.

Веселый слог? Вот открытие! Хотя, конечно, ведь о любви пишут весело, и тем более о взаимной любви.

Провожая, я спросила его, как он собирается жить дальше, кончились ли наконец эти обмены, или все-таки потянет его туда, где теперь сын,— в Днепропетровск.

— Что вы, что вы! — даже испугался Георгий Иванович.— Никуда я из этого города не поеду. Как можно оставить ее здесь одну?!

Почему я об этом не подумала? Разве у нас нет долга перед мертвыми? Георгий Иванович и здесь оказался на высоте, и я была благодарна ему за этот нечаянный урок порядочности.

— Ну, что же... Я рада, что вы останетесь там, где лежит Ляля. Но хочу предупредить: быть одной в земле нетрудно. Труднее одному **ж и т ь**.

Наши взгляды встретились. Мы отлично поняли друг друга. «Нет, нет, я не хочу! — кричал его взгляд.— Это невозможно. Я люблю только ее!»

«Вы полюбите и другую,— отвечал мой взгляд,— и я первая не осужу вас за это. Так должно быть».

Через полтора года после этой встречи я получила от него короткую весточку, где было всего три слова: «Ваш совет выполнен».

Но я все забегаю вперед, тороплю события,

а мне надо рассказать о моем последнем свидании с Лялькой. Пусть читатель простит меня за то, что я все путаю живую Ляльку с мертвой. Для меня до сих пор не решено, с которой из них я мысленно разговариваю. Пожалуй, все-таки с живой. Не хочу я помнить ни холодного недоуменного лица ее, освещенного январским солнцем, ни сложенных на груди рук с узеньким обручальным колечком на безымянном пальце. Пусть это исчезнет из моих глаз навсегда. Живому — живое.

Узнав, что она под Москвою и все-таки не едет ко мне, я впервые встревожилась и решила поехать к ней сама.

Не странно ли, что дорога к Ляльке на этот раз отняла у меня всего сорок пять минут? Я удивилась, но все еще не задумалась над этим обстоятельством. А ведь это и было Лялькиным достижением. Но в то же время и причиной ее смерти!

Пока человек жив, мы не слишком-то ревизуем его. Ну, критикуем иногда. А хорошего просто не замечаем. Какие-то мелкие придирки, ловля блох.

Лялька всегда была лучше меня. Это уж так. Но пальму первенства с готовностью отдавала мне. Во всем. Чего бы это ни касалось. И почему-то это не вызывало у меня смущения или протеста. Любой знак Лялькиного внимания я принимала как должное. В мои студенческие годы Георгий Иванович частенько появлялся на пороге с большим пакетом мяса.

— Гостинцы вам из Воронежа.

Или ввалится вдруг шофер, пойманный Лялькой прямо на дороге, чтобы всучить ему для меня ящик помидоров или яблок:

— Гражданочка одна попросила передать. Вполне, говорит, надеюсь на вашу совесть...

Чем я отплатила ей за это?

Ничем. Даже должницей себя не чувствовала. Я знала: ничего взамен Лялька от меня не ждет, как не ждала она и от своих родственников.

Только однажды осмелилась она попросить меня о пустяке. Ей понравился мой изрядно поношенный черный костюм, сшитый в московском «люксе». Больше всего ее пленил необычной формы карман на груди.

— Какая прелесть! — говорила она, нарядившись в этот костюм и вертясь в нем перед зеркалом.— Когда ты сошьешь себе другой, то продай мне этот. Ничего, что он старый. Главное, в нем такие линии...

А у меня уже был новый костюм. Б ы л. Понимаете? Но я не подарила ей этот старый. Почему-то подумала, что она тут же перешлет его в Махачкалу Рите. Пожалуй, я и не ошибалась в своих подозрениях, но пусть даже так! Просила-то Лялька! А я промолчала. Этот костюм и сейчас висит в моем шифоньере. Было несколько случаев отдать его, потому что он стал тесен и я не ношу его. Но пусть висит. Это хорошее напоминание для моей совести.

В тот вечер, когда я спешила к Ляльке, ничего этого я не вспоминала. Я все еще относилась к ней по-домашнему невнимательно. Приболела, экая важность! (Она написала мне об этом.) Лялька, попадая к врачам, всю жизнь говорила одну фразу: «Ищите у меня рак».

Отчетливо помню тот декабрьский слякотный вечер. Городок не произвел на меня впечатления. Обыкновенное Подмосковье с транспортными страстями на вокзальной площади. Каждому хотелось поскорее попасть в тепло, где его уже ждали: в этот час все возвращались с работы.

Автобусные штурмы не по мне. Я бы охотно вернулась, ведь здесь всего сорок пять минут в электричке, но торт! Я везла торт новоселам.

Пока проталкивалась к выходной двери автобуса, оберегая коробку с тортом, немного согрелась. Ну и дурочка эта Лялька! Отдала двухкомнатную квартиру за однокомнатную да еще где-то на окраине!

— Южная!— объявила кондуктор, и все ринулись из автобуса вон. Какой-то рыжий парень, оглушительно дышавший на меня водкой, так наподдал сзади, что я и не почувствовала, как оказалась на улице.

Ну, все, сюда я больше не ездок.

Я шла по этой Южной минут семь. С одной стороны дома, с другой—лес. Почему Южная? Просто опушка леса. Но дома стояли здесь хорошие, как в Москве, некоторые на десять этажей. Видимо, это и прельстило Георгия Ивановича, что он согласился на однокомнатную.

Я знала, что в Москве у него живут два брата. Конечно, дело к старости, пора сбиваться в стаи...

Вот и Лялькин дом, обозначенный цифрою девятнадцать. На «девятку» Лялька ставила всю жизнь, да еще и меня поучала: «Все важные дела начинай с числом девять».

Даже умереть она умудрилась двадцать девятого...

Но разве могла я подумать в тот вечер, что все обернется так трагично, а главное—всего лишь через месяц! Но Лялька уже знала.

Не торопясь войти, хотя и порядком продрогла, я осмотрела дом с той стороны, где были распахнуты освещенные подъезды, а потом с противоположной, где светились одни окна. Я искала голое окно, потому что Лялька писала мне о задержке в пути контейнеров с вещами. Да, на третьем этаже голое окно было. Его заслоняла распростертая газета. Я попыталась найти маленький камушек, чтобы бросить в окно и тем подать Ляльке знак, но вовремя вспомнила, чем это грозит. Теперь под ее окнами не было автобусной остановки, как в Луганске, оберегающей ее от воров. Чего доброго, Лялька гвалт поднимет на всю Южную улицу. Ведь было же так в Воронеже, когда сын Алик, вернувшись из армии, позвонил в дверь в три часа ночи, но решил не отзываться, а только скрипеть сапогами... Лялька, приняв его за вора, переполошила весь дом. Она била в радиаторы чугунным пестиком.

Единственно, что я себе позволила, это, спрятавшись за дверь, сунуть в чьи-то руки коробку с тортом. Я ждала Лялькиного возгласа, но торт приняли молча. Это был Георгий Иванович.

И вот тут я встревожилась:

— Где Ляля?

— Дома. Входите.

Она уже бежала ко мне, смущенная, что я застала ее за едой, а главное, в стареньком линялом халате.

— Родненькая!

Она повисла у меня на шее, и я с удивлением отметила, как легка она телом.

— Сорок пять минут! Оценила?

— Оценила! — сказала я, вспомнив парня в автобусе.

Передняя была столь тесна да еще уставлена шкафами с книгами, что раздеться в ней с помощью галантного Георгия Ивановича оказалось не столь просто. Я натыкалась локтями то на корешки книг, то на грудь хозяина дома.

Лялька проскользнула в комнату вперед меня, чтобы сразу широким жестом показать на окно, заполоненное лесом...

— Озон! Представляешь? Чистейшая сосна.

Георгий Иванович стеснительно одергивал на себе пижаму. Ему хотелось переодеться, но, увы, второй комнаты не было. Он вынул из шкафа костюм и ушел на кухню.

Как только его сутуловатая спина скрылась за дверью, Лялька таинственно дернула меня за рукав.

— Думаешь, меня радует этот озон? Моя песенка спета, вот что я тебе скажу!

— Чего ты болтаешь?

— Да нет, это правда. У меня грудная жаба. Стенокардия по-научному.

Я посмотрела в ее постаревшее, с желтизной лицо и ничего не сказала. Что тут скажешь?

Мы сели ужинать. Я знала, что Лялька запаслива, и потому не удивилась бутылке доброго вина, коробке крабов и красной икре, бог весть где раздобытой. Торт стоял на почетном месте, и его окружало сияние хрустальных фужеров, извлеченных из буля. Бывалый путешественник «дядюшка буль» занимал собою весь простенок. Мне показалось, что он улыбнулся мне, как старой знакомой.

— Где же Алик? — спросила я, когда мы наполнили бокалы.

— Разве я не писала? Он в Днепропетровске. Ему здесь не понравилось. С транспортом еще плохо.

— Он привык жить в отдельной комнате, а тут всего одна,— мрачно констатировал Георгий Иванович.

Лялька виновато опустила глаза.

— Ничего, он поживет у Людмилы, у нее шикарная квартира. Со временем и здесь хорошо будет. Можно приложить какие-то усилия, доплатить, наконец, и получить две комнаты... Кстати, ты видела нашу музыкальную школу?

Я сказала, что нет.

— Ты шла мимо нее. Девятиэтажный дом. Сразу на остановке.

Ну где там заметить! На остановке я проверяла, целы ли мои пуговицы.

— Не дождусь, когда ее откроют. Сразу заберу Ирочку к себе.

— Какую Ирочку?

— Дочку племянницы. Разве ты не знаешь, что у Риты растет дочка Ирочка?

Ага, значит, пошел второй слой. Бедный Георгий Иванович! Его ожидает шумная музыкальная старость.

Но он спокойно намазывал бутерброд красной икрой, как будто Лялькины племянницы вовсе его не касались.

— Ты, кажется, в кино собирался?— спросила вдруг она.

Он покорно пошел одеваться. Вскоре хлопнула дверь.

— Зачем ты его прогнала?— спросила я, чувствуя неловкость.

— Да нет, он правда собирался. Пускай проветрится. Мне нужно поговорить с тобою. Мы не виделись целый год. Рассказывай скорее.

Я бегло поведала свои новости, заметив, что слушает она не совсем внимательно. Что-то удручало ее. Невеселая тень часто набегала на ее бледное лицо. Вдруг она громко спросила:

— Ты не рада моему переезду?

— Ну, почему?..

— Нет, нет, я вижу. Тебе все равно.

— Мне жаль, что ты прогадала. Подумай сама: двухкомнатную квартиру за однокомнатную!

— Это не имеет значения,— сказала она.

— Но что же тогда имеет значение?— с досадой спросила я.

— Потом я скажу... Во мне что-то кончилось, понимаешь?

— Глупости. Ты только что собиралась воспитывать Ирочку.

— Это я для Георгия говорила. Чтобы успокоить его. Он-то знает, что я протяну недолго. Мне жаль его. Затянула в чужой город...

Не нравилась мне в тот вечер Лялька. Отрешенная какая-то. Да и в комнате, заваленной чемоданами и тюками, тоже все выглядело временным. Казалось, вещи только и ждали сигнала хозяйки, чтобы снова ринуться в привычный путь.

— Я очень виновата перед Георгием. Хочу сказать ему об этом и не могу.

— В чем же ты виновата?— с интересом спросила я.

— Он добрый, он делал для меня все, что я хотела. А я для него делала только одно: была верна ему.

Интересно, куда заведет Лялькина философия?

— Я была добра с ним, заботлива, но...— Она сделала над собою усилие, прежде чем решиться на жестокую откровенность.— Но... я не любила его. А если так, то зачем ему была моя верность, как ты думаешь?

Мне стало не по себе. Неужели она в самом деле собиралась умирать, что так исповедуется?

— Не накручивай, Лялька! Ни в чем ты перед ним не виновата. И, конечно, ты его любила, что за глупости ты говоришь. Я-то помню, как ты волновалась, когда он заболел. В Грозном, кажется.

Она задумалась. На столе рядом с хрустальной сахарницей, извлеченной из буля, лежала ее большая нездорово белая рука. Даже в юности Лялька была большенога и большерука, что, впрочем, отнюдь ее не портило.

— Да, я привязана к нему,— сказала она после некоторого раздумья.— Тридцать лет все-таки... А вот тут как-то оглянулась я назад и увидела перед собою все эти годы с ним... Ровненькие такие, как бревнышки...— Она негромко засмеялась и подняла на меня грустные глаза.— Ну, а теперь ты на свои годы оглянись. Ровненькие или нет?

Я тоже засмеялась, но по другой причине. Какие, к черту, ровненькие! Если жизнь река, а годы бревнышки, то сколько раз я срывалась на стремнинах, а потом хваталась за щепочку...

Я сказала ей, что думаю о своей жизни. И про щепочку тоже.

— Я бы лучше срывалась...

Она вдруг как-то съежилась на стуле, и я словно впервые увидела, что у нее покатые, женственные плечи. Даже старенький халат не скрывал этого. Лялька плакала. Смотрела на меня своими голубовато-блеклыми глазами в морщинистых веках и плакала.

— Ну, перестань! Нашла чему завидовать. Мое счастье трудное, твое полегче.

— Да-да, ты права,— согласилась она, но унять льющихся слез так и не смогла.— Ах, какая тоска меня гложет, какая тоска...

— Да о чем же?

— О том, что жизнь прошла. Разве ты не чувствуешь, что она прошла?

Нет, я не чувствовала. Мне было стыдно перед Лялькой, но ощущения, что жизнь прошла, у меня не было. Наверное, потому, что у меня ничего не болело.

— У тебя нервы. С этими переездами ты окончательно расстроила свое здоровье. Пойди к врачу.

Она досадливо махнула рукою.

— Зачем ходить, я знаю. Мне сына жалко. Кем я оставлю его на земле? Простым рабочим. Зачем же он тогда учился? Ты понимаешь, что получается? Племянниц воспитывала, а своего сына как следует на ноги не поставила. Он и полюбить никого не сможет. Все его сроки прошли. Мне было семнадцать, когда я полюбила на всю жизнь...

Ну, теперь я знала причину ее слез. Дело вовсе не в сыне, у которого ни на что не оказалось талантов; и не в том, что она сожалела о своей тридцатилетней верности нелюбимому человеку. Об этом нельзя сожалеть, если рядом не было соблазна. Лялька все еще любила Сергея. Любила без всякой надежды, мо-

Моя любовь, моя забота

Исхак МАШБАШ

ГЛАЗА СОЛНЦА

Глаза бывают разные на свете:
И серые, как море на рассвете,
Зеленые, как вешних трав разлив,
И голубые, словно небеса...
Но слышишь — и у солнца есть глаза!
Спросите у дождя — он знает это.
Об этом знают утренние клены.
Подсолнух, ослепленный ранним светом,
Ресницами моргает изумленно.

О нем твердят и золотые крыши
И синий ветер, что цветы колышет.
Об этом шепчет радостная ветка,
Счастливо улыбаясь в вышине...
Но все-таки, какого они цвета —
Глаза у солнца,— расскажите мне!
О том расскажет чистая роса,
Что по утрам на травах серебрится.
И пропоют мне птичьи голоса,
И в светлом сне восторженно приснится,
Как солнечные пламенные очи
Взирают на планету с высоты
И как земля по ним тоскует ночью,
Вздымая темно-синие хребты.
Глаза, глаза... Так ярок этот свет,
Но, не слепя, дарует он прозренье.
И на земле он оставляет след,
И землю вдруг пронзает озаренье.
Глаза бывают разные на свете:
И синие, как этот юный ветер,
И черные, как дикая гроза...

Скажи, а солнцу ты смотрел в глаза?

ДОБРЫЙ НАШ ОЧАГ

Наш добрый, старый наш очаг!
Мир без тебя давно б зачах.
Но в жизни есть и злой огонь—
Он зреет в сердце гроз.
И вот по лесу стонет стон,
Лежат деревья в рост.
Знавал я солнечные дни
На золотых полях...
Но черной буркою на них
Лежал пшеницы прах.
Сквозь пепел долетал ко мне
Колосьев мертвых зов,
И различал я, как во сне,
Обрывки скорбных слов...
Мы все обожжены войной.
Я видел не один
Развалин горестный покой
И тихий дым руин,
Трубу над мертвым очагом —
Как памятник жилью...
Весь мир, помеченный огнем,
Вторгался в жизнь мою.
Но пламени слепая власть
Всесильной не была,
Когда огню бросались в пасть
Отчаянные тела.
И черный прах и черный снег —
Не различишь лица...
Но матери несли сквозь век
Багряные сердца.
И, злое прошлое кляня,
Отроем мы порой
Осколки ржавого огня
В земле своей сырой.
Да, я немало видел бед —
Былая боль остра!
Но и сквозь ночь пробился свет
Родимого костра.
О, если б не было тебя,
Как я б на свете жил?
Я камни тер бы, их дробя
Сверхнапряженьем жил,
Я б молнии руками брал,
Тупой отвергнув страх,
У бога я б огонь украл —
И вновь зажег очаг!
Посредник солнца на земле —
Сияет светлый круг...
Да не погибнешь ты в золе
Очаг, наш добрый друг!

Перевела с адыгейского Л. БАХАРЕВА.

ЗЕМЛЯ

Я так давно крестьянин. Так давно!
Все борозды земли — мои морщины.
Мне всю ее, до маленькой песчинки,
Познать руками сильными дано.
Она мое земное бытие.
Она моя судьба, мое начало.
И мне все чаще кажется ночами,
Что я, как колос, вырос из нее,
Все остальное было наяву.
Ничто на ней меня не миновало.
Она меня собою закрывала,
Когда я мертвым падал на траву.
Она мой мир. Она моя война.
Она моя любовь, моя забота.
И солью моего седьмого пота,
Как трудный хлеб, посолена она.
Я помню каждый камешек в земле.
Я знаю каждый шрам ее на память.
А как она, распаханная, пахнет!
Как теплая коврига на столе.
Я столько лет крестьянин, столько лет!
Я врос в нее незримыми корнями.
Я поднимаю горсть земли, как знамя,—
Я человек, я пахарь, я поэт.
Мои ладони грубые добры.
Мои ладони без земли томятся,
А там, как зерна, в глубине таятся
Невызревшие песни до поры.

ОЖИДАНИЕ

Планета в ожидании добра.
Бумага в ожидании пера.
Рассвет наполнен ожиданьем дня.
И это все перелилось в меня.
Я полон ожидания. Так ждет
Дождя крестьянин, глядя в небосвод.
Я дерево в предчувствии цветка.
Я море. Я без корабля пока.
Я колосок, упрятанный в зерно.
Что на земле произойти должно?
Душа моя открыта, как земля.
Я ожидаю радостно и чутко:
А вдруг сорвется спелой вишней чудо
Или дождем прольется на поля!
А может быть, оно придет бедой?
Не светлым ливнем — черною водой?
В горах слезами реки изойдут,
Деревья перестанут петь листвою,
И мне на грудь зеленой головою
Изломанные травы упадут...
Нет, не затем во сне и наяву
Я трудным ожиданием живу!
Я дерево в предчувствии цветка.
Я море. Я без корабля пока.
Я радостно, как дождь на борозду,
Навстречу ожиданию иду.

Перевела с адыгейского В. ТВОРОГОВА.

жет быть, мертвого, потому что он всегда был крупным воинским начальником, и значит, через него должна была прокатиться такая крутая волна со злым белым гребнем, как тридцать седьмой год, а потом девятый вал войны сорок первого...

У двери кто-то завозился, вставляя ключ. Вернулся из кино Георгий Иванович.

— Так быстро?— удивилась Лялька.— Да ты, наверное, сбежал? Я так и знала. Ну, тогда пей чай.

Разговор был прерван. Досадно, конечно, но продолжать его при Георгии Ивановиче было невозможно. Что же, тогда пора домой. Договорим в следующий раз.

Хозяева стали упрашивать меня остаться до утра, но я твердо решила ехать.

— Ты храбрая,— сказала Лялька, облачаясь в какую-то облезлую шубейку, чтобы проводить меня до автобусной остановки.— Я бы ни за что не поехала так поздно.

Она всегда чего-нибудь боялась.

— Не ходи далеко,— подал голос Георгий Иванович, и я заметила, как тревожно посмотрел он на нее.— Давай лучше я провожу гостью.

— Ты пей чай,— сердясь, что ее останавливают, сказала Лялька.

— Тогда пойдем вместе.

— Господи, неужели ты не понимаешь, что нам нужно поговорить! Мы целый год не виделись...

Он молча подал ей теплый платок и перчатки. Пока она возилась с этим платком, приподняв руки, от усилий лицо ее порозовело. А ведь она весь вечер пугала меня своей бледностью. Да нет, какое там умирать, Лялька еще побегает по земле! Вон какой румянец окатил ее щеки, как молодо блестят глаза. Сейчас она просто хорошенькая, такая, какой была в Севастополе.

Успокоенная ее внезапным превращением, я довольно оптимистично распрощалась с Георгием Ивановичем. И Лялька действительно побежала вниз по лестнице с легкостью, привычной для моего взгляда.

— Тебе стало лучше?

— Да. Жаба, она, знаешь, какая. Схватит и отпустит, да еще бодрости в придачу даст. Когда не мучают боли, я чувствую себя отлично.

Но как только мы вышли из подъезда, как только она хлебнула ветра и стужи, что, завихряясь, белым клубком катили по асфальту, Лялька сразу сникла. Одеться бы ей потеплее, а то какая-то облезлая шубейка.

— Что это за салоп?

— Еще военного образца,— неловко пошутила Лялька.— Свою хорошую шубу я оставила у Риты.

— Подарила?

— Да нет, уступила подешевле. Я этот мех три зимы носила. Вот поеду в Москву и куплю себе новую.

Да что там шуба! В день похорон мы перерыли все Лялькины чемоданы в поисках чего-либо приличного для такого единственного случая. Все у нее оказалось старым, ношеным, узким... После ее трескотни о всяких покупках для меня это было самым большим открытием. Где же эти наряды? Георгий Иванович только разводил трясущимися руками и плакал...

Теперь мне Лялька уже ничего не объяснит. Но я знаю, что она не лгала. Она покупала. Но она же и дарила по всяким торжественным случаям. Вероятно, это был самый прекрасный баланс в человеческой бухгалтерии, когда дебет с кредитом так и не сошелся.

Мы шли с Лялькой дворами, заснеженной тропкой. Она говорила, что это самый короткий путь, но часто останавливалась и припадала ко мне, пряча лицо от ветра. Я терпеливо ждала, когда пройдет новый приступ ее боли. Странно, но жалости я не испытывала, до меня все не доходило, что это уже не игра в болезни, как бывало прежде с Лялькой, а что приближался ее смертный час...

— Иди домой, Георгий Иванович, наверное, волнуется.

— Нет, нет, погоди... Мне нужно сказать тебе...

— Лялька, я тороплюсь. Теперь ты близко, и найдешь время приехать ко мне. Ну, хотя бы двадцать восьмого...

— А что у тебя двадцать восьмого?— морщась от боли, спросила она и тут же вспомнила, смутившись.— Прости, я забыла. День твоего рождения. Конечно, приеду.

— Если ты будешь плохо себя чувствовать, я не обижусь.

— Ползком, но приползу.

— Ну, зачем эти крайности! Говорю тебе, что я не обижусь.

Она поняла, что я не настаиваю. Это и в самом деле было так. Муж не любит моих подруг, а после посещений Ляльки, когда она приезжала в нашу старую, тесную квартиру и трещала с утра до вечера, он утверждал, что по его душе проскакала конница Чингисхана...

— Я все-таки приеду,— сказала она упрямо. Я равнодушно пожала плечами. Как хочет. И опять она с грустью посмотрела на меня.

Золотошвеи из Торжка

Б. СМИРНОВ

Фото Г. Копосова.

«Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы»,— писал Пушкин П. А. Вяземскому в ноябре 1826 года. Великий поэт не зря восхищался торжокскими поясами: редкий путник, проезжавший по Петербургскому тракту, не покупал в Торжке пояс, шапку, а то и платье, расшитое знаменитыми тверскими золотошвеями...

Торжок встретил нас пасмурной мглой. Чередуясь со снегом, моросил мелкий сереньний дождь. Но день этот остался в памяти ярким, пронизанным светом и солнечными бликами, и причина тому — сверкающие золотые витки, швы и стежки торжокских вышивальщиц.

— Золотым и серебряным шитьем Торжок всегда славился,— рассказывает нам старейшая и опытнейшая торжокская вышивальщица Анна Ефремовна Бунарева.— Говорят, завезли сюда золотые нити еще византийские купцы, а тверские мастерицы научились ими вышивать, да так, как нигде больше не умеют. Все царские да церковные наряды здесь расшивались. Адмиралы и полководцы тоже в нашем шитье щеголяли. Вышивали кресты на ризах, могли и митру заткать по парче золотом. В гражданскую войну не стало ниток да и не до нарядов было. Боялись мы, что кончился на этом наш древний промысел...

Но старинное русское ремесло не исчезло. На Торжокской золотошвейной фабрике уже давно не работает Анна Ефремовна Букарева (глаза не те стали), но продолжают бежать по бархату золотые стежки ее учениц — Екатерины Денисовой, Анны Алексеевой, Татьяны Пономаревой. Их работы побывали на многих выставках, экспонируются в музеях. Огромная круглая скатерть была удостоена диплома Всемирной выставки в Брюсселе.

В Торжке вышивают все. В любом старом доме, если поискать, найдется хоть клочок вышитой материи. Профессия золотошвеи нелегка: портится зрение, затекают от напряжения руки. Целыми днями, не разгибаясь, должна сидеть вышивальщица над узором. Но до сих пор любая семья считает за честь отдать свою девочку в профтехшколу. С прошлого века, с 1894 года, существует в Торжке школа золотошвей, не одно поколение мастериц выросло в ее стенах. Не потускнел, не распустился золотой шов...

Работают мастерицы, сидя за большими квадратными пяльцами. В пяльцах натянут кусок материи, к которому приклеен сафьян, замша или бархат. Шилом протыкается тонкая дырочка, в нее снизу продевается иголка с простой ниткой, получается петля, и в эту петлю продевается золотая или серебряная нитка. К ней вторая, третья — и постепенно «зашивается», как здесь говорят, весь нанесенный карандашом узор. Зашить узор — в этом-то все искусство. Мастерица угадывает, какими нитками шить — золотой или серебряной канителью, простой, граненой, махровой, в какую сторону закручивать, где под узор подложить картон, чтоб рельеф был, и какой высоты рельеф нужен, чтобы узор играл тонами и полутонами, чтоб были в нем и тень и свет...

Но главное — выбрать шов. У вышивальщиц есть больше ста способов укладывать нити, но в Торжке чаще всего применяют шестнадцать—двадцать традиционных швов. Чаще всего встречается «кованый» шов — узор тогда кажется выбитым на металле. «Литой» шов — нитки лежат плотно, и узор блестит, как слиток. Часто шьют «гусем», «в прикреп», «бабьим швом», «петелькой»...

Вышивальщицы вспоминают, как трудно выбирался шов для изображения паруса в большом панно «Афанасий Никитин». И конец долгим поискам положила поездка по музеям, где хранились старинные платья, плащаницы. Побывали в Русском музее, в Загорске. И, наконец, в Москве, в Музее искусства народов Востока, нашли подходящий шов. Прямо тут же, в зале, достали маленькие пяльцы и, к удивлению посетителей, стали копировать вышивку.

Был у вышивальщиц и такой интересный заказ — расшить костюмы для героев фильмов «Война и мир» и «Анна Каренина». Но обычно таких творческих заказов мало. Видели мы на фабрике замечательно расшитые замшевые и сафьяновые сумочки, книжные закладки, футляры, всевозможные сувениры. Показали нам еще не готовое, чудесное платье с золотым узором. К сожалению, это только образцы. А основная продукция этой уникальной фабрики — стандартные эмблемы для формы речников, железнодорожников, шахтеров и прочие изделия, не требующие художественного вкуса, богатого, векового мастерства вышивальщиц.

Но традиция есть традиция. И вот сидят за пяльцами студентки Галя Носова и Люба Блинова — проходят у золотошвей практику. Еще неуверенны движения пальцев, как слепая, тычется в полотно игла. Медленно ложится нитка к нитке, и уже вырисовывается старинный торжокский узор — бегущий олень...

●

Золотошвейную практику проходят в Торжке студентки Московского художественно-промышленного училища имени Калинина Галя Носова и Люба Блинова.

●

Старина — эмблема Торжка. Автор сувенира — М. Рашкина.

●

Образный рисунок художницы М. Григорьевой лег в основу памятного знака Торжокской фабрики.

— Ты очень изменилась.

— В чем же?— насторожилась я.

— Прежде ты была лучше. Щедрее...

— Как это понять?

— Ты сама знаешь... Многих разлюбила. Да и меня, наверное...

— Ты странная сегодня,— пробормотала я устыженно.— Ну, ладно, давай выкладывай, чего хотела.

— Я хотела тебе объяснить, что побуждало меня... Насчет обмена.

И в это время из-за поворота показался автобус. Пустой автобус! Подумать только: пустой! Я торопливо обняла и поцеловала Ляльку.

— Приезжай двадцать восьмого. Поговорим. Обязательно приезжай, слышишь?

Автобус тронулся, и я увидела, что она машет мне вслед, как машут провожающие на перроне. Так и остался в моих глазах размытый сумерками силуэт женщины с прощально поднятой рукой.

Обратный путь к Москве оказался легче. Мчалась электричка, покачивался пустой вагон, а я все думала о странном сегодняшнем разговоре с Лялькой. Она что-то нащупала в моем организме, как нащупывает хирург новообразование. Я и сама подозревала, что изменилась не только внешне. «Ты была лучше, щедрее»,— сказала Лялька. Да, это так. Людей не судила. Не было мне до них дела; вернее, не старалась подогнать их под свои нормы. Легче любилось и дружилось. Как это сказал один поэт?

Любви незримые изломы
И медленный отлив друзей...

Точнее не скажешь. А изломов — не сосчитать. Человек все время совершенствуется, и что-то начинает не устраивать его в своих друзьях и близких. Вот я, например, придираюсь к Ляльке, а ко мне тоже придираются... Век, что ли, такой?

На день моего рождения Лялька не приехала. Явился один Георгий Иванович сразу с двумя хрустальными вазами.

— Привет вам от «дядюшки буля»!

— А Ляля?

— Я положил ее в больницу,— после некоторого колебания признался Георгий Иванович.— Врачи посоветовали. Она не велела говорить вам об этом...

А сердце мое все молчало, не давало никаких знаков. Молчало даже тогда, когда я прочитала присланную Лялькой записку: «Будь счастлива, помни обо мне». Слова как бы вмяты твердым карандашом в бумагу. Писала, наверное, на подушке или на кромке одеяла, положенного на ладонь.

Звонки в передней раздавались один за другим, и я тут же забыла о Лялькиной записке среди веселых возгласов и поздравлений. Это был мой последний праздник. Теперь дней своего рождения я не отмечаю. И причиной тому — Лялькина смерть.

Телефонный звонок в нашу квартиру раздался на рассвете. Звонила какая-то женщина из больницы. Голос ее все время срывался на крик: «Передайте Георгию Ивановичу... передайте Георгию Ивановичу...»

Он оттолкнул от себя телефонную трубку и зарыдал.

* * *

Вот и кончились Лялькины города. Ее последнее пристанище оказалось на новом кладбище под реденькими березками. Зимою их стволы почти сливаются со снегами, а летом эти стволы белеют на траве, как редкие белые прочерки. (Был человек — нет человека, был человек — нет человека...) Зато прочны оградки над каждым новым поселенцем. Ходишь среди этих оградок, смотришь на памятники с серьезными фотографиями и думаешь: какой тут суровый народ!

Но Лялька и здесь умудрилась остаться непохожей на других. Не нашлось в ее альбоме серьезной фотографии.

Теперь это единственная улыбка на все кладбище.

Над тихим Лялькиным городом летят метели, падают частые снега, шепчут в реденьких кронах осенние дожди. Что бы ни происходило в природе — Лялька улыбается. Не боится она ни темноты, ни воров, не огорчается холодностью друзей...

А я все думаю, и думаю, и думаю о ней. Как будто бы ее душа поселилась со мною в одном теле. И эта, Лялькина душа нисколько мне не мешает. Наоборот, мне очень хорошо от этого союза. Мучил меня только один вопрос: что она хотела сказать мне на автобусной остановке? И вот тогда ночью, когда она приснилась в своем девичьем розовом платье, я спросила ее об этом.

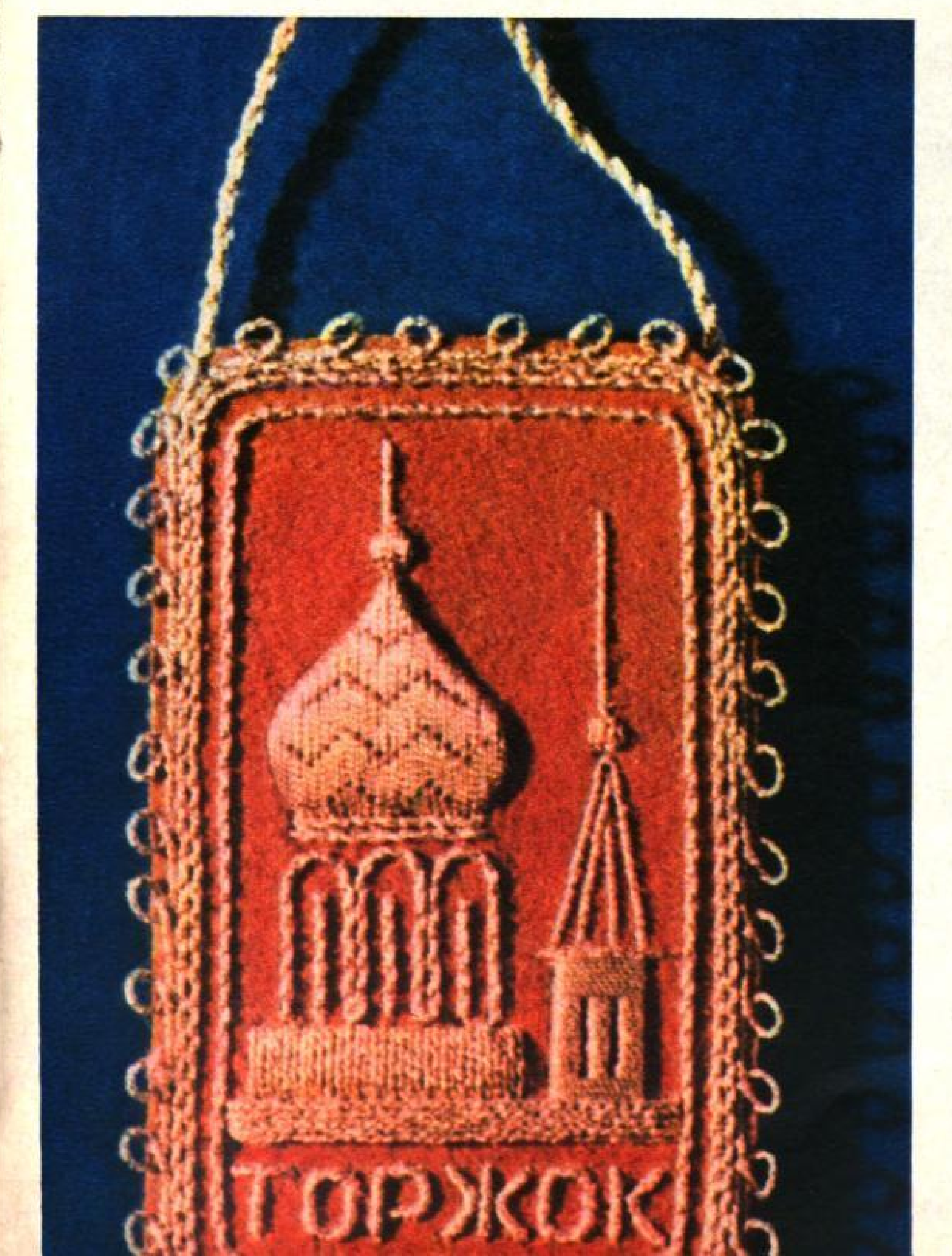
— Не помню,— сказала Лялька, стоящая у моей кровати. И даже в каком-то усилии приложила к закрытым глазам пальцы.— Боже мой, я не помню.

— Ты сказала: «Я хочу объяснить тебе, что меня побуждало менять города».

Она быстро отняла от глаз пальцы.

— А разве ты не знаешь? Боже мой, а ведь это так просто! Георгий сразу догадался. Я хотела жить вблизи тебя. Приблизиться постепенно. Я выбирала самый лучший город, чтобы поменять его на свой последний...

Сон оборвался. За окном тягуче шумели сосны, и в неимоверной высоте над ними гудел самолет, выискивая свой путь к близкому аэродрому.

ТОРЖОК

В 35-м номере журнала «Огонек» за этот год была опубликована статья Павла Глинкина «У карты былых сражений», в которой обозревались мемуары о Великой Отечественной войне. В новой своей статье Павел Глинкин продолжает начатый разговор, рассматривая события минувших лет через отражение их в военной художественной прозе.

УРОКИ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Павел ГЛИНКИН,
кандидат филологических наук

Проза о Великой Отечественной войне растет, теснит на столбовых дорогах беллетристики деревенскую и молодежную повесть. Славная страница народных летописей отложилась в сознании современников не только безмерным страданием, но также прекрасным порывом, величайшим проявлением национальных и государственных потенций. Знаменательно: возбуждение от побед и бед народных не остывает со временем.

Схожее состояние поднятых на историческое деяние масс чутко уловил Л. Н. Толстой, наблюдая ратный подвиг в Крыму. Русская армия потерпела очередную неудачу под Севастополем. И тут в дневниках артиллерийского офицера сверкнула вещая мысль будущего автора «Войны и мира»: «Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к Отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства».

Устойчивый интерес к начальному этапу Великой Отечественной войны современная критика объясняет влечением художников постигать драматичное, нравственная сила народа выражается-де наиболее полно и энергично в кризисные моменты, каким и был тот многотрудный год. При сем И. Козлов в полемическом диалоге с Г. Баклановым («Литературная газета» № 8, 1967) обозначил два подхода к проблеме: с акцентом на неудачах и со стремлением постичь тайники национального духа, раскрыть самосознание народа. Критик поддерживает второе, поскольку, мол, исторический оптимизм органичен для нашей литературы. К сожалению, объяснение предпочтительности желаемого принципа неубедительно.

Дело, пожалуй, не столько в историческом оптимизме, который не обязательно наличествует у всякого из литераторов, а в том, что ставший для иных модой пессимизм не согласуется с правдой минувшего, с итогами войны. Необъяснимой становится победа. Интерпретации домашних скептиков в чем-то перекликаются с теми из чужих версий, по которым наш военный триумф — случайность, роковое стечение обстоятельств. Суть этической несуразицы этой хорошо передает известный парадокс о том, что, читая некоторых беллетристов, ясно видишь, почему мы откатились к Москве и на Волгу, зато не возьмешь в толк, как пришел советский солдат на Одер. При недооценке начального периода войны исчезает логика развития событий, как бы затушевывается очень важное: моральное вооружение нашего народа и, напротив, разложение противоборствующей силы именно с первых дней нашествия.

Массовый характер отваги советских людей в борьбе общепризнан. Напомню только, что звания Героя Советского Союза удостоились более одиннадцати с половиной тысяч человек, а двенадцать с лишним миллионов награждены орденами и медалями. Но и враг был не слабодушен, и в его рядах нашлось немало храбрецов. И все же есть качественные критерии героизма и его массовости. Теперь известно, что подвиг Гастелло повторен советскими воинами семьдесят четыре раза, свыше двухсот человек легли грудью на пулеметы. Немецкий солдат не дал примеров подобной самоотверженности. Не надо долго искать ответа, отчего: лишь убеждение в справедливости войны пробуждает необходимость жертвовать жизнью, «поднимает дух солдат и

Панно «Мир» А. Акимовой (Торжокская профтехшкола).

Сувениры повторяют традиционные для торжокских золотошвей мотивы: изображение животных, ладьи, башни. Книжные закладки посвящены сегодняшнему Селигеру — озеру туристов и рыболовов. Авторы сувениров — художники М. Григорьева, Т. Ермакова, М. Рашкина, Е. Денисова, А. Алексеева.

заставляет их переносить неслыханные тяжести» (В. И. Ленин).

Это наше понимание исторической роли масс. Но есть по этому поводу и лукавые философствования. Один из зарубежных авторов проливал крокодилову слезу о «несчастном том государстве, которому требуются герои».

Итак, массовое мужество в Великой Отечественной войне рождалось из любви к Отечеству, из осознанной необходимости защитить свое государство, из поднявшегося в душе народа «чувства оскорбления и мести» по отношению к супостату. Патриотические порывы так или иначе преломляются в сознании каждого участника событий, но, разумеется, выражаются у каждого по-своему. Во многом их определяют также исконные черты народного, или, точнее, национального характера. Ответственность искусства перед обществом значительно повышается оттого, что большей частью скрытые проявления этих чувств художник улавливает и может выразить лучше, чем историк и публицист. Может. Речь идет о высоких гражданских помыслах, которые простой человек не горазд изливать, но которые в нем есть, зреют и в годину испытаний светят ярко.

Между тем случается, что в художественном произведении при изображении нравственно-этических процессов, свершающихся в толще народной, теплота чувства, облагороженная сознанием гражданского долга, подменяется неким стадным инстинктом, и ратоборцы за правду лишаются человеческой красоты.

В романе Степана Злобина «Пропавшие без вести» страдающий от беззаконий генерал Балашов после трагических боев в окружении был вывезен на последнем самолете в Москву тяжелораненым. Лишенному врачами общения с внешним миром все события на фронтах вплоть до победы под Москвой остались неизвестны. Возвращаясь к действительности, он с трудом понимает случившееся — как мы устояли и даже победили? И вот крупный военачальник Рокотов разъясняет Балашову: «Москва, знаешь, стала символом поражения или победы... (Обратите внимание на эту антиномию. Генерал Рокотов уже после завершения московской битвы говорит о возможности и такого положения: «Москва — символ поражения!») И... как сказать... То самое испанское вдохновение тридцать шестого года «No pasaran!» сыграло огромную роль... Опасливость перестраховщика у командира пропала. Ее ведь в мирное время службисты плодили, а тут получилось, что ничего все равно хуже смерти не будет (вот она, рокотовская пружина «вдохновения»,— хуже смерти все равно ничего не будет. И дальше уже откровенный комментарий)... в массе-то, в большинстве, и командиры и рядовые бойцы за победой не шли (!!), а лезли, что называется — перли!.. Сквозь сугробы, сквозь вьюгу, сквозь пули и пламя — напролом!.. Техники, правда, еще маловато было, но ее, на старинный манер, заменяли солдатской кровью, как говорится — костьми, головами... Вот так все и было».

Нет уважения к солдату у таких книжных генералов, народного подъема не чувствуют, осмысленности действий, необходимой для подвига, не видят — «перли», «напролом», как стадо. Заметим еще, что Балашов и Рокотов по роману наиположительнейшие персонажи, идеологи войны, совесть армии, гражданская честь погрязшей в беззакониях страны. Но их понимание (вернее, непонимание) природы мужества не может удовлетворить. Читатель ждет другого.

Популярность книг о Великой Отечественной войне объясняется непрекращающимся интересом читателя к теме всенародного подвига. Сюжеты художественных произведений о минувших боях, как правило, трагичны. Художник прав, конечно, когда воссоздает тяготы, сиротство, невзгоды и слезы. Повержен враг, отгремели салюты, прославлена в веках страна, а боль дает себя знать, и поныне ранят осколки далеких сражений. Но живут в народной памяти и радость, и ликующее торжество, сознание исполненного долга, и признание заслуг — словом, все, что вмещает в себя Победа.

Но вот мы снимаем с полки повесть за повестью, где со всем тщанием изображены концлагеря и плен, преступное руководство страной и поголовное истребление талантов, где генералы, начавшие войну,— сплошь почти недоумки и выскочки, где описаны все мыслимые варианты разгрома батальонов, дивизий и армий (советских, разумеется), где солдаты, беспомощные (ибо, по сути, еще до начала боевых действий преданы позору проигранных сражений), раздавлены, окружены, убиты или обезоружены, бредут под конвоем наглых вояк ни живые, ни мертвые.

Читательский инстинкт подсказывает мне: наверное, так и было, однако, во-первых, может, не совсем так, а что не всегда и не только так — это уж точно. Стало быть, хотя в многочисленных книгах о военнопленных сказана правда, да не вся она тут. Никто не отрицает необходимости показа активности советских людей в любых условиях, в том числе за колючей проволокой. Но возникла опасность романтизации страданий и плена. Темы поражений и бед не должны затмевать изображения отваги людей, дравшихся с оружием в руках. Эти люди прежде всего решали судьбы войны.

Народ хочет знать своих подвижников, а подвижник не может быть немощен духом. Нам же порой пытаются в художественной форме с помощью утонченных аксессуаров литературного модерна внушить, что малодушие и трусость, даже предательство идут иногда об руку с ратным подвигом и гражданским долгом. Оно, так сказать, переходные интеллекта нашего современника, озаренного лучами всесветного гуманизма. Скажем, самострел Сенька в небезызвестном рассказе Виктора Некрасова. Воля писателя—избирать объект исследования. Назначение же критика — дать оценку итогам исследования. Впрочем, нужна бывает и критика критики.

А. Бочаров в статье «Негасимое пламя» («Литературная Россия» № 9, 1968) развивает и оправдывает философию пескариного дрожания и так называемой окопной правды. Автору видится не случайным, что в произведениях последнего времени столь часто описывают один бой, одно сражение. «Словно собранным лучом прожектора проникает писатель в самые глубокие истоки ратного подвига, в самые глубины духовного...» Эти самые «глубины» становятся оселком, на котором проверяется принадлежность к цеху гуманистов. Одни — «не верящие в человека» — боятся заглядывать в глубины, другие заглядывают (среди других, по Бочарову, и Виктор Некрасов) и «открывают важнейшее». Что же? Внимание: «подвиг — это не всегда только свершение, истинный героизм начинается, в сущности, тогда, когда переступаешь через свой страх, через угрозу потерять жизнь».

Вот корень. Но ведь предатель и самострел тоже переступают через свой страх, через угрозу потерять жизнь. Только переступают они во имя опять же приобретения лишнего шанса сохранить жизнь. Нет, подвиг — всегда деяние. Нам важно не то, что ты через страх свой переступил, а что ты сделал для братьев по крови, по цели, во имя победы над супостатом. Звания Героев присваивали не за смерть и преодоление робости, а за вклад, выдающийся вклад в общенациональное усилие. В теориях Бочарова и в художественной практике тех, кого обороняют с помощью этих теорий, исчезает сущное — борьба как напряжение масс. Предается забвению народное патриотическое чувство, которое, охватив массы, оказывает решающее влияние на исход борьбы.

Призыв и тяга углубиться в подсознание единицы, где, пожалуй, в хитросплетениях психологического анализа можно оправдать что угодно, и представление о героизме как неосмысленном порыве толпы — две крайности одной концепции, объясняющей трудности начального периода войны ошибками верховной инстанции. Иногда эта инстанция откровенно названа, чаще же навязчиво, словно по команде, фигурирует в «литературе расчета» под мистическим именем «ОН»: «до н е г о, боюсь, сведения наши не доходят», «говорили о самом сокровенном, говорили о н е м». «Пили за н е г о. За того, кто сквозь бури и грозы, сквозь любые политические штормы твердой рукой ведет корабль вперед, глядя в даль всевидящим орлиным взором». Злой гений, фатальная, непреоборимая сила оказывается причиной всех несчастий и потерь. А как же масса, народ? «От западной границы до Дальнего Востока страна спала, убаюканная, и видела сладкие сны». Или: «Никто в отдельности гибели не хотел, и все вместе делали то, что вело к гибели». Так убирается в этой концепции реальный двигатель событий, утрачивается исторический оптимизм (тот самый, которым И. Козлов слишком щедро наделил всю нынешнюю нашу словесность о войне), исчезают критерии объективного объяснения общественного развития. Личность теряет способность проявлять волю и здравый смысл: «Человек бессилен против машины. Можно было только погибнуть без смысла и пользы» (Г. Бакланов. «Июль 41 года»). В подобных произведениях все собрано, сбито, расставлено так, что только язвы видны в довоенной поре. Страна перед нашествием — мрачный застенок. Торжествуют подлецы и мерзавцы, а честное, думающее таится, томится, повержено, загнано. «В этих условиях легче быть героем, чем остаться просто порядочным человеком» (обратите внимание: кажущаяся нелепость софизма «Несчастна та страна, которой требуются герои» обретает вдруг смысл в рамках данной концепции). Кое-что из нравственных ценностей сохраняется, конечно, но «чем умней, доверенней, информированней был человек, тем глупей и беспомощней он действовал». И, наконец, господство алогичного, иррационального, внесоциального начал движения, поскольку «во всем этом, противоестественном и гибельном, была своя логика, непостижимая для здравого ума» (Г. Бакланов, там же).

Одностороннее освещение событий, тенденциозность в подборе фактов, а следовательно, искажение исторической правды и торжество субъективизма на страницах «литературы расчета» ведут к подмене энтузиазма раздражением, горечью, мстительной обидой. Сказывается конъюнктурный подход к ответственной теме. Это вызывает у читателя, особенно у менее подготовленного, не обладающего зрелым социальным опытом, то есть у молодежи в первую очередь, отрицательную реакцию к прошлому страны, развенчивает в их глазах величие народного подвига и роль партийно-государственного руководства войной. Тема защиты Отечества может решаться в литературе достойно лишь как тема героическая. Так требует правда жизни, так диктуют задачи и принципы социалистического искусства.

При размышлениях о первом периоде войны и его итогах мы, разумеется, неизбежно в той или иной форме придем к бесспорной в общем истине: «Да, мы не были так подготовлены к войне, чтобы с ходу отразить нападение сильнейшего агрессора». Но что понимать под словами «отразить нападение»? Если иметь в виду конечные результаты, мы безоговорочно выполнили задачу, которая определялась нашей военной доктриной: враг разгромлен на его собственной территории. Если ограничиваться хронологией начального периода войны, актуален такой поворот темы: как случилось, что коварный, хорошо подготовленный, беспощадный враг, проникший в сокровенные пределы страны, был лишен торжества, остановлен, в стратегическом плане ведения операций подчинен воле советского командования и поставлен перед перспективой полной катастрофы? Как это «чудо» вызрело, где его истоки? И тут действительно придется обращаться к первым неделям войны, но уже с заданием искать корни не поражений, а побед. И тогда мы начнем видеть в трудных днях не только окружения и разгромы, позор и плен, не только грудью идущих на автоматы и танки почти беззащитных героев, но обнаружим и первые июльские залпы «катюш», и грамотные действия талантливых военачальников, и мужество государственного руководства, самоотверженную работу высших штабов, мощные контрудары механизированных корпусов, умелое маневрирование войсковыми соединениями, непрестанное накопление резервов, и главное — материальное, тактическое, нравственное перевооружение армии в ходе тяжелейшей кампании, о чем теперь с достаточной полнотой узнается из военных мемуаров, исторических трудов и документальной прозы. Но не только. К чести нашей художественной литературы, подлинно исторический взгляд на прошлое представлен в ней разнообразно и талантливо.

Заметное место в прозе последних лет заняли повествования про тыл, о военной поре в деревне. Это «Берег долгой зимы» Анатолия Ткаченко, «Отправляемся в апреле» Евгении Долиновой, «Где-то гремит война» Виктора Астафьева, «Любаша» Василия Матушкина и ряд других. Война была суровым испытанием,

трагические отблески окрашивают большинство из таких произведений. Нам кажется это естественным.

Другая особенность названных повестей в том, что ведущие персонажи преимущественно юные. Большинство из них — сироты, доля их связана с великим оскудением земли. Лучшие рабочие руки на фронте. Рисуются картины бедноты, жизни впроголодь. Но все это лишь фон, горестный и выразительный, для исследования нравственных ценностей, неистощимой душевной крепости русского человека, русской женщины. Страдания, безмерные усилия отдельной личности всегда трактуются в таких произведениях как частица общенародного горя, неслыханных напряжений масс, всего государства и потому, несмотря на глубину и трагизм, не выглядят исключительными и уж, конечно, не мелки, не случайны. Бедствия героя становятся предметом серьезных раздумий, важных обобщений. Неустроенный тыловой быт военной поры у названных авторов освечен красотой подспудного, но явственно ощутимого всеобщего подъема. Это ускользающая от глаз напряженность духовных сил масс в смертельной схватке, а страдания юных героев — форма внутреннего совершенствования. У целого народа готовность терпеть муки, не щадить жизни ради Отечества, во имя идеи стала нормой, естественной реакцией на опасность, ибо по канонам народной морали сопротивляться нашествию — священный долг.

Но то — высокие слова. Авторы же показывают своих героев в обстановке подчеркнуто обыденной, раскрывая процесс формирования в душе этих самых высоких представлений о долге, чести, совести, переданными дедами и прадедами. Они показывают, как эти лишенные войною родительской опеки крестьянские Любаши, зеленые «фабзайцы», скромные Танюши и Гришатки впитывают моральные представления, сложенные веками национальной жизни. Народный опыт накапливас бесценные крупицы этических представлений, укладывает их в моральный кодекс, в верования, обычаи. Нормы народной нравственности исключительно устойчивы. Являясь одной из черт национальной самобытности, они служат надежным оплотом в борьбе с супостатом.

Но на вековые традиции, естественно, кладет печать социальный опыт последних десятилетий. Только истинный художник способен приоткрыть нашему взору таинство вызревания личности, огранки характера. У Анатолия Ткаченко в «Береге долгой зимы» накрепко запоминаются эпизоды вступления пяти мальчишек в новый для них коллектив. Бесприютно, холодно, голодно. А работать приходится повзрослому. И люди кругом живут скупо, натужно, по военному времени. Однако мальчишки тянутся за всеми, оперяются, выпускают уже и коготки.

А. Ткаченко уверенно проникает в глубины мальчишечьих характеров. В возникших нравственных столкновениях с необходимостью для ребят принимать серьезные решения, выбирать манеру поведения открывается картина обогащения и сложности внутреннего мира людей новой формации. На партийном собрании бондари постановили поддержать «растущие организмы» пацанов — два раза в месяц по воскресеньям приглашать ребят на домашние обеды. Почти у всех хлопцев уязвлено самолюбие. С другой стороны, ребята понимают заботу старших, они тронуты, и отказаться из гордости никто не посмел, боясь оскорбить святые чувства. Ведь и партийную резолюцию приняли — не просто подкормить недужных, а чтобы парни не отвыкли от ласки. Ребята полубессознательно еще уловили серьезность происходящего.

Постепенно нравственный мир народной среды, усложняясь, предстает в таких произведениях, как мир властный, устойчивый, мир с незыблемыми и жесткими законами, мир чуткий и требовательный. Тут человека не оставят с недугом, не дадут пропасть, если оступился — выручат, поддержат, но здесь не любят нытья, ханжества, нещадно преследуют пустоплюя и проныру, наглеца и обиралу, отщепенца, изветчика, паразита. Здесь за правду надо бороться.

Разумеется, исключительные обстоятельства, в которые была поставлена страна, выявили, обострили те черты национального характера, те силы народного духа, которые дремали до времени, но нашли выход в час испытаний. Иначе и не могло быть: борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Известно, чем крупнее мастер, тем больше талант его склонен к обобщениям, тем неизбывнее для него потребность исследовать узлы истории, переломные моменты в судьбах народа, когда формируется и особенно интенсивно раскрывается его нрав. Думается, это одна из причин того, что тема Великой Отечественной войны стала ведущей в современной литературе. Все крупные художники наших дней так или иначе отдали ей дань, воссоздавая подвиги и невзгоды, торжество и слезы, «победу с пеплом пополам», как выразился поэт. Ведь и поныне светят отблески тех пожарищ, томят отголоски разлук и потерь.

> Одиночество. «По-русски щемливо» горюет вдова. Снятся ей ночами нерожденные дети... Двадцать лет исступленно ждала чуда и вот теперь обессиленно прощается с полузабытым счастьем. Уныл дом без хозяина: ни пепла табачного, ни окурков в цветах, не наслежено на полосатых половиках. Из щелей пола куда-то делись дробь и пробитые пистоны, исчезли всякие мужнины вещицы и штуковины, не валяются где попало рукавицы. «Чисто в избе, ничто не тронуто, не сдвинуто, и не на кого поворчать за мужицкий, такой, оказывается, необходимый беспорядок...» (В. Астафьев. Тревожный сон. Журнал «Урал»).

Иного характера невзгоды и боль в повести Евгении Долиновой «Отправляемся в апреле», которая на первый взгляд напоминает столь распространившуюся у нас за последнее время в «молодой прозе» мелодраму. Но только внешне. Сумятица чувств Тани Назаровой соотнесена с общими лишениями военной поры. Погиб отец, умерла мать. Мыкается Танюша с больным братом в эвакуации. Немало выпало девушке сокрушений: и заблуждалась она и предавалась сомнениям, познала стыд, теряла порой бодрость, но и в самых скорбных ситуациях не разуверилась в людях. Душевных людей оказалось больше, чем скверных, и они активнее. Например, монтер, к которому Таня попадает ученицей. Дядя Федя жалеет ласковую, гордую, чистосердечную девчушку, необидно помогает ей продуктами. Таня разволновалась.

> «Какой он хороший, какой добрый! Кто же, кто же... еще такой добрый?.. Такой хороший... А! Михаил Васильевич, парторг с маминой работы!
> — Дядя Федя, ты коммунист?
> Он выпрямился на лавке так быстро, что я вздрогнула. Посмотрел мне в глаза внимательно, настороженно, молча...
> — Коммунист я, Таня... А что?
> — Я так и знала!»

А ведь суров бывает этот добросердечный дядя Федя, когда встречает зло. Таня даже поначалу сердилась на учителя, подозревала его в грубости к людям. Позже она оценит его непримиримость. Война многое перевернула в представлениях людей. Она подвергла жестокому испытанию и внутренний мир человека. Духовная культура Тани, ее способность тонко и умело чувствовать, неистребимое жизнелюбие, сердечная щедрость, воспитанные с детства, должны были переплавиться в столкновении с суровой реальностью. Где-то наступает перелом в нравственном развитии героини. Оказывается, быть просто дружелюбной, чистой мало. Человеку нужны, конечно, и чуткость и сострадание. Но они в известном смысле пассивные качества, первичные, можно сказать, добродетели, вызывающие при столкновении с неправдой стихийный протест. Если, однако, человек не отрекся в трудную минуту от высоких принципов, они неотвратимо вызывают переход к инициативе в борьбе, к наступательности поведения. Характер Тани сильно переменился после инцидента с лихоимцем Зарубиным, когда, неискушенная, струсив, поддалась она несправедливости. Уважаемые ею люди теперь вправе ее презирать. Девушка вступила в болезненный кризис. Начался горький самоанализ. Дальше это уже будет другая Таня, повзрослевшая и мужественная.

Так в современной прозе возникает философский вопрос о страдании как форме самоусовершенствования.

Любое нравственно-этическое понятие есть категория историческая и трактуется индивидуумом в зависимости от его социального положения, убеждений, опыта, жизненных целей. Натуралист и испытатель Чарлз Дарвин, размышляя над соотношением добра и зла, над их ролью для всякого существа (в том числе для человека), подчеркивал негативное действие боли или любого другого страдания, ибо «если они продолжаются долго, вызывают подавленность и понижают способность к деятельности». Еще они заставляют «живое существо оберегаться от какого-либо большого или внезапного зла». Революционный демократ Герцен, не отрицая защитных функций мучения, вместе с тем на первое место выдвигал побудительную силу этого мощного не только физического, но духовного раздражителя. «Страдание, боль,— писал он,— это вызов на борьбу, это сторожевой крик жизни, обращающий внимание на опасность». Для коммуниста, в условиях борьбы с царизмом перенесшего тюремную изоляцию, надругательства и при этом вдохновлявшего на сопротивление массу, для него мысль Дарвина становится неприемлемой, а Герцена — недостаточной. Он идет дальше, придавая физиологической и нравственной категории социальный смысл. «Любовь к страдающему, угнетенному человечеству» толкает народного заступника искать выход в самой жизни.

> Эта любовь дает ему «исполинские силы и уверенность в победе. Тогда несчастье становится источником счастья и силы, ибо тогда приходит ясная мысль... С этих пор всякое новое несчастье не является более источником отречения от жизни, источником апатии и упадка, а лишь вновь и вновь побуждает человека к жизни, к борьбе и к любви» (Феликс Дзержинский. Письма к родным).

Наконец, совсем особое дело, когда речь заходит о лихолетье целого края, о страданиях всего народа, когда опасности подвергается общество. Возбуждается активность уже не отдельной личности, а масс, рождаются к действию огромные, качественно новые потенциальные силы, переосмысляются, «выходят наружу», как выразился Л. Толстой, политические истины.

Этот процесс зафиксирован в романе Г. Коновалова «Истоки» (книга вторая, «Волга» №№ 9, 10, 11, 1967). Речь идет о самом, пожалуй, драматичном моменте Великой Отечественной войны осенью 1942 года. Жители крупного города на Волге (в романе он не назван Сталинградом, но ясно, что действие происходит именно тут) строят оборонительные рубежи. Возникает знаменательный разговор патриарха знатного рода волгарей Дениса Крупнова с отступающим сапером. Разговор вдвойне значителен оттого, что через несколько минут сапер погибнет под пулями немецкого летчика.

> Денис опять внимательно посмотрел на сапера: что-то очень важное жило в душе этого солдата в зашарпанной гимнастерке. Был он, пожалуй, тщедушен, только кисти рук с короткими пальцами как-то надежно широки, в шрамах и ссадинах...
> — Значит, народ в долгах?
> — Как козел в репьях. Вечный должник мудрецов... Любим мы, дед, смеяться сами над собой. Как чуть что, так крой Россею-матушку. Все страны как страны, каждый маленький народ уважает свой вчерашний день. Только мы, русские, поносили Россею, как всесветную дуреху, по праздникам в рыло ей пинали, мол, хуже тебя никого не было до семнадцатого года, ты дикая, слабая. А подпер под дыхло, давай подымать из гробов князей Невского да Суворова. Да если жив останусь, зарок даю — никогда не хулить Россею...»

Нетрудно заметить, что в словах безвестного ратника, мельком возникшего на страницах романа, чтобы тут же уйти, заключены истины, близкие авторской мысли, резко ограняющие его концепцию народной войны. Что-то важное, созревшее в душе солдата,— это прежде всего чувство пылкой любви к Родине, восставшее из ее несчастий, это возбужденное сознание ответственности за ее судьбы.

Великая Отечественная война не только история грандиозных ратных событий, но и духовный подвиг советского народа, защитившего не только свои завоевания, но и принесшего освобождение повергнутой фашизмом Европе. Понять это духовное величие народа, воспеть добытую им Победу, осознать героизм его боевого деяния — это благодарная задача для наших писателей-современников, но и не только для них: она будет решаться другими поколениями литераторов с иных исторических высот.

„ПЯТНА НА МУЗЫКАЛЬНОМ СОЛНЦЕ…“

Так называлась статья Иннокентия Попова, напечатанная в № 40 журнала «Огонек». Раздумья критика вызвали множество откликов наших читателей, подавляющее большинство которых выражало свое согласие с автором. Мы печатаем некоторые из этих писем с небольшими сокращениями и благодарим всех читателей, принявших участие в обсуждении статьи.

Попов слишком деликатен к тем, кто, схватив микрофон, носится с ним по сцене и бормочет, шепчет, хрипит и гудит в него. Пример тому — заключительный концерт Сочи-68, когда безголосые парни кривлялись, хрипели, один другого хуже. Как же это можно без зазрения совести лезть на международный конкурс без голоса, без культуры исполнения? Еще обиднее, когда зрители из деликатности аплодируют. А какая, простите, тут нужна деликатность?

Кто-то должен положить конец этой дешевке с кривляньем, с шептаньем. Ведь «король-то — голый»! И не я одна об этом говорю.

По телевидению что-то одно время начали увлекаться «обработками» песен. Зачем эти «обработки» нужны? «Тайгу золотую» три или четыре горластые крикуньи так обработали, что кажется, это не песня, а рев кота.

Вот собрать бы такой конкурс, где бы песня, ее мелодия, ее текст, исполнение конкурировали по-настоящему, чтобы вечером на экране, а утром на устах молодежи.

Л. Егорова

Куйбышев.

Одесса всегда считалась очень музыкальным городом. До войны зал филармонии был полон молодежи, которая не пропускала симфонических концертов, а теперь она редкий гость на симфонических концертах, но зато разные эстрадные и джазовые концерты, которые даются в лошадиной дозе по финансовым соображениям, делают полные сборы, и молодежь просто ломится на них.

Кто виноват в том, что кумирами молодежи стали безголосые шептуны?

Вы, наверное, смотрели по телевизору фестиваль песни в Сочи. Наряду с чудесными песнями, такими, как «Есть страна» или «Руки прочь от Вьетнама», и другими было стыдно слушать и смотреть, как певицы в юбочках, скорее похожих на трусики, с микрофоном в руке, пели, вихляя бедрами. И вот, пожалуйста, за такое «искусство» получили даже премии.

Еще хочу сказать о наших так называемых лирических песнях. Вы обратили внимание, какие в них иногда глупые и без всякого смысла слова?

Еще об одном досадном явлении. Радиостанция «Маяк» каждые полчаса прерывает передачи музыки информацией. Я думаю, что работники станции знают продолжительность каждой пластинки. Вальс Шопена или что-то другое прервать посредине позывными просто обидно.

Р.

Одесса.

Автор статьи «Пятна на музыкальном солнце», если вы пытались критиковать «заблуждение» молодежи нашей страны и молодежи всего мира в музыкальном искусстве, то я буду критиковать вас.

Каждый день повторяющаяся, утомительно скучная симфоническая музыка всем надоела, не только молодежи, но старым людям. Народная музыка, музыка XVII—XIX веков тоже всем опостылела.

Музыкой, которую вы называете развлекательной и танцевальной, лучше эфир не засорять.

Прошло время дум и сказаний, когда гусляр не развлекал людей, а передавал какое-нибудь важное событие в истории его народа и тому подобное.

Человек ищет в музыке облегчения.

Что же, по-вашему, человек должен получать от музыки?

Валерий Чуприн

Харьков.

Мне 67 лет. Революцию встретила 16 лет. Успела окончить гимназию. Училась игре на рояле. Но познать музыку не успела. В 20—30-х годах в наш Ижевск приезжали Утесов со своим оркестром, М. Бернес и прекрасные оперные и опереточные коллективы. Театр был дощатый, летний, скамейки деревянные, но мы, молодежь, ничего не пропускали, слушали «Русалку», «Мазепу», «Аиду», «Тоску»… Смотрели чудесные коллективы Москвы. Помню, здесь был и М. Жаров и И. Ильинский… Да разве можно все перечесть!..

А теперь? Разве кто-нибудь приезжает к нам из больших театральных коллективов?

Я не против эстрады и эстрадных песен. Но до глубины души возмутило меня выступление певца на фестивале в Сочи, осмелившегося исполнить под сумбурную какофонию джаза произведение Баха! И это исполнение сопровождалось подрыгиванием, тряской и подергиваниями тела. Кощунство!

Одна девушка мне сказала, что я ничего не понимаю в музыке, и при этом исполнила на мелодию из «Лебединого озера» песенку со словами: «… у нее была собачка по прозванью Кукарачка…» Ну что можно сказать этой девушке? Как, по-вашему?..

Хотелось, чтобы «Огонек» продолжил начатую дискуссию о хорошей музыке.

М. Белькевич

Ижевск, Удмуртская АССР.

«Джазовыми руками» прикасаться к классическим творениям нельзя! Когда я слышу: «Обработка»… и далее название популярного произведения или песни,— я с некоторым беспокойством ожидаю, что же у композитора получилось. Бережней обращаться надо с музыкальным наследием. Это же как хрупкое стекло, неловкое движение — и пожалуйста: звон разбитого. «Не кантовать!» — это я о музыке, не о стекле. Осторожней надо подходить и к слушателям, ибо всякого рода джазовые переработки, «фантазии» и джазовые «обыгрывания», я бы еще добавил «обливания» классиков, как в музыке, так и на сцене (на сцене насильное осовременивание пьес), исподволь, постепенно уродуют вкусы, и в первую очередь вкусы восприимчивой молодежи. А это, как мне кажется, в какой-то степени играет на руку нашим идеологическим противникам. Если эти минусы присовокупить к промахам нашей кинематографии — непритязательному отбору зарубежных фильмов («Фантомас» и т. д. и т. п.), то уже вырисовывается если не брешь, то по меньшей мере щель в идеологическом фронте эстетики.

Побольше таких вот статей, они очень нужны, они помогают отличить настоящее в искусстве от всяческой шелухи.

Геннадий Карьянов, 19 лет

г. Мелеуз, БАССР.

Беспокойство начинается с обилия музыкальных звуков, которыми мы сейчас окружены. Музыка, чудесное, тонкое, возвышенное искусство, используется в таком количестве (не говоря уже о качестве), что она воспринимается как привычный шум. В кинокартинах, художественных и документальных телепередачах музыка зачастую служит фоном, иногда совершенно ненужным. Эталоном музыки в кино является музыка Шостаковича к «Гамлету». Не говоря о ее высоком качестве, она неразрывно связана с сюжетом и становится необходимой. Очень хороша музыка Таривердиева в кинокартине «Человек идет за солнцем», киномузыка Андрея Петрова, вообще таких удач можно назвать много. Но вот передачи «Время», «Новости», «Эстрадные новинки». В них говорится об очень важных и интересных вещах, но музыка, которая непрерывно звучит, совершенно не нужна и создает чисто «шумовой эффект». Нечего, конечно, говорить о переделках для джаза классических произведений; я считаю, что это просто, простите меня за грубость, бандитизм.

Теперь в отношении «микрофонных шептунов». На прошлогоднем фестивале эстрадной песни в Сочи певица (не помню ее фамилии, она из Ленинграда) исполняла песню «Крутится, вертится шар голубой». Я принадлежу к плеяде комсомольцев 30-х годов. Для нас эта песня связана с революционной историей Выборгской стороны, с обаятельным образом рабочего Максима. Вначале певица исполняла нормально, а затем засунула

микрофон в рот, задергалась, затряслась и стала под эту же мелодию «выдавать твист». Я считаю, что надо более осторожно обращаться с такими песнями, которые связаны у многих с лучшими воспоминаниями юности. Я не против новых танцев. Каждая эпоха имеет свое. Бабушки и мамы танцевали полонезы, мазурки, падекатры. Мое поколение танцевало фокстроты, чарльстоны. Но для этого создавалась специальная музыка, иногда очень мелодичная, с интересным ритмом. Сейчас танцуются новые танцы, появились новые ритмы, это вполне закономерно, но зачем же для этого опошлять хорошие музыкальные произведения и песни?

Я всю жизнь работаю музыкальным педагогом (рояль), и мой опыт показал, что хороший музыкальный вкус можно развивать не только в детском возрасте.

Еще хочется сказать несколько слов о транзисторах. В этом году я много раз гуляла в чудесных парках Пушкина. Но часто пребывание там становилось буквально непереносимым из-за количества транзисторной музыки. За нарушение общественного порядка люди несут какое-то наказание, а чем это не нарушение?

Мы все — педагоги — очень благодарны вам за вашу статью. Хотелось бы, чтобы это имело нужные последствия.

С уважением

В. Литвинова.

Ленинград.

Статья Попова очень своевременна и очень нужна для чистки мозгов некоторых «музыкальных новаторов».

В стране Прокофьева и Шостаковича халтура не должна пройти!

Тевдорадзе Отар Лаврентьевич,
композитор,
засл. деятель искусств
Груз. ССР

Тбилиси.

Автор вовремя забил тревогу, но задел только один аспект, касаясь трансляций музыки по радио-телевидению. Мне, с детства большому любителю музыки, на восьмом десятке лет есть что высказать по этому поводу.

Весь «фокус» заключается в том, что музыкальный звук, непосредственно исходящий от человека или музыкального инструмента,— живой, а переданный по записи, да еще через радио или телецентр,— мертв.

Часто слышал я в Петрограде Фед. Ив. Шаляпина и уходил потрясенный до глубины души, а когда слушаю его теперь по радио — никакого впечатления. Я видел в аудитории людей со слезами на глазах при исполнении «Дубинушки» Ф. И. Шаляпиным, а по записям я не видел, кого бы она тронула. Могу сказать, что это не только в искусстве музыки, но и в живописи. А вот в наших прибалтийских республиках развито хоровое пение и праздники музыки, и люди становятся там более музыкальными.

Адашевский Б. И.

Новгородская область,
поселок Поддорье.

Побольше бы таких дельных и правильных статей. Правда, в одном месте автор допустил некоторый ляпсус.

Он пишет, что в дореволюционное время «такие жанры, как опера и симфония, были знакомы лишь аристократии». Исходя из этого, выходит, что все помещения галерок и верхних ярусов оперных театров и балконов концертных залов тоже были заняты представителями аристократии. Мы не знаем, как обстояло дело в 17-м и 18-м столетиях, но во второй половине 19-го и начале 20-го столетия, вплоть до революции, основными посетителями галерок оперных театров и концертов была преимущественно интеллигенция — основное ядро культурной жизни того времени, создатель всей культуры дореволюционной России.

Желаем «Огоньку» почаще помещать аналогичные статьи.

По поручению группы ваших постоянных читателей
инженер **Пашкевич Е. М.**

Ленинград.

Я лично не полностью разделяю мнение Попова о музыке в нашей стране. Конечно, классическая музыка играет ведущую роль, но не нужно умалять достоинство и эстрадной, джазовой. Меня лично интересует эта музыка. Она помогает человеку поднять настроение.

Некоторые считают, что классическую музыку слушают серьезные люди. А я считаю, что большинство ходит слушать просто из подражания, а спроси такого слушателя, что выражает данное произведение, он встанет в тупик.

В. Вяткин

Архангельск.

Я, как и многие читатели «Огонька», с особым удовольствием прочел в № 40 статью И. Попова «Пятна на музыкальном солнце». Мы удивлялись ее точности, наблюдательности и всеохватной «инвентаризации» этих пятен. Они стали нетерпимы! Если мне не нравится, например, Пикассо, то я могу не ходить на выставку. А не слушать радио невозможно!

В эфире сейчас идет форменное сражение, битва за молодежь, ее психологию и вкусы. Однако многие передачи для молодежи, даже радиостанции «Юность», последнее время вызывают если не тревогу, то недоумение. Недавно состоялся интереснейший праздник военно-патриотической музыки на Бородинском поле. Для него в эфире места не нашлось. А для какого-нибудь эстрадного квартета есть. Для бесконечных импровизаций на саксофоне есть.

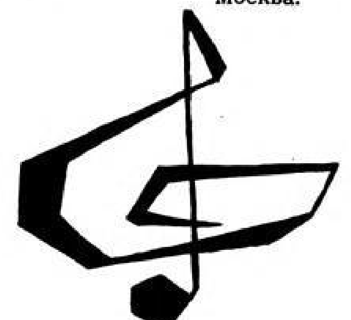
Летом не один раз приходилось покидать пляж «Динамо» (Водный стадион в Химках) из-за непомерного грохота радио. Легкую музыку дать на пляже нужно, но она слышна даже на реке за два километра.

То и дело звучат по радио джазовые пародии и «обработки» известных песен.

Надо ли?

А. Можайский,
лауреат смотра художественной самодеятельности

Москва.

Муса Джалиль (слева) — П. Чернов.

ИЗ МОАБИТСКОГО ЗАСТЕНКА

«Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадку... Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти в свет как стихи погибшего поэта татарского народа. Это мое завещание». Завещание татарского поэта Мусы Джалиля было выполнено — 115 стихотворений, написанных им в берлинской тюрьме Моабит, увидели свет.

А недавно на экраны вышел фильм «Моабитская тетрадь». Создатели картины стремились донести до зрителя оптимизм, доброту и величие духа человека, не потерявшего веру в победу даже в самые страшные минуты своей жизни, в аду фашистских концлагерей.

Советский политрук Муса Джалиль попал в немецкий плен. Фашисты понимали, какое влияние может оказать известный татарский поэт на солдат «татарского легиона», созданного из военнопленных. Однако никакие уговоры и соблазны не помогали. И вот за колючей проволокой два лагеря: в одном — те, кто вступил в легион, в другом — те, кто не захотел служить немцам.

Надолго запоминается эпизод, когда заморенные голодом солдаты стоят у мисок с едой. Только протянуть руку—и... легион или смерть! И Джалиль решает: легион. Но для того, чтобы бороться, чтобы и там служить Родине.

Возникла под руководством Джалиля подпольная организация Сопротивления. Ни один солдат легиона не принял участия в боях против Родины. И первый же батальон, отправленный на фронт, перешел к партизанам.

Предательство труса погубило организацию. Джалильцев ждет смертная казнь.

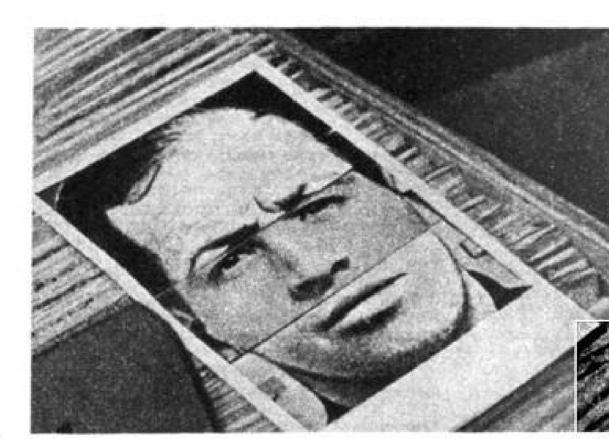
В камере смертников вместе с Мусой сидел молодой бельгийский патриот Андре Тиммерманс (артист Айварс Богданович). Он сохранил и передал на волю тетрадь стихов Джалиля.

Авторам фильма — сценаристам Владимиру Григорьеву, Эдгару Дубровскому, Сергею Потепалову и режиссеру Леониду Квинихидзе — удалось очень искренне рассказать о подвиге Мусы Джалиля.

Роль эту играет артист МХАТа Петр Чернов. В его исполнении Джалиль смелый командир, в то же время вдохновенный поэт, тонкий лирик.

Кончается фильм. Но Муса Джалиль — герой, поэт, борец—будет жить в памяти людей, в стихах, написанных в моабитском застенке.

Н. ЗЫБИНА

Кадр из фильма.

КИНОКАМЕРА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

...Человек пришел в комнату и взял чемодан с вещами.

Сложными путями шли работники уголовного розыска, чтобы установить личность виновного. И вот он уже сидит перед следователем. Отпечатки пальцев неопровержимо свидетельствуют вину. Преступник делает вид, что ничего не понимает. Однако вскоре рассказывает правду.

...В разных районах города обнаружены брошенные вещи: рюкзак, чемодан, хозяйственная сумка. Содержимое: части человеческого тела. Кто совершил это чудовищное преступление? Кто убил женщину? На эти вопросы должно дать ответ следствие.

Перед судом молодой еще человек. Растерянное, перепуганное лицо, бегающие глаза. Раскрывается мерзкая по своему цинизму история убийцы, подлеца и труса...

Все это не детектив, не художественный вымысел.

Об этих преступлениях рассказывает документальный фильм «Объявлен в розыск». Он снят Центральной студией документальных фильмов (режиссер С. Репников, операторы А. Крылов, А. Голубчиков, сценарий А. и О. Лавровых, консультант комиссар милиции 3-го ранга А. Кудрявцев).

В кабинеты следователей, в залы суда, на места совершенных преступлений приводит зрителя съемочная группа. Настойчиво, кропотливо работает следственная служба уголовного розыска; настойчиво, кропотливо работали и кинематографисты, чтобы каждый знал, что тому, кто нарушает нашу социалистическую законность, нет места среди советских людей.

Н. СВОБОДИНА

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ПРЕТЕНЗИИ КРУЖКИ КВАСА

В РЕСТОРАНЕ «СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР» ВО ВРЕМЯ ДЕГУСТАЦИИ КВАСА. ПРОБУЕТ КВАС И ШЕФ-ПОВАР Ю. БОЛЬШАКОВ.

Фото И. Тункеля.

Репортаж «Кружка кваса», опубликованный в «Огоньке» № 32, вызвал отклики и почитателей кваса и тех, кому надлежит помочь ему занять подобающее место в общественном питании.

Все еще плохо с торговлей квасом в Москве и Ленинграде. Ресторан «Славянский базар» — одно из немногих мест в столице, где всегда можно получить кружку пенящегося, вкусного напитка. И не случайно заместитель начальника Главного управления общественного питания Москвы П. Тургенев, заинтересованно ознакомившийся с опытом кооператоров Орловской области, именно этому ресторану поручил подготовить дегустацию квасов с тем, чтобы выбрать несколько самых вкусных и распространить их как можно шире. Недавно такая дегустация состоялась. Ресторан «Славянский базар» подготовил пятнадцать квасов. Оказалось, что интерес к ним очень велик — на дегустации мы встретили директоров многих московских ресторанов, людей, занятых организацией общественного питания в столице. Вкусны квасы «Славянского базара»! Но Москве нужно множество ресторанов, кафе, квасных, торгующих этим напитком. Между тем пока намечено открыть только... один квасной зал. Это же капля в море!

Несколько писем привлекают особое внимание: их авторы — руководители крупных торговых организаций. Заместитель министра торговли РСФСР А. Иванов, например, утверждает, что предприятия общественного питания Российской Федерации используют хлебный квас для приготовления холодных супов, продают его с добавлением вкусовых наполнителей — хрена, меда, патоки. Но автор письма не отметил при этом, что таких предприятий в РСФСР очень мало и, скажем, выпить кружку петровского кваса можно разве в избранном ресторане, в редком кафе.

Тов. Иванов сообщает: «В целях дальнейшего увеличения производства хлебного кваса и напитков на хлебном сырье, вырабатываемых на промышленных предприятиях, и улучшения торговли ими издан приказ министерствами пищевой промышленности и торговли РСФСР. Предусмотрены увеличение выработки концентрата хлебного кваса и концентрата квасного сусла, организация продажи кваса в специализированных киосках, а также на предприятиях общественного питания». Но хотелось бы знать, где и когда откроются эти специализированные киоски, как они будут работать. Квасу нужны не безликие «предприятия общественного питания», а специализированные квасные — хотя бы типа той, что в Кромах, о которой было рассказано в репортаже.

Зима позволяет подготовиться к летней торговле квасом — и не только из развозных цистерн, которые, кстати, в какой-то мере дискредитируют напиток. Надо изменить саму организацию торговли им. И, конечно, требуются более направленные усилия промышленности — пора начать выпуск не только хлебного, но и других квасов: фруктовых, ягодных, медовых. В цистерну же заливают квас весьма невысоких достоинств. Вот и укоренился тот плохонький квасок, что имеет мало общего с отличным нашим национальным напитком, поражающим разнообразием и изысканностью.

Но если в Москве ледок невнимания к квасу вроде начинает ломаться, то в Ленинграде торгующие организации словно и не заметили критики в свой адрес. Из города на Неве нам так и не сообщили о том, что предпринимается там для улучшения торговли квасом. Следует сказать и о других письмах, полученных редакцией. Председатель Орловского облисполкома Ф. Мешков сообщает, что на трассе Москва — Харьков, проходящей по территории Орловской области, в ближайшие годы намечается открыть кафе «Тещины блины», ресторан «Кромы». Заместитель председателя правления Центросоюза Д. Гудков поддерживает высказанное в репортаже предложение — в отдельных случаях использовать для уникальных кафе и ресторанов здания, являющиеся памятниками старины, при этом строго соблюдая принцип охраны этих построек.

Совсем недавно, например, открылся ресторан в одной из башен Новгородского кремля. Постройка от этого вовсе не пострадала, а город получил очень своеобразно оформленный ресторан.

В письме заместителя министра культуры РСФСР В. Стриганова тоже говорится об этом: «Министерство культуры РСФСР с большим удовлетворением отмечает внимание, которое проявляет журнал «Огонек» к памятникам истории и культуры и вопросам их использования в интересах нашего общества...

...Министерство разделяет мнение о возможности и целесообразности утилитарного использования некоторых видов памятников под кафе, рестораны с национальной кухней и другие цели. Сейчас в некоторых городах эта идея претворяется в жизнь — например, в Суздале, Ростове-Ярославском, Новгороде. Дом боярина в Мценске намечено передать местному народному музею».

Обстоятельно рассказывает о планах Роспотребсоюза член правления, начальник управления общественного питания В. Иванова. Она отмечает, что многочисленные отзывы посетителей кафе «Русский квас» в Кромах свидетельствуют, сколь необходимы сейчас предприятия общественного питания такого типа. Правление Роспотребсоюза обязало потребсоюзы организовать в Российской Федерации в ближайшие два года 45 специализированных предприятий по продаже кваса. Заканчивается реконструкция столовой в Опочке, Псковской области; посетителей здесь будут встречать исконно русскими блюдами и кружкой кваса. В одном из рабочих поселков Ульяновской области тоже оборудуется «Русский квас». В Калининской области появятся два своих «Русских кваса». Такие же предприятия будут открыты Брянским, Ивановским, Башкирским и рядом других потребсоюзов.

Словом, все больше создается квасных. Но хотелось бы, чтобы они перестали быть привилегией только сельских районов. Пора им шагнуть и в большие города. Что делает для этого Министерство торговли СССР?

Борис ЕГОРОВ

Рассказ

Тюльпан

В нашем конструкторском бюро решили создать садовый кооператив.

Инициатором выступил старший копировальщик Спас Яблочкин.

— Что мы сидим и чахнем за своими чертежными досками?! — воскликнул он.— Надо организовать здоровый отдых. Жизнь проходит мимо. Другие организуют кооперативы. Сажают плодовые деревья. Копаются в земле. Сливаются воедино с природой. Нам нужен воздух и физический труд!

Общественность взбудоражилась, загорелась и вспыхнула.

Вывесили объявление: «Кто хочет быть садоводом, тот будет им! Записывайтесь в кооператив!»

Записалось много. Созвали учредительное собрание. На собрании Яблочкин зачитал устав кооператива.

Мы и не подозревали, какие необозримые шири и дали раскрываются перед нами! Сколько благодарного простора для выхода дремавшей в нас энергии!

Оказывается, кооператив — самостоятельная суверенная организация. Она имеет свою печать и свой счет в банке. Она может располагать своей техникой — автомобилями и тракторами. И имеет право бурить артезианские скважины. Более того, кооператив может проложить и эксплуатировать свою железную дорогу...

Железная дорога затмила перед нами все остальное. И нам представилось, как по нашим стальным кооперативным рельсам едет — пуф! пуф! пуф! — наш кооперативный паровоз. И тянет за собой кооперативные вагоны, нагруженные нашими кооперативными яблоками и грушами. И кооперативной малиной.

Единодушно утвердили название — «Конструктор». Без долгих дебатов избрали правление. Председателем стал, конечно, Яблочкин. Это он дал толчок всему делу. Кроме того, он человек подвижной, расторопный, и сама фамилия велит ему быть председателем садового кооператива. Спас Яблочкин — это же символ урожая на ветках.

Мы расходились с собрания довольные и возбужденные.

В стороне за переездом гудел паровоз. Нам казалось, что это наш. Но кто-то заметил:

— Паровоз — это прошлый век. Таскать уголь... Кидать его в топку... Дым, гарь... Ну его к черту! Надо сразу ориентироваться на электрическую тягу.

Все сразу переориентировались. На электричество.

По дороге зашли в книжный магазин. Купили каждый по экземпляру книги «Иллюстрированное садоводство и цветоводство». Свыше 1 200 иллюстраций. Перевод с английского и предисловие кандидата сельскохозяйственных наук Г. П. Солопова.

Эта книга и должна была поднять наше отечественное садоводство. Открыть путь к высоким, устойчивым урожаям плодовых и ягодных, к компотам, мармеладу и конфитюрам собственного приготовления.

Дома я рассказал жене о событиях дня. О том, что кооператив может иметь свою печать, собственный счет в банке, бурить артезианские скважины и укладывать шпалы.

Это ее почему-то не взволновало. Она спросила:

— А земли сколько?

— Шесть соток.

— А домик, хоть маленький?

— Будет.

— А саженцы?

— И саженцы дадут. Переведем сумму через банк, и вся недолга.

Вот, оказывается, как легко и просто бывает в жизни!

Мы посидели, помечтали. Я сказал:

— Представляешь, я приезжаю с работы, вхожу на наш маленький участок, а там все цветет: яблони, вишни, груши. А ты сидишь на крылечке нашего маленького домика и ждешь меня. Ждешь, чтобы вместе, сообща подышать кислородом, озоном и нектаром! А в отпуск мы никуда не поедем. Я буду лежать в гамаке, а ты — на раскладушке. Лежишь, а вокруг тебя пчелы: ж-ж-жж...

— Какие пчелы? Я их боюсь.

— Это наши пчелы. Хозяев они не трогают. Они будут жить в маленьких ульях около нашего маленького домика.

Нам было радостно и немножко грустно. Грустно потому, что мы должны были расстаться с привычным укладом жизни, не обремененным заботами о земле и тревогами по поводу сельскохозяйственных вредителей и поздних весенних заморозков.

Потом жена легла спать. А мне спать не хотелось. Хотелось ходить и разговаривать. Я начал читать вслух выдержки из книги «Иллюстрированное садоводство и цветоводство».

— Римские гиацинты и гиацинцы Синтелла высаживают в горшки на расстоянии пяти сантиметров друг от друга... Тюльпаны группы Коттедж сажают тоже на расстоянии пяти сантиметров... Срезку черенков с коричневой и желтой кальцеолярий проводят обычным способом... Болезни японской лилии проявляются обычно на луковицах... Сонная болезнь пеонов...

— Ты что про какие-то болезни? — прервала меня жена.— Повеселей бы что-нибудь.

Я продолжал:

— Семенные коробочки рододендронов (азалий) должны быть собраны без повреждений с молодых побегов... При нормальном уходе за резиновыми шлангами они могут служить долгое время... Сельдерей выращивают в хорошо подготовленных траншеях... Долгоносики часто повреждают цветочные почки в стадии бутонов... Парша груши — грибная болезнь...

— Хватит! — сказала жена.— Гаси свет!

Я погасил свет и закрыл глаза. Мне снились азалии — рододендроны, тюльпаны группы Коттедж, артезианские скважины и золотой ранет в каплях утренней росы.

На следующем собрании Яблочкин сказал, что они вместе с казначеем — хранителем печати ездили осматривать предлагаемые кооперативу участки.

Первый участок — шестьдесят километров электричкой, семь километров от станции, надо корчевать дубовые пни, воды поблизости нет, электричества тоже. Второй участок — восемьдесят километров железной дорогой, от станции двадцать минут автобусом, пятнадцать пешком, вода есть — кругом болото, надо его осушать, электричества нет. Третий участок с электричеством и с водой, но без почвы. То ли ее ветром сдуло, то ли там туристы побывали. В общем, глина. И сто двадцать километров электричкой. Четыре километра пешком вдоль насыпи.

— Мы остановились на третьем варианте,— доложил Яблочкин.

— Не согласны,— послышалось с мест.

— Других участков не дают,— пояснил Яблочкин.— И эти с боем... Из тех, что я видел, за сто двадцать километров лучший. Иначе я слагаю с себя полномочия... Пусть этим делом займется другой товарищ.

— Ладно. Пусть будет сто двадцать.

Слабые духом дрогнули и без разговоров покинули зал.

— Это ничего, что они ушли,— сказал Яблочкин.— Нам надо принять в кооператив еще семь человек из другой организации. За это она нам привезет землю. А кооператив по числу участков расти не должен: местность не позволяет.

— А может, без чужих обойдемся? Или иначе нельзя?

— Неизбежность. Необходимость. Мы им — места в кооперативе, они нам — землю. И это еще не все. Кроме земли, существует проблема воды.

— Ты же сказал, что вода есть.

— Есть, но глубоко. Одна организация берется сделать колодцы, но взамен просит пять мест...

— Это же разбой.

— Не разбой, а кооперация. А что делать? Поймите, трудно с бурильными установками. Чем вы будете скважины прокалывать? Пальцем? Тогда вернемся ко второму варианту. Но я сказал: там болото. Его надо осушать. Одна организация просит за это двадцать участков... Или я слагаю с себя обязанности...

— Не слагай, Спас, не надо.

ы группы Коттедж

— Пойдем дальше. Электричество. Надо вести от поселка в четырех километрах. Столбы, провода, работа... Нам, конечно, не под силу. Но есть одна...

— Сколько мест?

— Семь. Теперь в отношении железнодорожной платформы. Даже если мы ее построим, поезда останавливаться не будут. Платформа отпадает. Но есть одна организация, которая нас будет возить автобусом.

— Сколько мест?

— Шесть. Как обстоит с домами? Есть дома по две с половиной тысячи рублей. Но это дорого. Откажемся?

— Откажемся.

— Другая организация предлагает нам домики по шестьсот рублей, но требует восемь мест. Согласимся?

— Согласимся.

— Но домиков немного. На всех не хватит. Предлагаю жеребьевку. Члены правления в жеребьевке не участвуют.

— Это почему же не участвуют? — спросил я.

— Потому. Вы нас избрали? Или правлению уйти в отставку? Давайте голосованием.

Поскольку рядовых пайщиков в зале было меньше, чем членов правления, предложение прошло большинством голосов.

При жеребьевке я вылетел, но остался немножко посидеть в зале.

— Далее. Надо транспортировать и ставить дома.

— Ты хочешь, Яблочкин, сказать, что есть одна организация...

— Совершенно точно.

— Не выйдет.

— А кто дома будет ставить? Пушкин?

— Но ведь нас, конструкторов, в кооперативе почти не остается... Все варяги.

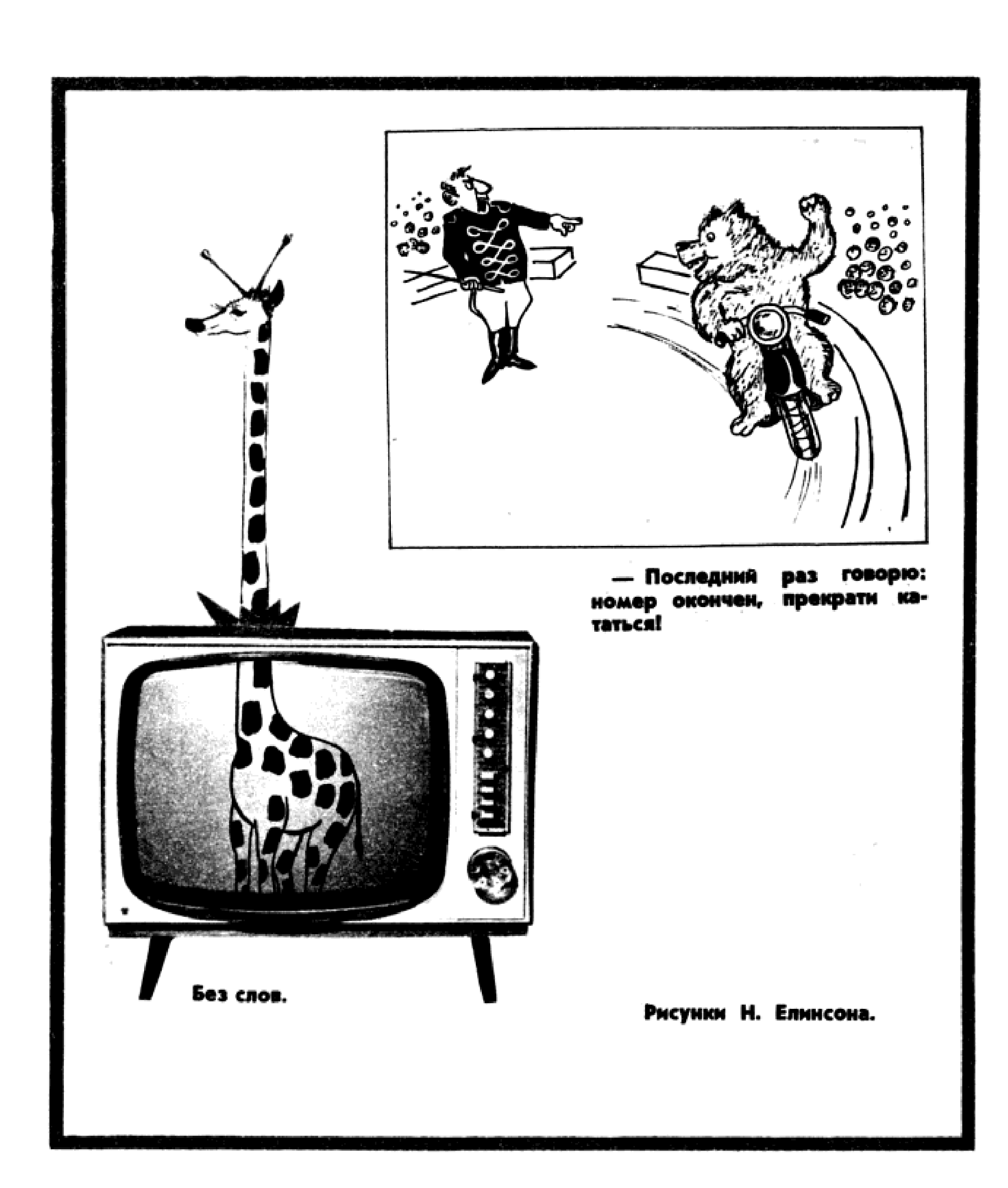
— Без паники. Часть конструкторов пойдет в другой кооператив. Есть одна организация, которая с удовольствием арендовала бы подвал нашего бюро. Если администрация согласится сдать ей подвал, они нам выделят семь мест в своем кооперативе...

Я пошел домой. Жену я успокоил быстро:

— Помнишь, я читал тебе книгу о садоводстве и мне все попадались болезни растений? Так их значительно больше. Я читал выборочно. А теперь нас не будут тревожить ни недуги японской лилии, ни сонная болезнь пеонов, ни долгоносики, ни парша груши...

— ...и ни поздние весенние заморозки, — добавила жена. — Только жаль, не будет у нас тюльпанов группы Коттедж.

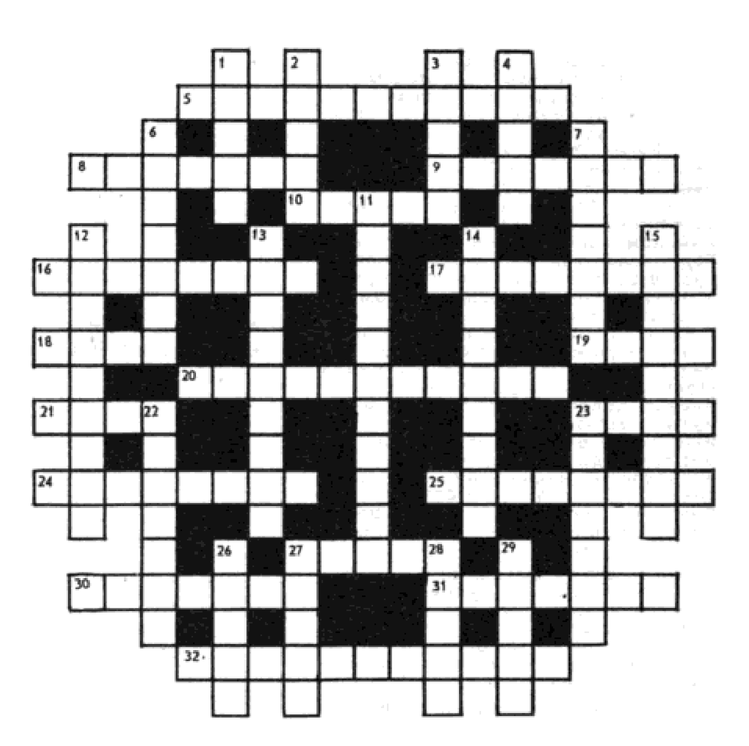
— Тюльпанов группы Коттедж? Я куплю их тебе на рынке.

— Последний раз говорю: номер окончен, прекрати кататься!

Без слов.

Рисунки Н. Елинсона.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Наука о птицах. 8. Музыкальный инструмент. 9. Река в Якутии. 10. Стихотворная форма. 16. Мореплаватель, совершивший первое кругосветное плавание. 17. Устройство для перемещения обрабатываемых изделий. 18. Большой женский платок. 19. Роман Л. М. Леонова. 20. Передача изображений на расстояние. 21. Причальное сооружение. 23. Приток Северной Двины. 24. Русский биолог. 25. Общежитие для учащихся при учебном заведении. 27. Хищное животное. 30. Места на стадионе. 31. Государство в Южной Америке. 32. Птица с пестрым оперением.

По вертикали:

1. Химический элемент. 2. Остров в Карибском море. 3. Древнейшая грузоподъемная машина. 4. Цитрус. 6. Порт во Франции. 7. Английский писатель. 11. Областной центр в РСФСР. 12. Русский композитор. 13. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 14. Тригонометрическая функция. 15. Печатный прибор для размножения текста и иллюстраций. 22. Слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом. 23. Столица европейского государства. 26. Драгоценный камень. 27. Обожженная огнеупорная глина. 28. Вид графики. 29. Артиллерийское орудие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 5. Подсолнечник. 6. Якутия. 8. Вязь. 10. Климат. 14. Гондурас. 15. Флокс. 17. Карат. 18. Ракушечник. 20. Чайка. 22. Омуль. 24. Чиковани. 25. Пяльцы. 26. Сена. 28. Ямайка. 29. Астронавтика.

По вертикали: 1. Спутник. 2. Ромб. 3. Медь. 4. Скрипка. 7. Каллиграфия. 9. Ягдташ. 11. Архангельск. 12. Собакевич. 13. «Задонщина». 16. Серна. 17. Какао. 19. Ереван. 21. Кальмар. 23. Магадан. 26. Стог. 27. Айва.

На первой странице обложки: Мячи взлетели в воздух... Но это не игра. Идет обычный урок ритмики (см. в номере репортаж «Дом, где прописана музыка»).

Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: Слаломная трасса.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

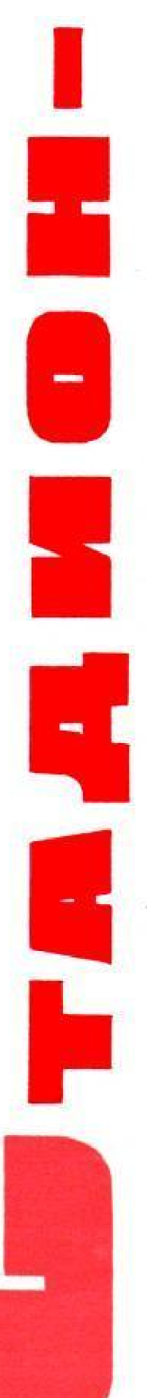
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

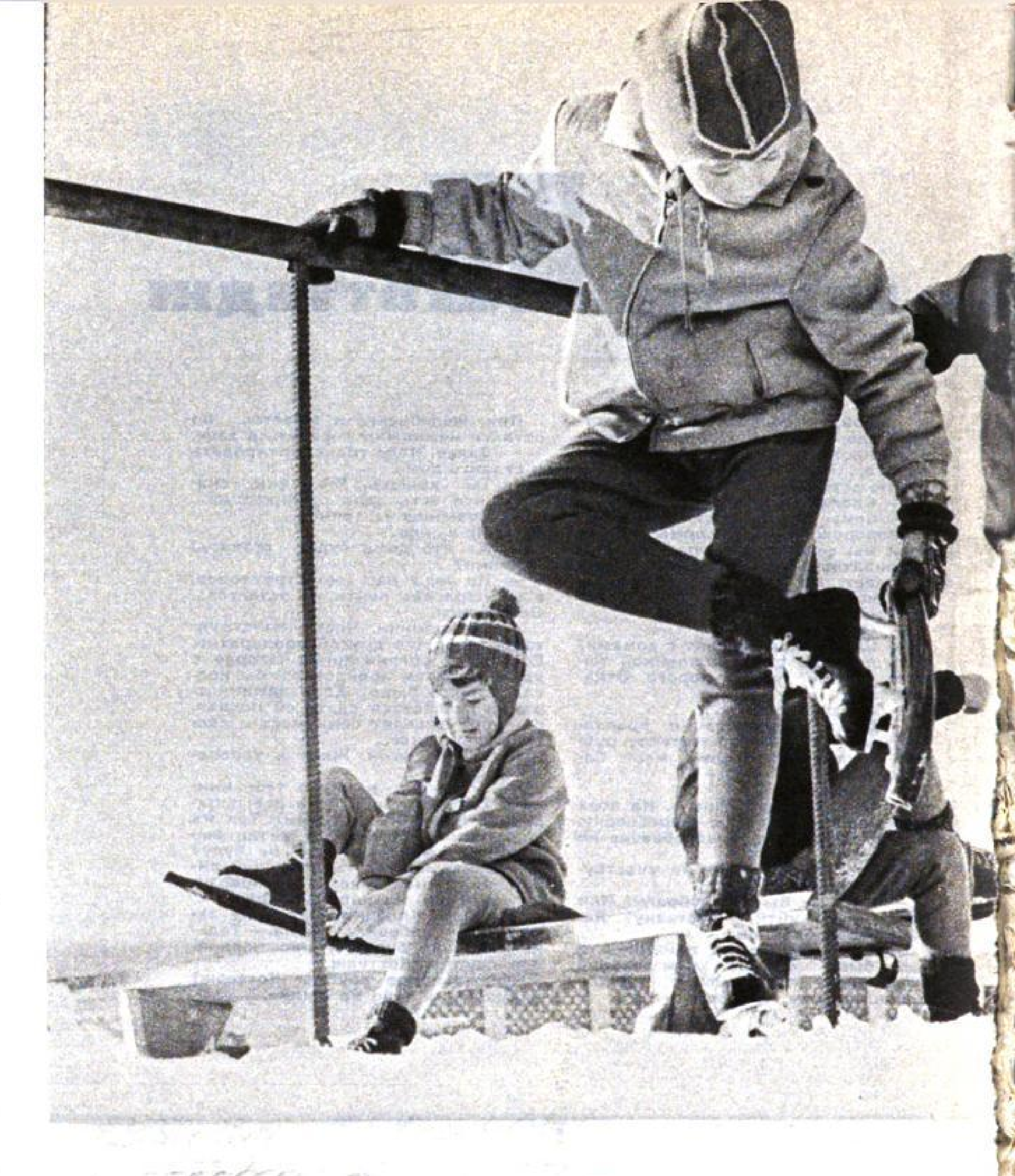
Сдано в набор 26/XI-68 г. А 00520. Подписано к печ. 10/XII-68 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 988 000 экз. Изд. № 2213. Заказ № 3304.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Стадион — по лотерейному билету

А. БОЧИНИН,
Б. СОПЕЛЬНЯК

Этот выигрыш Олимпийской лотереи — не «Москвич-408», не подвесной мотор, не путевка на международные соревнования... Выигрыш — конькобежный стадион с искусственной ледяной дорожкой, построенный в основном на средства, вырученные от продажи билетов Олимпийской лотереи, перед Токийской олимпиадой 1964 года. Год назад такая дорожка появилась в Свердловске и вот теперь — в промышленном подмосковном городе Коломне.

Если стать спиной к старинному Коломенскому кремлю, прямо перед вами будет крутая излучина Москвы-реки, а чуть левее — извилистая Коломенка. Островок, втиснутый между двумя реками, давным-давно отдали под огороды. Но вот три года назад здесь появились бульдозеры, экскаваторы и самосвалы. За рулем — спортсмены. Они перепахали огороды, навезли массу земли и подняли остров на полтора метра.

Люди стали укладывать трубы, строить помещения, устанавливать огромные компрессоры... В канун 51-й годовщины Октября под коломенским небом засверкала четырехсотметровая искусственная ледяная дорожка.

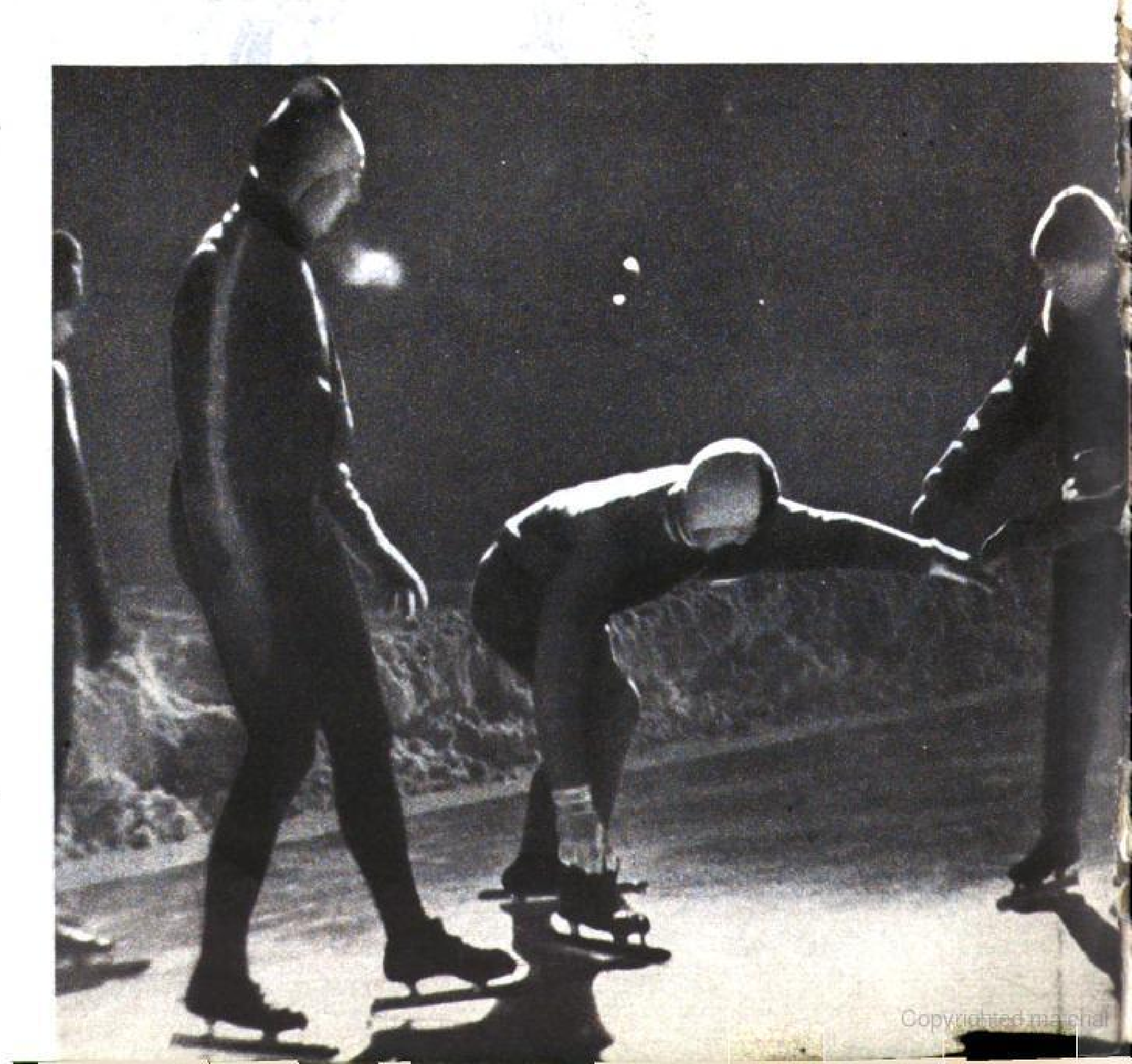
— Сколько было волнений, сколько бессонных ночей! — вспоминает инженер-механик А. Ф. Левченко.— Объем-то какой! Под дорожкой проложили шестьдесят один километр труб. А холодильные агрегаты! Чего стоило смонтировать четыре мощных компрессора с испарителями, которые могли бы охлаждать рассол до —20°. Но мало сделать лед, надо, чтобы он был «быстрым». А для этого нужна особая вода. Чем жестче вода, тем «медленнее» дорожка. Самая жесткая вода — водопроводная, самая мягкая — дистиллированная. Но если сделать лед из дистиллированной воды, конькобежец не сможет от него отталкиваться, так как появится, как говорят лыжники, отдача... Тут пришлось потрудиться, установить дистилляторы, баки для подогрева воды, сконструировать ледоструги, валикоукладчики снега. Но самая большая гордость строителей — судейский павильон!

Тот, кто бывал на конькобежных соревнованиях, знает, каково приходится судьям. С утра до вечера стоят они на льду с секундомерами и флажками в руках и стараются не обращать внимания ни на ветер, ни на мороз. В Коломне сделали так: построили павильон с окном во всю переднюю стену, одели судей в белые халаты и посадили их у специальных пультов. На улице — только стартер с пистолетом в руках. Выстрелом он пускает в ход электрические секундомеры, работающие с точностью до одной сотой секунды. Останавливает стрелки фотоэлемент. Время каждого спортсмена фиксируется сразу тремя секундомерами. Кроме того, синхронно с секундомерами работают огромные электрические часы, установленные на поле.

Итак, стадион построен, ледяная дорожка отвечает всем необходимым требованиям, но вот строители обратились с предложением ко всем организациям: «Не хотите ли получить этот стадион в подарок?..» Казалось бы, от желающих не должно быть отбоя, ведь подарочек-то стоит больше миллиона. Ан нет! Хозяина найти не так-то просто. Ведь стадион-то надо не только принять, но и взять на свой баланс, выделить людей на его обслуживание и пр. и т. п. Хлопотно все-таки! Но ледяная дорожка все равно не пустует. С утра до позднего вечера носятся по ледяному кругу юные конькобежцы из спортивной школы «Комета». Как-никак в школе около пятисот спортсменов, и каждому хочется попробовать новую дорожку. Всего четыре года существует специализированная спортивная школа, а ее воспитанники уже известны повсюду. Валерий Муратов стал чемпионом страны в беге на 500 метров, лучшим среди юниоров РСФСР на полуторакилометровой дистанции оказался Георгий Бредихин...

Вечером закончили занятия малыши, и на лед вышли взрослые скороходы. У бровки стоят тренеры и ревниво наблюдают за своими питомцами. Выпускник Смоленского института физкультуры А. П. Шепаксов уже подготовил пять мастеров спорта.

Только вот хозяин нужен стадиону!

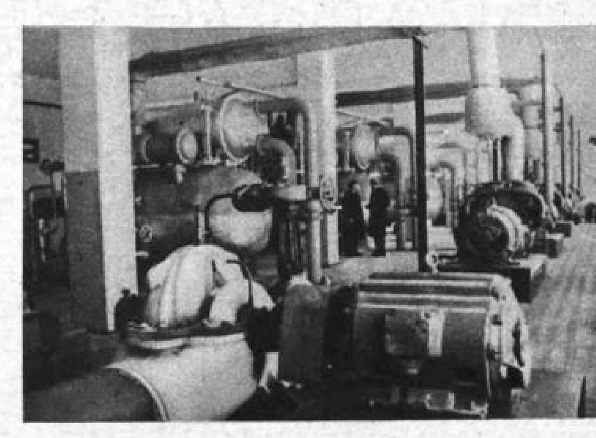

Первый выход на лед.

Не поточишь — не поедешь.

В судейском павильоне.

Здесь рождается холод.

В салоне отдыха.

Творческое обсуждение.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663